

O‘zbekiston Respublikasi oliy va o‘rta maxsus ta’lim vazirligi
SAMARQAND DAVLAT CHET TILLAR INSITUTI

NEMIS TILI NAZARIY FANLAR KAFEDRASI

MATN LINGVISTIKASI (ilmiy to‘plam)

I

Samarqand – 2005

Matn lingvistikasi. Nemis tili nazariy fanlar kafedrasining ilmiy to‘plami. I.
Samarqand: SamDChTI, 2005 yil. 84-bet.

«Matn lingvistikasi» ilmiy to‘plami kafedraning tashabbusi bilan tashkil etilgan ilk bor ilmiy to‘plam hisoblanib, ushbu ilmiy to‘plamga kafedraning professor-o‘qituvchilari, magistr- talabalarining, shuningdek institutimizda va shahrimizning boshqa oliy o‘quv yurtlarida faolyat ko‘rsatayotgan tilshunos olimlarning tilshunoslikning turli sohalarida olib borayotgan ilmiy izlanishlarning natijalari asosida yozilgan ilmiy maqolalari kiritilgan. Ilmiy to‘plamga kiritilgan ma’qolalar o‘zining dolzarbligi bilan alohida ajralib turadi. To‘plam tilshunoslik fanining u yoki bu sohalar bo‘yicha o‘z ilmiy izlanishlarini olib boruvchi aspirant va yosh tadqiqotchilar uchun mo‘ljallangan, chunki ushbu to‘plamdagi ilmiy maqolalarida-matn barcha ilmiy tadqiqotlarning ko‘zgu obekti sifatida shakillanib kelmoqda. To‘plam mualliflar hisobida chop etilmoqda.

Tahririyat hayo‘ti: Bushuy A. M.
Tursunov B. T

– professor
– professor (ma’sul muharir)

EGA STILISTIK FIGURA FUNKTSIYASIDA.

B. T. Tursunov

Har qanday gap bo‘lagi ham o‘ziga moyil bo‘lgan funksiyadan tashqari matn doirasida yangicha funksiyalarni bajarib kelishi ham mumkin. Masalan: «**Marschall Boussack ging schlafen**» sodda gap tarkibida gap bo‘laklari tomonidan bajarilib kelinayotgan funktsiyalarga diqqat e‘tiborini qarataylik: ya‘ni bu yerda –**Marschall Boussack** -ega funksiyasida; -**ging schlafen** esa kesim funktsiyasida kelyapti. Bunday hollarni bog‘langan yoki yergashgan qo‘shma gaplar tarkibida ham kuzatish mumkin: endi o‘z -o‘zidan savol tug‘ilishi mumkin: gap bo‘laklari muntazam ravishda o‘zlariga hos bo‘lgan funktsiyalarga kelaveradimi, yoki ular biron bir narsa hodisa yoki kimsalar ta‘sirida o‘z funktsiyalarini o‘zgartirish ham mumkin-mi?

Endi ana shu savolga javob tariqasida eganing o‘ziga mayl bo‘lmagan funksiyasida kelishga to‘xtaylik. Ma‘lumki matnlar ustida olib borgan kuzatishlarimiz nafaqat eganing, biroq boshqa gap bo‘laklarining ham o‘zlariga moyil bo‘lmagan funktsiyalarda kelaolishligini tasdiqlamoqda. Gap bo‘laklarining o‘zlariga moyil bo‘lmagan funktsiyalarda kelishi deganda biz ularning yangicha tabiatga, yangicha nomlanishga ega bo‘lishini tushunamiz. Chunki ular yangi funktsiyalarda kelganlarida ham o‘zlariga xos, lekin yangicha tabiatga ega bo‘lgan funktsiyani bajaradi. Biroq ular tomonidan bajarib kelinayotgan funktsiyalar doirasi kengayishi mumkin xolos.

Endi gap bo‘laklariga, aniqrog‘i egaga xos bo‘lgan yangicha funksiyalarni izohlashga o‘tamiz. Ega bunday funktsiyalarga ega sifatida emas, baki ilovalı unsur funktsiyasida ifodalanib keladi.

M.: 1. Marschall Boussac ging schafen. Dunois noch nicht (E. Paul. S. 233).

№ 1 –raqamli misolda biz endi sodda strukturalı gapga emas, balki ilovalı aloqalarga asoslangan murakkab sintaktik butunlikka ega bo‘lamiz. Ilova aloqalariga asoslangan murakkab sintaktik butunlik bu matnning kichik bir strukturalı tipidir. Ilovalı unsurga ega bo‘lgan har qanday sintaktik qurilmani biz matnning strukturalı tiplaridan biri deb tahlil qilamiz. Haqiqatdan ham xuddi shunday.

Endi ushbu matnning sintaktik tahliliga o‘taylik. Ushbu matn ikki qismdan iborat: asosiy qism va ilovalı unsur. Ilovalı unsurga ega bo‘lgan matnlarga nisbatan «ilova konstruktiviyasi, ilova qurilma» kabi terminologik tushunchalar ham qo‘llaniladi (B. T. Tursunov, O. S. Obloqu-lova, 1982, 1987). Demak ushbu ilova qurilma tarkibida ilovalı unsur ega bilan ifodalanadi. Ega ushbu sintaktik konstruktiviyasi tarkibida ega funktsiyasida emas, balki ilovalı unsur funktsiyasida keladi, shu tufayli ham uning sintaktik funktsiyasi boshqacha tus oladi, ya‘ni u asosiy ifodaga nisbatan qo‘shimcha ma‘no bildiradi, uni konkretlashtiradi, izohlaydi, to‘ldiradi, boyitadi.

Ega shakildagi ilovalı unsurlarga xos bo‘lgan bunday funktsiyalar eganing oddiy funktsiyasida keskin farq qiladi. Shu sababli ham bunday tabiatga ega bo‘lgan ilovalı unsurlar ega sifatida emas, balki nisbatan mustaqillikka ega bo‘lgan muhim kommunikativ birlik sifatida tahlil qilinadi.

Ega shakilda ifodalanib kelgan ilovalı unsurlarning sintaktik aloqa vositalari ham oddiy eganing aloqa vositalaridan keskin farq qiladi. Oddiy ega bilan kesim o‘rtasidagi sintaktik munosabat moslashuvga asoslansa, ega shakildagi ilovalı unsur bilan asosiy ifoda o‘rtasidagi sintaktik aloqa vositasi esa kesimning umumiyiligi bilan ifodalanadi. Ulovalı unsur ushbu matn tarkibida muhim stilistik figura sifatida namoyon bo‘ladi, ilovalı unurning qo‘shimcha ma‘no xususiyati asosiy ifodaning ma‘no xususiyatiga qarama-qarshi qo‘yiladi. Yozuvchi bo‘lgan vo-

qea-xodisani kitobxonga aniq etkazish maqsadida, uning diqqat e'tiborini jalb qilish maqsadida birdan-bir stilistik figuradan foydalanishni ma'qul ko'radi, shu sababli ham bu yerda ilovali unsur muhim stilistik figura hisoblanadi. Ilovali unsurning stilistik figura ekanligi bir tomondan unga xos bo'lgan intonasiya bilan haraktrlansa, ikkinchi tomondan ilovali unsurning tarkibida nimanidir tushirib qoldirishi bilan belgilanadi. Agarda ilovali unsur yuqorida ta'kidlangan xususiyatlarga ega bo'lmaganda edi, u stilistik figura sifatida namoyon bo'lmagan bulur edi. Ilovali unsur tarkibida biron-bir komponentning tushirilib qoldirilishi oddiy bir xol emas, chunki yozuvchi matn tarkibida bor narsani takrorlab o'tirmaydi, balki kitobxondan ana shu takrorlanishi lozim bo'lgan narsani aniqlab olishni talab qiladi, natijada ilovali unsular paydo bo'ladi.

Ilovali unsurlarga xos bo'lgan bunday xususiyatlarni izohlab berishni davom ettiramiz.

M.:2. Johannes Ziel ist der Friede, und dafür müsse sie unablässig handeln und kämpfen. Nur sie (E. Paul, S. 197).

Endi diqqat etiborini №2- raqami misolda berilgan ilova qurilmaga qarataylik. Bu yerda ham ilovali unsur ega bilan ifodalangan, u oddiy bir ko'rinishga egaday, biroq ilovali unsurning mazmuni juda ham chuqur, uning chuqur bo'lishiga **-nur** yuklamasi sabab bo'lmoqda. Tarkibida yuklamalarga ega bo'lgan ilovali unsurlar juda ham ta'sirchan bo'ladi, chunki yuklamalar bunday holatlarda ularning mazmunini kuchaytirish uchun xizmat qiladi. Uning shunday xususiyatga ega bo'lishini kuzatish maqsadida ilovali unurni tahlil qilishga o'tamiz. Buning uchun ushbu matnning o'zbek tildagi tarjimasiga murojaat qilamiz. Ushbu matn Elgers Paulning «Jungfrau Johanna» nomli tarixiy romanidan keltirilgan. Romanda yosh ayol Yoxanna Frantsiyaning qutqaruvchisi sifatida gavdalanadi, ya'ni ayol kishining qahramonlik qobilyotga ishonadi, bunga sabab shuki u qo'mondon sifatida Frantsiyaning ko'p joylarini inglizlardan ozod qiladi. Ushbu holat shu keltirilgan matnda ham o'z ifodasini topgan. Jangchilar Yoxananing qo'rqmasligiga, davyurakligiga, jangni ohirigacha olib borishligiga ishonadi, shu tufayli ham ular faqatgina Yoxanaga ishonadilar. Yozuvchi ham ushbu holatni alohida ko'rsatish maqsadida ilovali unsurga murojaat qiladi, ilovali unsur orqali Yoxanaga xos bo'lgan fazilatlarini izohlab berishga intiladi.

Endi ana shu holatni ilovali unsur mazmunida kuzatamiz. **-Nur sie** bu ilovali unsure shaklida ifodalangan, **-nur** yuklamasi esa uning mazmunini kuchaytiribgina qolmasdan, balki uni alohida ta'kidlash uchun ham qo'llaniladi. Ilovali unsur tarkibida kelgan **-nur** yuklamasi ilovali unsur tomonidan asosiy ifodaga bildirilib kelinayotgan qo'shimcha ma'no xususiyatini alohida ta'kidlash bilan bir qatorda, bu yerda yashirinib turgan ma'noni ham ro'yobga chiqishiga sabab bo'ladi. Demak **-nur** yuklamasining ega shakilda ifodalanib kelgan ilovali unsur tarkibida kelishi, ilova qurilma tarkibida mavjud bo'lgan pragmatik vazifani yuzaga chiqaradi. Bu erda yashirinib yotgan pragmatik ma'no quydagicha mazmunga ega: faqat Yoxananing yolg'iz o'zi, ya'ni boshqalar emas, bu kurashni davom etirishi mumkin. Demak har qanday ilovali unsur, muhim stilistik figura sifatida tasvirlanayotgan voqeani ematsional **ekspressiv** xarakterga ega ekanligini ko'rsatish uchun xizmat qiladi. Yoxananing boshqalarga nisbatan xar tomonlama ustun ekanligini ko'rsatish maqsadida ushbu ilovali unsure matn tarkibida ana shunday emotsional-ekspressiv funksiyani bajaradi.

Ega shakildagi ifodalanib keluvchi ilovali unsurlar strukturaviy jihatdan murakkablashuvi ham mumkin.

M.: 3. Tre'mouille hätte zugerne erfahren, wer zur Zeit die Macht in Orleans repräsentierte. Dunois und sein Ritter? Die reiche Bürgerschaft? Oder gar Johanna d'Arc und ihre Anhänger aus beiden Lagern?(E. Paul,S. 273)

№ 3-raqami misolda berilgan ilovali qurilmaning sintaktik, sematik va stlistik xususyatlarini tahlil qilishga o'tamiz. Yuqorida ta'kidlaganimizdek ilovali unsurlar nafaqat stilistik hodisa sifatida, balki pragmatik vosita sifatida namoyon bo'lishi ham mumkin ekan. Ilovali unsurga xos bo'lgan bunday xususiyatlar, uning strukturaviy murakkablashuvi bilan yanada kengayadi, yangi-yangi tushunchalar bilan boyib boradi. Bu xolatni № 3-raqamli misolda ham kuzatish mumkin, chunki bu yerda murakkab strukturaviy ilovali unsurlar berilgan. Ularning murakkablashuv jarayoniga ilovali unsurlarning soni ta'sir etadi. № 3-raqamli misol tarkibida yagona asosiy ifodaga birdaniga uchta ilovali unsur birikib kelgan. Ilovali unsurlarning birikishi ham o'zgacha, ya'ni bu yerda biz ikki xil birikishga guvoh bo'lamiz: parallel va ketma-ket. Demak, joylanish tartibiga ko'ra birinchi va ikkinchi ilovali unsurlar asosiy ifodaga parallel birikkan. Parallel birikishda ilovali unsurlar bir-birlariga bogliq bo'lmagan holda to'gridan-to'gri asosiy ifodaga birikib keladi. Joylanish tartibiga ko'ra uchunchi ilovali unsur esa, asosiy ifodaga ketma-ket birikkan. Ketma-ketlik birikishda bir ilovali unsure ikkinchi ilovali unsur orqali asosiy ifodaga berishi mumkin. Ushbu holat № 3-raqamli misolda ko'rsatilgan, ya'ni joylanish tartibi bo'yicha uchunchi ilovali unsur joylanish tartibi jihatidan ikkinchi ilovali unsur orqaligina asosiy ifodaga birikadi xolos. Ketma-ket birikish tufayli joylanish o'rni jihatidan birinchi va ikkinchi ilovali unurning asosiy ifodaga nisbatan bajarib kelgan funksiyalari monofunksiyadir. Joylanishi jihatidan ikkinchi o'rinda turuvchi ilovali uncur polifunksiyaga o'tadi. Bu ilovali unsurlarga xos bo'lgan polifunksionallikni quyidagicha tartibda izohlash mumkin. Ikkinchi ilovali unsur ikki xil funktsiya bajaradi: asosiy ifoda uchun u ilovali unsur bo'lib kelsa, uchinci ilovali unsur uchun u asosiy ifoda funktsiyasida keladi. Ko'rib turganimizdek, ilovali unurning matn doirasida bajarib keluvchi funksiyalari borgan sari kengayib borar ekan.

Ega shaklida ifodalanib kelgan ilovali unsurlarning strukturaviy, semantik va stilistik tahlili asosida quyidagicha xulosaga kelishi mumkin: 1) ega shaklidagi ilovali unsurlar biz ishlagan matn tarkibida ma'lum darajada yoyilgan. 2) ega shaklidagi ilovali unsurlar strukturaviy jihatidan soda va murakkab bo'lishi mumkin. 3) ilovali qurilma tarkibida ilovali unsurlar bilan asosiy ifoda o'rtasidagi sintaktik aloqa quyidagi tartibda o'rnatiladi: a) kesimning umumiyligi bilan b) takroriy leksik birliklar yordamida c) konstruktiv sintaktik aloqalar orqali 4) ilovali unsurlar matn tarkibida xilma-xil sintaktik, semantik, stilistik va progmatik funksiyalarni bajaradi 5) ilovali unsurlarning yuzaga kelishi bu matn tarkibidagi pragmatik ma'noning ro'yobga chiqishidir. O'ylaymizki, ega shaklida ifodalanib kelgan ilovali unsurlarning bajarib kelgan funksiyalari matn tarkibida yanada kengayishi, boyishi va to'ldirishi mumkin.

ADABIYOTLAR:

1. Турсунов. Б. Т.,Облокулова С. Х. Библиографический указатель по вопросам сложного синтаксического целого, присоединения, парцеллирования . -Самарканд: Самгу,1982. -76 с.
2. Турсунов Б. Т.,Облокулова С. Х. Вопросы присоединения,парцеллирования и сложного синтаксического целого. -Самарканд: СамГУ, 1987. – 44 с.

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК В НОМИНАТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ И ТЕКСТОВОМ РАКУРСЕ

А. М. Бушуй

В человеческом обществе процесс общения протекает в принципе в языковой форме, которая образует первичную основу существования общественного сознания. Конечно, человеком используются еще также иные формы материального и духовного общения. Это непосредственный обмен предметами утилитарного, иконического или же символического характера, а так же используются паралингвистические средства. Однако для человека они являются только надстройкой над языковой базой. И действительно, любая форма конвенционального знака есть 1) продукт речемыслительной деятельности человека и 2) существование подобного знака зависит от необходимой интерпретации его естественным языком.

Мышление человека (как субъектная форма отражения мира) представляет собой абстрактную форму познания. Она находит свое выражение в специально приспособленной для этого формы отображения мира в виде языкового знака. В нём сочетаются признаки материальной субстанции и свойства идеальной сущности.

Абстрактный характер человеческого мышления предопределил возникновение особой формы его репрезентации. Действительно, взаимодействие человека с природой строится именно на основе абстрактного отношения предметов в сознании человека, что противоположно разовому и единичному характеру животной реакции на мир. Из подобной рефлекторной реакции абстрактность превращает поведение человека в управляемый процесс теоретического и практического овладения сущностью вещей, что одновременно требует особой формы своего проявления (а именно языкового знака) и определённого этапа познания мира. Становление абстрактного мышления есть одновременно и возникновение языка. Характер же человеческого познания предопределяет и функциональную сущность языкового знака, его индивидуально-общественные свойства.

По своей природе языковой знак двусторонен: он материален и идеален. Эта двусторонность опирается на такую гносеологическую основу, которая одновременно обозначает конкретную и всеобщую сущность предметов и явлений. Двусторонностью языковой знак отличается и по своей функции, ибо он обслуживает индивидуум и коллектив. Указанные аспекты языкового знака определяют (через актуализацию в общении) его коммуникативную сущность. Он включает в себя результаты индивидуального и общественного сознания, аккумулируя индивидуально-общественный опыт познания мира. При этом не только слово или предложение взаимосвязано в пределах определённой совокупности высказываний, но и любую совокупность высказываний следует считать квантом всеобщего познавательного опыта. Наиболее же полную реализацию этот опыт находит в тексте как максимально информативной единицы языка. В его временных и пространственных границах актуализируется именно такая совокупность высказываний, в которой отражается относительно законченный процесс информации. Поэтому уже с первых десятилетий XX века язык стал изучаться в качестве системы, а это потребовало включения в объект анализа всех взаимозависимых содержательных связей слов и предложений. И сейчас

усилия семантиков сосредоточены именно в этом, о чем свидетельствуют развиваемые направления в генеративной семантике и когнитивной грамматике. Ср. высказывание в этом плане М. Бирвиша (1981, с. 198): «Семантическая интерпретация данного предложения частично может зависеть от конкретного лингвистического или экстралингвистического контекста, в котором оно встречается. Другими словами, предложение – неоднозначное, когда оно берется изолированно, – может иметь только одну интерпретацию в конкретном дискурсе». Именно эта необходимость изучения семантики единиц в их отношениях, образуемых при формировании коммуникативных единиц, выдвинула проблему изучения всех их контекстных связей и обусловила становление «контекстной семантики» – части теории текста.

Вопросы интерпретации текста и стилистики языка прямо соотносятся с изучением семантики языковых единиц в их естественном коммуникативном окружении. Языковые единицы заключают в себе познавательное содержание. Его обмен и составляет сущность языковой коммуникации. Поэтому содержательный подход к языковым единицам есть предварительное условие адекватного описания языка. При этом следует учитывать, что каждая языковая единица имеет свою логическую базу – от элементарного понятия до сложного логического рассуждения (это сложное умозаключение, энтимема, цепи умозаключений). И функционирование слов, словосочетаний и предложений в цепи обмена информацией опирается на логико-понятийную деятельность сознания.

Текст – это микросистема, которая способна выражать (воплощать и репрезентировать) отображаемые в человеческом сознании системные знания мира, это основная функционирующая в обществе языковая единица. При этом высказывание – как составная часть текста – выражает элементарную связь предметов (в качестве определенного объекта и его признаков). Высказывание строится в рамках коммуникативной единицы (текста) на основе субъектно-предикативной связи, являющейся исходной для осуществления системного содержания коммуникативного акта.

Высказывание – это узловое звено языка. В коммуникативном плане высказывание представляет собой исходную единицу, образующую более высокие грамматические единицы, например, такую, как «сверхфразовое единство». Высказывание – это и последняя грамматическая единица структуры языка, ибо оно обладает признаком законченности своей внутренней организации и элементарным смыслом, который основан на обозначении связи предметов и явлений и на предикативном соотношении соответствующих понятий – членов пропозиции. Предложение же с его пропозицией остаётся ещё лишь грамматической структурой. Ср. здесь следующее утверждение В. А. Звегинцева (1979, с. 74): «Люди общаются не посредством отдельных языковых знаков или их последовательностей, а с помощью предложений. Предложение же, хотя и строится из единиц знакового характера (тех же слов), обладает смыслом, который не представляет простую арифметическую сумму значений составляющих его знаков. Смысл как бы «надстраивается» над ними». Интересно еще такое другое подобное мнение: «Речевое сообщение зачастую не ограничивается одним предложением, предложение обычно функционирует как компонент больших речевых единств (единство реплик в диалогической речи, последовательность предложений монологической речи в границах обзаца и, шире, текста вообще и т. д.)» (Г. Г. Поченцов, 1978, с. 7).

Исходя из вышесказанного, текст (как первичная коммуникативная единица) имеет логико-грамматическую природу, определяется правилами построения смысла (информации) и правилами его структурирования и делимитации. Здесь уже

оперированию подлежат такие понятийные категории, как связность, законченность, последовательность и т. д., т. е. это уже свойства, которые определяют сам процесс передачи информации. Свойства же, объясняющие элементарную организацию (существенным признаком которого является предикативность), отходят на второй план, где на базе структуры предложения актуализируется собственно грамматическая структура языка, т. е. грамматика текста не может ограничиваться синтаксисом предложения (=грамматика атрибутивных и предикативных отношений единиц до сложного предложения включительно) и должна интерпретироваться в ракурсе структуры вербальной коммуникации. Именно в этом направлении очевидна перспективность дальнейшего развития теоретической грамматики. Ср., например, следующее интересное в этом отношении наблюдение В. А. Бухбиндера (1978, с. 31): «Иначе вырисовывается перспектива рассмотрения уровневой структуры языка «сверху», с позиций целого текста. Можно ожидать в этом случае более содержательной трактовки роли различных единиц языка в процессе речи: конечное назначение каждой из них – это тот вклад, который вносится ею в образование текста – сообщения».

Как видно, налицо такая тенденция в развитии знаковой теории в современной общей лингвистике, для которой релевантными являются следующие исходные концептуальные позиции:

- 1) максимальная структурная единица языка – это предложение (высказывание), интерпретируемое в комплексе морфолого-синтаксических характеристик;
- 2) существующая иерархия уровней языковой системы (фонологический, морфологический и т. д. уровни) должна дополниться уровнем текста;
- 3) толкование семантики языковых единиц до предложения включительно покрывается термином «значение», а семантика текста (начиная с высказывания) – термином «смысл».

Исходя из вышесказанного, интерпретация любого языкового явления может быть проведена по крайней мере с двух сторон. Это план выражения и план содержания. Причем план содержания языковых единиц зачастую характеризуется различной сложностью, различной степенью отвлеченности, может по-разному соотноситься с внеязыковой действительностью или не соотноситься с ней, отражая лишь отдельные отношения между единицами языка. Поэтому именно план содержания языковых единиц представляет первостепенный интерес для семантики как общей теории языковых систем.

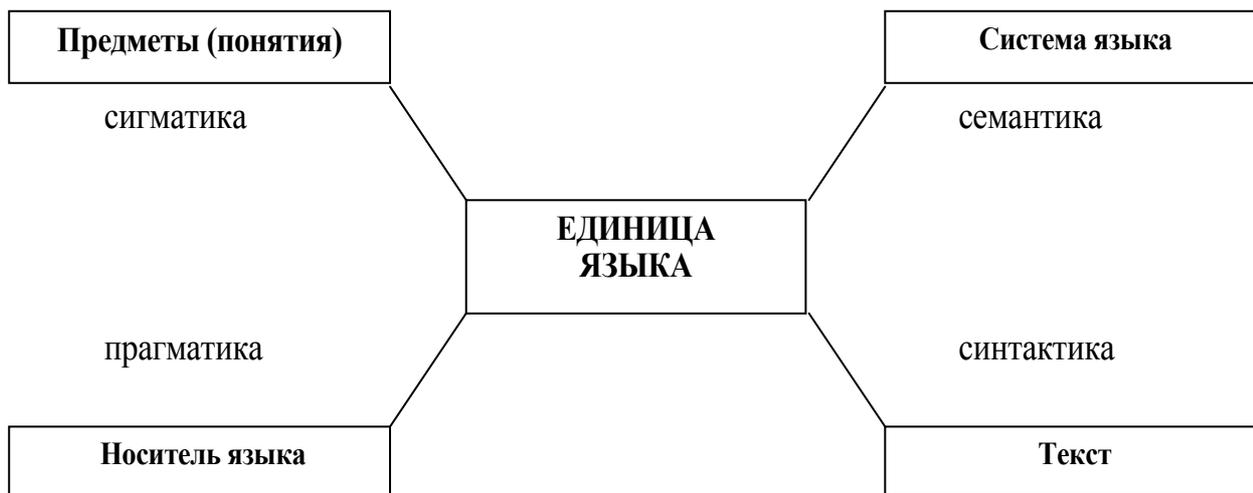
Разрабатывая основы семиотики, Ч. Пирс (C. S. Peirce, 1931-1935) и вслед за ним Ч. Моррис (C. W. Morris, 1938) предложили различать в семиотике синтактику (изучающую отношения между знаками), семантику (изучающую отношения между знаками и обозначаемыми ими предметами) и прагматику (изучающую отношения между знаками и человеком). При этом, разумеется, едва ли целесообразно объяснять синтактику, семантику и прагматику как понятия, соответствующие уровням абстракции, ибо в них отражаются возможности различного подхода к знакам. Кстати, Г. Клаус (1967, с. 13-19) предложил ещё и такой аспект толкования знака, как сигматический, показывающий соотношение знака с объектом отражения (семантика же характеризует соотношение знака с самим мыслительным отражением объекта – G. Klaus, 1972, с. 57). Однако, по мнению Ю. С. Степанова (1971, с. 158), «К. Клаусу не удалось убедительно обосновать необходимость четвёртого аспекта – сигматики».

Конечно, для языкового знака практически можно говорить лишь о соотносённости с образом, мыслительным отражением, а не соотносённости непосредственно с самим объектом. Иначе говоря, в общем-то нет необходимости различать в означаемом сам объект и его языковое отражение (хотя это не значит, что

иногда не следует различать объект и его отражение в языке). Вместе с тем для лингвиста кажется неприемлемым смешение в синтактике как отношений между знаками в тексте, так и отношений между знаками в языке. Если в лингвистическом отношении значение какой-либо языковой единицы определяется прежде всего её местом в системе, то вполне возможно толковать отношение языковой единицы (знака) к другим единицам (знакам) данной системы как семантическое, сохраняя за синтактикой рассмотрение отношений между единицами (знаками) в тексте. Тогда сигматика представляет собой отношение знака к означаемому, а прагматика характеризует соотношения языковой единицы и её использования носителям языка. Ср:

Внеязыковая действительность

Внутриязыковые факты

Учитывая изложенное, целесообразно при анализе плана содержания языковых единиц различать семантику языковой единицы, определяемую её местом в системе языка, и её сигматику (=предметную соотнесённость). При этом не следует упускать из виду и прагматику языковой единицы, характеризующую её использование носителем языка, а также её синтактику (=соотнесённость единицы с другими единицами в тексте).

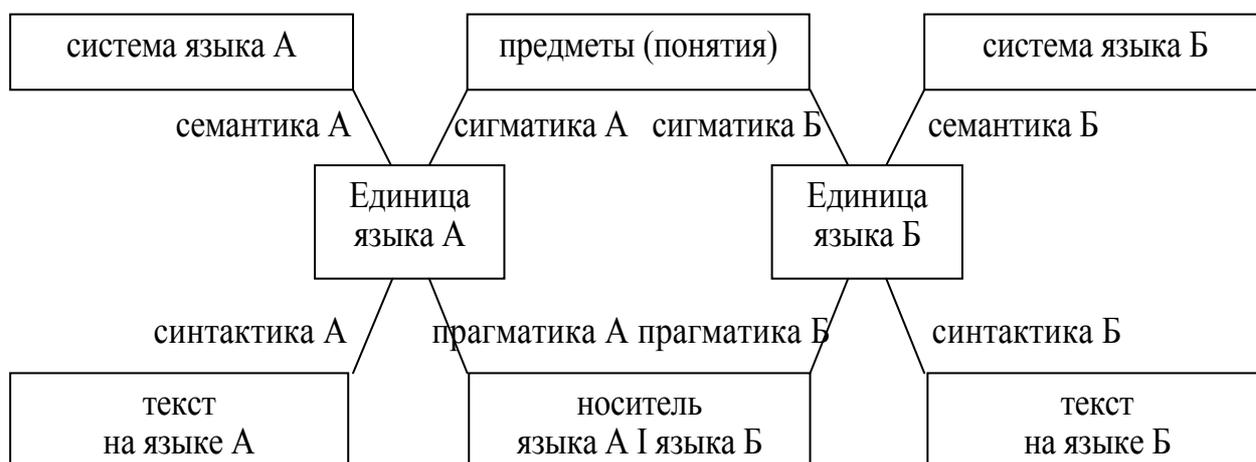
Подобного рода дифференциация позволяет уточнить, что семантикой обладает любая языковая единица, сигматика же обязательна для некоторых единиц, выражающих лишь внутриязыковые отношения. Если на одном полюсе семантической оси языковых единиц находятся однозначно соотносимые с внеязыковой действительностью значения терминов, то на другом оказываются чисто внутриязыковые реляционные отношения, показывающие лишь связь между языковыми единицами в тексте. Вдоль же так понимаемой семантической оси с различной степенью утраты предметной соотнесённости и с нарастанием реляционности располагается значения лексических и грамматических явлений языка. Исторически изменчивы как значения отдельных языковых единиц, так и структура всей семантической системы. Возникая на базе соотнесённости с действительностью, значения ряда языковых явлений затем движутся по оси, передвигаясь всё далее по направлению к полюсу реляционности. В ходе этого передвижения возможно наполнение некоторых языковых явлений новыми семантическими оттенками, возникновение новых соотнесений явления с действительностью. Не исключен полностью и путь развития семантики от полной реляционности к большей конкретности в воспроизведении соотнесённости с внеязыковой действительностью.

Однако функционирование плана содержания языковых знаков не сводится лишь

к расположению или же перемещению по вышеупомянутой сигматико-семантической оси. Здесь возможна еще и другая – семанτικο-синтаксическая – ось, по которой языковые единицы поступают в тексты, реализуя тем самым языковые явления.

В итоге рассматриваемый подход к расчленению плана содержания языкового знака позволяет углубить существующие представления о внутрилингвистических отношениях и сущности некоторых внешелингвистических явлений. Так, проблема определения степени соотнесения (координации) двух конфронтируемых языковых систем разрешается в том плане, что некоторая соотнесённость между языками устанавливается (из четырёх аспектов плана содержания языкового знака) в области сигматики (т. е. это предметно-понятийная соотнесённость единиц языка), в то время как принципиально различными оказываются семантика и синтактика, которые характеризуют внутриязыковой статус языковых знаков двух сопоставляемых языков. Именно сигматическая соотнесённость делает возможным межъязыковой перевод. Более детально все возможные отношения схематически можно представить следующим образом:

Внутриязыковые факты А Внеязыковая действительность Внутриязыковые факты Б

Подобная картина семиотической структуры плана содержания языкового знака достаточно наглядно раскрывает взаимообусловленное соотношение его внутрилингвистических и экстралингвистических свойств.

Из сказанного очевидно, что при типологическом сравнении двух языков необходимо описание не только сходных, но и различительных признаков. По существу каждый язык выступает как бы вариантом по отношению к какому-либо другому языку, а определенную сумму инвариантных показателей следует выносить за пределы при исследовании каждого языка. При этом типологическое сопоставление, конечно же, не должно снимать индивидуальную характеристику каждого языка. Ни один язык не гомогенен в своей структуре, отсюда и сегментация языковых подсистем и членение материала внутри этих подсистем проходит в различных языках по разным линиям. Разумеется, если характеризовать отдельные языки через описание суммы признаков, которые распределяются по уровням языковой структуры, то зачастую не трудно обнаружить, что в каждом языке присутствуют почти все признаки. Правда, они проявляются в различных количественных отношениях и в разной степени содержательного наполнения. Это приводит к тому, что значение, передаваемое в каком – либо языке на одном уровне, в другом языке выражается средствами совершенного иного уровня. Имеются также ещё и языковые явления, пограничные для различных

уровней языка. Связи здесь с тем или иным уровнем языковой структуры могут обнаруживаться через противопоставления между элементами микросистем или же моделями, которые эти микросистемы конструируют. Начинать такое исследование (если проводится сопоставительное изучение языков разных типов) целесообразно оперированием единиц одного уровня с дальнейшим подключением данных других уровней, без чего невозможной будет полнота раскрытия содержательных или функциональных сторон анализируемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

3. Звезгинцев В. А. *К вопросу о природе языка // Вопросы философии.* – М., 1979. – № 2.
4. Поченцов Г. Г. *Дискурсивный и композитный уровни лингвистического анализа текста // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам.* – Киев, 1978.
5. Бирвиш М. *Семантика // Новое в зарубежной лингвистике.* – Вып. X. – М., 1981. – С. 177-199.
6. Бухбиндер В. А. *О некоторых теоретических и прикладных аспектах лингвистики текста // Лингвистика текста и обучение иностранным языкам.* – Киев, 1978.
7. Клаус Г. *Сила слова: Гносеологический и прагматический анализ языка.* – М.: Прогресс, 1967. – 215 с.
8. Peirce C. S. *Collected Papers.* – Cambridge, 1931-1935.
9. Morris C. W. *Foundations of the Theory of Sign.* – Chicago, 1938.
10. Klaus G. *Semiotik und Erkenntnistheorie.* – Berlin, 1972.
11. Степанов Ю. С. *Семиотика.* – М., 1971.

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА

Т. А. Бушуй

Вильгельм фон Гумбольдт – уникальное явление в истории мировой духовной культуры. Его идеи – не прошлое для нашей культуры, а её настоящее. Гумбольдт является родоначальником новых мыслительных парадигм и в области философии (философской антропологии), и в области языковедения (антропологической лингвистики), в рамках которых осуществляют своё движение философская и научная мысль нашего времени.

Мировая история языкознания XIX века характеризуется сложностью путей развития научных представлений. XIX век знает периоды бурного развития теоретических идей и основополагающих открытий и периоды педантичного собирания и кропотливой обработки фактического материала самых различных языков мира.

Первым теоретиком в области языкознания XIX в., сделавшим попытку осмыслить весь обширный материал и имевшиеся результаты научных открытий и сформулировать фундаментальные положения методов лингвистической науки был Гумбольдт, учёный с ярко выраженным философским складом ума и стремлением к теоретическим обобщениям.

Противоречивый и порой парадоксальный характер исследований, посвященных Гумбольдту, отражает в определённой мере и место, занимаемое этим учёным в истории науки (см. сборник: *Wilhelm von Humboldts Sprachdenken...*, 1989). Несмотря на неоднократно повторяемое утверждение о том, что Гумбольдт является основателем современного общего языкознания, приходится признать, что реальное влияние ученого на развития языкознания XIX – начала XX в. было минимальным. Эмпирические исторические исследования, господствовавшие в это время, практически никак не соотносились с духом лингвистического наследия Гумбольдта. Эта ситуация нашла отражение в полемике двух учёных, предпринявших в конце XIX в. издание основного труда Гумбольдта – А. Ф. Потта и Г. Штейнталя. Беспомощность комментариев Потта – и это при том, что только введение занимает более 500 страниц – наглядно демонстрирует несовместимость мышления этимолога-эмпирика Потта и философски ориентированного Гумбольдта. Работа Г. Штейнталя стала первой серьёзной попыткой анализа и критического осмысления творчества Гумбольдта. Она и по сей день остаётся тем ориентиром, который нельзя не учитывать, независимо от того, поддерживает или опровергает исследователь выводы Г. Штейнталя (1956).

В целом лингвистические взгляды Гумбольдта имеют философско-культурологические основы. Уже в ранней работе ученого «О мышлении и речи» содержится ряд положений, характерных для творчества позднего Гумбольдта. В своих построениях Гумбольдт объединяет трансцендентально-логический (классическая немецкая философия) и антропологический (И. Г. Гердер) подходы. Чрезвычайно важно, что для Гумбольдта даже проблемы грамматической структуры – в типологическом или историческом аспекте – всегда имели значение только в общей культурологической перспективе развития человечества, что и отличало его от других языковедов того времени.

Гумбольдт относится к тем мыслителям, научные построения которых в большей мере принадлежат последующим эпохам развития науки, чем современникам. Не

случайно идеи, высказанные Гумбольдтом в различных областях теоретического языкознания, остаются источником размышления и новых научных построений.

Предметом философии языка является осмысление сущности и предназначения языка, установление наиболее общих условий, форм и закономерностей его бытия. В зависимости от избираемого ракурса рассмотрения этих проблем и способов их разрешения философия языка формируется в рамках философии или же собственно языковедческой науки (лингвистики, семиотики), являясь в обоих случаях необходимым посредником между этими важнейшими областями человеческой духовно-интеллектуальной деятельности. В своей философии языка Гумбольдт, осуществив синтез целостно-философского и конкретно-научного подходов к его изучению, открыл новые пути постижения языка.

Лингво-философская концепция языка Гумбольдта образует ядро философской теории формирования человека, разработанной им в рамках философско-практического человековедения. Эту теорию можно рассматривать как своеобразную попытку ответить на вопрос Иммануила Канта «Что такое человек?». Понять, что такое человек, для Гумбольдта означало выявить силу, делающую человека человеком. Такую силу он и усматривает в языке, трактуя его как деятельность человеческого духа, единую энергию народа, пронизывающую собой всё бытие человека.

Осознание тесной взаимосвязи языка и человека с необходимостью приводило Гумбольдта к принятию двух методологических принципов их изучения: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка, 2) понять природу языка и объяснить её можно лишь, исходя из человека и его мира. Первый принцип был положен Гумбольдтом в основу его учение о человеке (сравнительной, всеобщей и философской антропологии). Вторым принципом, который можно назвать антропологическим, был избран в качестве базисного в его лингво-философской теории языка.

Базисный принцип теории выступает в роли её последнего основания. Его методологическая функция состоит в том, чтобы задать целостность и границы реальности («универсума»), в пределах которой будет осмысливаться объект изучения. При адекватно выбранном базисном принципе объект изучения предстаёт в теоретическом пространстве концепции как необходимый элемент этой реальности, подчиняющийся действию её законов. В философии языка Гумбольдта, исходящей из идеи тесной связи языка с мышлением, сознанием и культурой человека, в качестве реальности, необходимой и достаточной для понимания природы языка и его жизнедеятельности, принимается универсум человека.

Антропологический принцип в философии языка непосредственно противостоит двум другим возможным принципам – трансцендентальному и имманентному, – в соответствии с которыми границы реальности, признаваемой необходимой и достаточной для понимания природы языка, проводятся иначе. При трансцендентальном подходе, в котором язык понимается как «божественное откровение» и возводится к действию надприродных сущностей, границы реальности, в пределах которой осмысливается язык, максимально расширяются и выводятся за рамки бытия человека. При имманентном подходе (по крайней мере, в его формально-семиологической разновидности), считающем возможным рассматривать язык как самодостаточную сущность – «в самом себе и для себя» – и объяснять его из мира самого языка, границы такой осмысляющей реальности проводятся внутри универсума человека.

В философии языка Гумбольдта, равняемой на антропологических началах (т. е. эксплицитно включающей человека в онтологию языка), описание человеческого универсума и самого человека является не просто теоретическим фоном для представления языка, а его необходимой составной частью.

Универсум человека задаётся Гумбольдтом в сопоставлении с миром природы, с которым он образует единое целое. Точкой их пересечения служит человек, соединяющий в себе два начала – физическое, идущее от природы, и специфически человеческое, связанное с феноменом свободы, языком, культурой. Для антропологии Гумбольдта характерно понимание человека как живой целостности – телесно – духовно – душевного единства, – где все начала пребывают в органическом взаимопроникновении. Человек в понимании Гумбольдта, есть активное, деятельное, самостоятельное, общественное существо, наделённое самосознанием и свободой. Он является творцом цивилизации и культуры, которые, несмотря на их важную роль в гуманизации естественного человека, не могут считаться вершинами того, до чего может подняться человеческий дух. Главным проявлением духовной силы человека, по Гумбольдту, считается язык, исходящий из глубин человеческого существа, «тайников его природы».

Рассматривая язык как необходимый элемент универсума человека, Гумбольдт связывал в своей теории с человеческим началом все важнейшие моменты бытия языка – его функциональное предназначение, возникновение, становление, развитие, а также общие принципы его внутренней организации.

Первопричина языка, по Гумбольдту, коренится во внутренней потребности человечества – необходимости осуществлять контакты с миром и другими людьми, а также совершать своё духовное восхождение. Эти три жизненно важные стороны человеческого бытия определяют как само наличие языка у человека, так и содержание базисных функций языка: 1) интерпретативно – деятельностной (выступать как миропонимание, позволяющее человеку ориентироваться в мире и плодотворно на него воздействовать), 2) коммуникативно – деятельностной (выступать в качестве средства установление контактов между людьми, дающего им возможность осуществлять влияние друг на друга), 3) рефлексивно – деятельностной (выступать в качестве средства стимулирования духовного развития человека).

Универсум человека, по Гумбольдту, диалектически организован. Диалектическое начало лежит и в основе языка, с необходимостью подчиняющегося действию закономерностей человеческого универсума. Своё понимание диалектической сущности языка Гумбольдт задаёт путём развёртывания смысловых оппозиций, характеризующих язык с различных сторон: 1) идеальное – вещественное (форма – материал); 2) внутреннее – внешнее; 3) деятельность – продукт (вещь); 3) живое – мертвое; 4) творческое – нетворческое (продуктивное-репродуктивное); 5) свобода – связанность (предопределенность, детерминированность); 6) инвариантное – вариативное; 7) универсальное – уникальное; 9) всеобщее – индивидуальное; 10) социальное – индивидуальное; 11) потенциальное – наличное; 12) безграничность (беспредельность, бесконечность) – (ограниченность, предельность, конечность); 13) заложенное – актуализированное; 14) субъективное – объективное; 15) пассивное – активное.

С помощью этих смысловых оппозиций формулируются базисные антиномии языка, фиксирующие основные формы его существования:

1) Язык так таковой (единое) и разнообразие языков (многое), в которых он воплощается;

2) Язык как языковая способность человека и как её живая актуализация в форме реальных языков;

3) Язык как деятельность и эманация;

4) Язык как энергея и эргон;

5) Язык как речь и её понимание.

Языки, по Гумбольдту, являются отображением изначальной языковой

способности, заложенной в человеке и актуализирующейся с помощью активности говорящего. Идея о заложенности языковой способности в человеке и реализации её в различных языках логически противостоит двум полярным теоретическим решениям проблемы происхождения языка – вульгарно–антропологической теории намеренного изобретения языка человеком и теории божественного создания языка, утверждавшей, что высокосвершеннейший язык непостижимым путём был внушён человеку. Первая концепция, рассматривая язык как продукт творческой деятельности человека, гипертрофировала мысль о неограниченной власти человека над своим языком. Вторая концепция, возводившая образование языка к деятельности сверхчеловеческих сил, развивала идею творческой пассивности человека в лингвокреативном процессе.

В философии языка Гумбольдта были синтезированы и осмыслены в широком теоретическом контексте верные интуиции, лежащие в основе этих теорий, – мысль о творческой активности и вместе с тем пассивности человека в лингвокреативном процессе и идея власти человека над языком и языка над человеком. Идея о пассивности человека в этом процессе получила своё дальнейшее развитие и углубление в гипотезе о заложенности языковой способности в человеке, в понимании языка как дара народу, языка как самодеятельности и языка эманации (порождение) духа. Идея об активности человеческого духа получила своё развитие в понимании языка как энергии (живой деятельности человеческого духа), в методологическом принципе рассмотрения языка как вечно порождающегося. Необходимость учитывать активность человека в лингвокреативном процессе выразилась в методологической установке Гумбольдта сводить к минимуму всё врожденное в человеке и как бы сразу данное ему. Язык, как считает Гумбольдт, заложен в человеке в виде некоторых принципов деятельности; при этом в нем как в вечно созидающем себя организме определены лишь законы порождения, а объём порождаемого материала и в известной степени сам способ порождения остаются совершенно произвольными.

Принцип субъективной пассивности человека лежит в основе интерпретации всех наиважнейших ситуаций жизни языка – усвоения языка детьми, употребления языка взрослыми, изучения живых и мертвых языков, а также ситуации достижения взаимопонимания в процессе языкового общения. Языку, полагает Гумбольдт, фактически нельзя обучить, его можно лишь пробудить в душе. Человек создаёт в себе язык каждый раз своими собственными усилиями. Каким он вызывает его к жизни, таким он и становится для него. Языковая способность человека пробуждается в ходе речевого общения, и многие из того что не содержится непосредственно в языке, должна быть восполнена работой духа, пробуждённой языком. В языке нет ничего окаменелого, неподвижного, и его как бы омертвевшая часть всегда должно заново порождаться с помощью мысли, оживать в речи или в понимании, переходя целиком в субъект. Большой ошибкой было бы трактовать процесс понимания как передачу собеседникам знаков предметов или же как настраивание друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия. Понимание друг другом людей осуществляется через со-мышление. Слово как элемент языка просто побуждает слушающего образовывать понятия собственными силами, определяя лишь, как это сделать. Всякий язык хранит в себя своё жизненное начало. Если оно начинает угасать или, угаснув, запечатлевается в словах мертвого языка, его можно вызвать вновь к жизни новыми усилиями субъективной активности. При вторичном истощении языка гений великих людей вновь может пробудить языки и нации, вырвать их из спячки.

Глобальный процесс, свойственный человеческому универсуму, по Гумбольдту это синтез идеального и материального начал. Сквозь призму этого процесса Гумбольдт рассматривает и самого человека и язык как продукт его деятельности. Существо

человека составляет синтез духа (души) и тела, существо языка – синтез звука и мысли. Сущность всякой человеческой индивидуальности составляет непроницаемая тайна бесконечно разнообразного соединения телесной материи с духовной силой. Та же тайна лежит и в основе слова, в котором неповторимо конкретным образом соединяются между собой звук и понятие соответственно истинной природе каждого. Эту неповторимость соединения мысли со звуком передаёт понятие характера языка, выражающее идею высшей индивидуализации предмета.

Показателем внутренней целостности теории служит последовательность проведения в ней её базисного принципа. Непоследовательность в его проведении, если она только не объясняется субъективными мотивами (случайными ошибками автора), свидетельствует о неадекватности базисного принципа, его методологической ущербности для этой теории. При последовательно проведённом базисном принципе все теоретико-методологические процедуры строго осуществляются в рамках теоретического пространства, развертываемого в соответствии с этим принципом. Любое изменение рамок теоретического пространства – сужение или, напротив, расширение – привело бы к нарушению важнейших методологических регулятивов теории – принципов экономии («не умножать теоретические сущности сверх меры») и исчерываемости (не допускать неоправданной редукции объекта изучения, искажающей его природу).

В каждой теории можно выделить особые «диагностирующие контексты» для её базисного принципа, или такие теоретико-методологические моменты в её развертывании, где этот принцип легче всего может быть нарушен. Отступление от последовательности проведения антропологического принципа философии языка скорее всего можно ожидать в ситуации объяснения явлений, располагающихся как бы на периферии «антропологического пространства» концепции – на границе этого пространства с другими. К таким пограничным ситуациям относятся разрешение проблемы возникновения языка и проблемы определения базисного механизма его действия. В первом случае возможен выход в «трансцендентальное пространство» сверхчеловеческих сущностей, во-втором (при сведении механизма языка к действию внутриязыковых сил) – в «имманентное пространство».

В гумбольдтовской философии языка с её диалектической техникой построения теории все важнейшие моменты существования языка, включая трактовку его возникновения и базисного механизма действия, теоретически сводятся к проявлению антиномий, которые являются своеобразным диагностическим контекстом для антропологического принципа.

Известное впечатление об обращении Гумбольдта к имманентному принципу могла бы вызвать его трактовка языка как самодеятельности, рассматриваемая вне контекста общедиалектического понимания сущности языка. Между тем эта идея образует необходимое звено в цепи диалектических рассуждений Гумбольдта о природе языка – фрагмент теоретической антиномии зависимости и независимости языка от человека. Эта антиномия тесно вплетена в следующий пучок антиномий, логическая схематизация которого вызывает наибольшие дискуссии. С одной стороны, язык, по Гумбольдту, «божественно свободен». В своей самодеятельности он проистекает только из себя. Он не есть произведение чьей либо деятельности, а произвольная эманация духа, не произведение народа, а доставшийся ему дар судьбы. С другой стороны, язык есть деятельность человеческого духа, и в этом плане он зависит от человека. Языки скованы и зависят от народов, которым они принадлежат.

Развёртывание концептуального содержания философии языка Гумбольдта допускает логическую возможность обращения к трансцендентальному принципу. На

это обратил внимание, в частности, русский философ и лингвист А. А. Потебня (1913, с. 32), находивший в концепции Гумбольдта две антиномии, в которых предполагается в неявной форме апелляция к «божественному началу». Первую из них – «антиномию человечности – божественности» – он усматривал в трактовке Гумбольдтом языка как произведения духа народа и как дара народу его судьбой. Возведение происхождения языка к деятельности народного духа означало признание человеческого происхождения языка. Трактовка же языка как дара народу было отступлением от этого допущения, которое и привело к тому, что Гумбольдту не удалось, по мнению Потебни, «удержать человеческое происхождение языка» не только для практики, но и для теории. Вторая антиномия, где предполагается апелляция к «божественному началу», – это антиномия раздельности и единства языка и духа. Потебня считает, что в концепции Гумбольдта язык и дух народа с необходимостью должны быть возведены к высшему (божественному) началу, высшему внутреннему единству и рассматриваться как проявление этого единства, поскольку язык народа не может быть выведен из народного духа.

Обе антиномии – человечности – божественности и раздельности – единства языка и духа народа, как считает Потебня, самим Гумбольдтом теоретически не были проработаны и остались сырым материалом. Не- проработанность их в трансцендентальном ключе объясняется, вероятно, не теоретической поспешностью Гумбольдта, а особенностями его философско-методологической позиции, исключавшей для него возможность обращения к трансцендентальному плану. Гумбольдт не мог совершить указанных Потебней теоретических шагов ни как философ, ни как учёный. Как философ Гумбольдт развивал вариант философской антропологии, где предполагалось допустимым и возможным понимать человека из самого человека и его мира. Отказавшись вместе с послекантовской философией усматривать последнее основание бытия в трансцендентном, он нашел такую первооснову, такое «Единство», в котором снимается всякая противоположность единства и множества, в «Человечестве». Как учёный Гумбольдт избегал теоретического осмысления областей, лежащих вне предела человеческого понимания, к которому с точки зрения науки относятся области, не доступные для подлинно – научного изучения – моменты зарождения (возникновения бытия) и умирания (прекращения бытия).

Отмеченные Потебней антиномии не остались сырым материалом в теории Гумбольдта. Они были проработаны им в антропологическом ключе. Антиномия языка как продукта деятельности человеческого духа и как дара народу, интерпретированная Потебней как антиномия человечности – божественности, получила у Гумбольдта также антропологически-ориентированный ракурс рассмотрения. Она была осмыслена им как антиномия собственно человеческого – чисто природного – начала в языке. Человеку, по Гумбольдту, дарована лишь способность к языку, стремление к его созданию, а не сам язык. Эта способность является у человека врождённой (заложена в нём), развертывание же этой способности осуществляется человеком по законам человеческой деятельности.

Антиномия раздельности и единства языка и духа разрешается у Гумбольдта, как и другие антиномии, в пространстве человеческого универсума единством человеческой природы. По Гумбольдту, дух народа и язык составляют единую нераздельную деятельность интеллектуальной силы народа.

Дальнейшее осмысление системы антиномий – антиномии языка как произведения народа и языка как дара народу и антиномии зависимости и независимости языка от человеческого духа – осуществляется с помощью противопоставления деятельностного – созидательного и «эманационного» начал в языке. Язык, в понимании Гумбольдта, есть, с одной стороны, деятельность духовной силы человека, а с другой

стороны – произвольная эманация духа как некой самостоятельной силы, лежащей за пределами внешних явлений. Язык исходит из такой глубины человека, которая не позволяет рассматривать его как творение народа. Понятие эманации Гумбольдт использует, видимо, не в строгом смысле этого слова, а как контекстуальный коррелят к понятию деятельности. Понятие эманации, разработанное в неоплатонизме, означает исхождение низших областей бытия из высших, когда высшие области остаются в неподвижном и неисчерпаемом состоянии, а низшие предстают как постепенно убывающие (А. Ф. Лосев, 1970, с. 551). В строгом смысле термина эманация как нисхождение противопоставляется восхождению, совершенствованию, развитию из зародыша. Понятие эманации в концепции Гумбольдта подчеркивает бессознательное («невольное») начало в языке, его глубинность для человека, непроницаемость его для человеческого сознания.

Как видно, все языковые антиномии в гумбольдтовской философии языка, выступающие в качестве диагностического контекста для обоснования последовательности проведения в ней антропологического принципа, задаются и разрешаются в пределах единств, не выходящих за рамки пространства, очерчиваемого антропологическим принципом, что и свидетельствует о последовательности его проведения в теории Гумбольдта.

Итак, основной идеей концепции Гумбольдта является взгляд на язык как деятельность, причем эта идея выражается у Гумбольдта на дотеоретическом языке, для которого характерна метафоричность, образность, символика (образы пути, дороги, потока, русла и т. д.). Деятельностная концепция языка у Гумбольдта характеризуется «экстенсивизмом», понятием, противоположным имманентному исследованию языка. Экстенсивный подход предполагает рассмотрение языка в широком контексте, координаты которого включают в себя связки «язык-дух», «язык-человек», «язык-мышление», «язык-действительность», «язык-этнос (культура)» и их более сложные комбинации.

Внутренние резервы гумбольдтовской программы изучения языка далеко не исчерпаны современной лингвистикой, в центре внимания которой находятся проблемы соотношения языка и действительности, языка и человеческого сознания, мышления, культуры. В своей философии языка, развиваемой на антропологических началах, Гумбольдт теоретически связал воедино самые разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах или вообще исключались из области научного изучения, или рассматривались изолированно. Последовательное проведение антропологической программы изучения языка Гумбольдта привело бы к выдвиганию и развитию ряда направлений лингво-теоретических исследований на единой методологической основе: лингвоносеологии, предметом которой является исследование познавательных функций языка, взаимоотношений человека и действительности через посредство языка, а также изучение языка как представления познаваемого человеком мира, лингвокультурологии, ориентирующейся на изучение связи «человек-культура-язык», лингвосоциологии, изучающей взаимоотношение языка и общества, лингвопсихологии, изучающей взаимоотношение языка и индивида, и лингвопраксеологии, изучающей влияние языка на практическое поведение человека (язык как неосознанная активность, по Гумбольдту, диктует человеку правила обращения с предметами).

Для понимания лингво-философской концепции Гумбольдта представляет значимость обобщения:

1. Текстуальный анализ не позволяет считать понятие «внутренняя форма» одним из центральных понятий лингвистической теории Гумбольдта: это словосочетание появляется лишь в последнем труде Гумбольдта, но и в нем не получает достаточно

четкой интерпретации. Действительном творцом концепции «внутренней формы» как одного из центральных лингвистических понятий стал Г. Штейнталь; ему и обязано языкознание дальнейшими оживленными дискуссиями на эту тему. Что же касается самого Гумбольдта, то в его творчестве гораздо большее значение имеет понятие формы языка вообще, охватывающее как содержательные, так и материальные аспекты речевого действия. А «внутренняя форма» у Гумбольдта является скорее синонимом интеллектуальной деятельности как необходимого условия существования языка, не являющегося уже, по сути, предметом лингвистического исследования.

2. Гумбольдт в своих лингвофилософских построениях преодолевает традиционные метафизические противоположности, например «внешнее-внутреннее», представляя звук языка как органическое единство звучания и смысла. Используя богатые возможности философии своего времени (в первую очередь философию И. Канта), Гумбольдт преодолевает её ограниченность, находя иные, отличные от Г. В. Ф. Гегеля пути решения феноменологических проблем.

3. Одной из наиболее значимых черт лингвистической теории Гумбольдта было то, что он считал невозможным поставить слово в один ряд с другими знаками: значимые единицы языка по своему происхождению не произвольны, слово занимает промежуточную позицию между знаком и образом. В определенной ситуации слово может выполнять знаковые функции, однако сведение слова к знаку равнозначно экологической катастрофе в области языковой коммуникации. Уже в XX в. о возможности подобной катастрофы предупредил Дж. Оруэлл в своей антиутопии. В то же время реальность оказалась более сложной: примитивизация языка происходит в сфере массовой коммуникации внешне без принуждения и насилия, которых боялся Оруэлл, однако конечный результат её столь же губителен для языка, что и в случае «новояза». В связи с этим гуманистический потенциал наследия В. Гумбольдта как никогда актуален.

Гумбольдтианская трактовка языка как деятельности характеризуется такими понятиями, как субъект деятельности (народ, человек, род людей, дух, сила, язык, звук, языковой смысл), задача, цель, средство, способ, продукт, материал деятельности. С деятельностной трактовкой у Гумбольдта связано понятие предназначения (функций) языка, среди которых он выделяет функцию транспонирования (перевод предметов мира в предметы сознания, иначе – это когнитивная функция), коммуникативную, посредническую (быть посредником между человеком и природой), функцию языка как средства понимания и т. д.

Для концепции Гумбольдта характерен дедуктивно-иерархический принцип её развертывания который в значительной степени определяет структуризацию языка. Гумбольдта отличает внутренний дедуктивизм (т. е. способ теоретического развертывания), не находящий прямых соответствий в технике оформления его рассуждений (внешний дедуктивизм). Иерархизм базируется на идее многоуровневой реальности, в равной мере доступной постижению и, соответственно, описанию.

Как видно, взгляды Гумбольдта обнаруживают тесную связь с формальными основами кантовской системы, в частности с построениями «Критики разума» И. Канта.

Существенно поэтому отметить учение Канта о познании. Кант выделяет три основных формы познания: 1) чувственность, 2) рассудок и 3) разум. Чувственность – это способность ощущений; рассудок – способность понятий и суждений; разум – способность умозаключений, доходящих до «идей». Особенно Кант выделяет априорные суждения. Немаловажно определение Кантом «категорий», которые оказываются априорными понятиями рассудка, независимыми от доставляемого опытом содержания. По Канту, разнообразие чувственных созерцаний превращается посредством априорных

форм рассудка в единство. Единство самосознания предшествует соединению чувственных созерцаний, то есть априорно.

Подобным путем идет и Гумбольдт, который рассматривает сознание как особое начало, не зависимое от объективно существующей материальной природы. Гумбольдт стремится установить, каким образом разнообразие языковых фактов с помощью априорных форм рассудка создает единство отдельных языков и единство общечеловеческого языка. Он устанавливает факт существования «внутренней формы», в отличие от «внешней формы», и различает в ней моменты: образный и конструктивный.

В понятие внешней формы Гумбольдт вкладывает тройное содержание: 1) с одной стороны, внутренняя форма – это способ соединения понятия со звуком, способ объективации мысли в языке, то есть это, по существу, модели связей категорий сознания с категориями языка; 2) с другой стороны, внутренняя форма – это выражение народного духа, который дух выражается во внутренней форме и затем уже реализуется в языке. Следовательно, это как бы посредствующее звено между сознанием и языком; 3) наконец, внутренняя форма языка – это совокупность всего того, что создано и отработано речью, всех основных языковых структур, всех элементов языка в их совокупности и системе, это абстрактная структура языка в целом, моделирующее устройство.

Таким образом, намечается параллель: речь – язык: внешняя форма – внутренняя форма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Humboldt W. *Werke, Bd. 3, Schriften zur Sprachphilosophie.* -Berlin, 1963.
2. Донских О. А. *Происхождение языка как философская проблема.* Новосибирск, 1984.
3. Кульен Ж. *Культура (Bildung) и разум у В. фон Гумбольдта // Разум и культура. Труды международного коллоквиума.* -М., 1983.
4. Лосев А. Ф. *Эманация // Философская энциклопедия.* – Т. 5. -М., 1970.
5. Погодин А. Л. *Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка // Вопросы теории психологии творчества.* - Т. 4. – Харьков, 1913.
6. Потебня А. *Мысль и язык.* – Харьков, 1913.
7. Рамшвили Г. В. *Вопросы энергетической теории языка.* – Тбилиси, 1978.
8. Штейнталь Г. *Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) (Извлечения) // Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. Составил В. А. Звегинцев.* – М.: Учпедгиз, 1956. – С. 108-116.

EGANING YANGICHA SINTAKTIK TABIATI XUSUSDA

B. T. Tursunov

Ega to'g'risida, aniqrog'i akademik B. B. Bunogradovning iborasi bilan aytganda «grammatik sube'kt» (B. B. Bunogradov, 1954, s 24) xususda gapirilganda ko'z oldimizda avvalo eganing gap tarkibida bajarib kelayotgan egalik funktsiyasi namoyon bo'ladi. Biroq eganing gap tarkibida, shuningdek matn tarkibida bajarib keluvchi sintaktik funktsiyasi bu bilan chegaralanmaydi, chunki ega o'z tabiatiga ko'ra turli xil funktsiyada ifodalanib kelishi ham mumkin. Fikrimizning isboti sifatida bu yerda yirik germanshunos olim V. G. Admoning quyidagicha fikr-muloxazasini keltirish o'rinli deb hisoblaymiz: «Fe'ning tuslanadigan qismidan tashqari barcha gap bo'laklari ajralish hodisasiga uchrashishi mumkin. Biroq gapning bosh bo'laklari, ikkinchi darajali bo'laklarga nisbatan ajratilgan komponentlar funktsiyalarida kamdan-kam uchray turadi. Lekin baribir ular ham maxsus yordamchi vositalar yordamida ajralishi mumkin» (V. G. Admoni, 1955, S. 82). V. G. Admoning ushbu muloxazasidan quyidagicha xulosa chiqarish mumkin: faqatgina ikkinchi darajali bo'laklarga emas, balki bosh bo'laklar ham gapning ajratilgan bo'laklari funktsiyasida keloladi. Muallif eganing ham gapning ajratilgan bo'laklari funktsiyasida kela olishini tasdiqlovchi quyidagi misolni namoyon etadi: «Die Kinder, die hören es gern» (V. G. Admoni, 1955, S 83). Muallif tomonidan keltirilgan ushbu misol, yangi- yangi ilmiy tadqiqot izlanishlari uchun ob'ekt bo'lib xizmat qilishi mumkin edi. Afsuski ajratish hodisasi ustida ilmiy izlanishlarini olib borgan tilshunos olimlar o'zlarini diqqati e'tiborini ko'pincha faqat ikkinchi darajali bo'laklar bilan ifodalanib keluvchi gapning ajratilgan bo'laklariga qaratganlar, bosh bo'laklar yordamida ifodalanib keluvchi ajratilgan bo'laklar esa ularning izlanish doirasidan chetda qolib ketgan. Haqiqat ham xuddi shunday ekanligini quyidagi tilshunos olimlarning ilmiy izlanishlari tasdiqlashi mumkin. (E. B. Кротевиц, К. Я. Петровская, Т. А. Свиблова, И. П. Распопов, Е. Е. Скобликова).

Ajratish hodisasiga bag'ishlab yozilgan ilmiy ishlar mazmuni, ularda bayon etilgan xulosalar bilan ta'nishish, doimiy ravishda matnlar ustida ish olib borish, faqatgina ikkinchi darajali bo'laklarga emas, balki bosh bo'laklar ham, ayniqsa ega ham ajratilgan gap bo'laklari funktsiyasida kela olishligini yana bir bor ta'kidlamogda. Shu sababli ega shakilda ifodalanib keluvchi ajratilgan bo'laklarga alohida urg'u berish, uni talqin qilish va u to'g'risida fikr yuritishning vaqt-soati yetib keldi.

Ajratilgan gap bo'laklari va ularning ifodalanish chegarasi bizning fikrimizni ya'na bir muxim narsaga qaratmogda, u ham bo'lsa «murakkab gap sintaksisi». «Agarda biz biron -bir nemis tili darsligini varaqlasak, ularda faqatgina «sodda gap sintaksisi» va «qo'shma gap sintaksisi» (Der grosse Duden. Grammatik, 1962) kabi terminalogik tushunchalarga duch kelamiz. «Murakkab gap sintaksisi» tushunchasi umuman nemis tiliga oid grammatik darsligining birontasida ham maxsus ajratilmagan, vaholanki uning ba'zi bir unsurlarini nemis tiliga oid grammatik darsliklarida ham uchratish mumkin. (V. G. Admoni. 1955, c. 82-83). Biroq bu sohada turkshuiyoslar biroz ilgari ketganga o'xshaydi. Fikrimizning isboti sifatida akademik F. Abdurahmonovning «O'zbek tili grammatikasi» darsligini namuna sifatida bu yerda keltirish mumkin. Ushbu darslik uch qismdan «Sodda gap sintaksisi» (7-40 betlar), «Murakkab gap sintaksisi» (41-122 betlar), «qo'shma gap sintaksi» (123-242 betlar) iborat. Akademik F. Abdurahmonov darslikni bunday qismlarga bo'lishda ularning mantiqiy tomoniga ham alohida ahamiyat bergan. Bunga sabab shuki, «murakkab gap sintaksisi» o'z tabiati bilan ham «sodda gap sintaksisi» tarkibida, va ham «qo'shma gap sintaksisi» tarkibida kela olishi mumkin. Demak darslikning bunday taqsimlanishi gaplar sintaksisining o'zaro mantiqiy bog'liqligini alohida ta'kidlab kelmogda. Akademik F. Abdurahmonov o'zining ushbu darsligida «murakkab gap sintaksi» tushunchasini kiritish bilan bir

qatorida, unga quydagicha tar'rif ham beradi: «Murakkab gap sintaksisida sodda gap tarkibida kelib, ularning strukturasi murakkablashtirishda ishtirok etuvchi sintaktik konstruktiviyalar va kategoriyalar o'rganiladi» (F. Abdurohmonov, 1996, 41-bet). F. Abdurohmonov murakkab gap sintaksisiga ta'rif berish bilan bir qatorda, uning predmetini quyidagicha belgilaydi: 1) Gapning ajratilgan bo'laklari; 2) undalmalar; 3) kirish so'zlar va brikmalar. O'z-o'zidan ma'lumki murakkab gap sintaksining doyrasi yuqorida keltirilgan vazifalar bilan chegaralanmaydi, chunki murakkab gap sintaksisining chegaraning kengayishi u yoki bu tillarning grammatik qurilishiga ham bevosita boh'liq bo'ladi. Masalan biz murakkab gap sintaksisiga hozirgi zamon nemis tili nuqtai nazardan yondashadigan bo'lsak, uning predmetning quyidagi tartibda belgilagan bo'lur edik: Gapning ajratilgan bo'laklarini, undalmalarni, kirish so'zlarni, kirish brikmalarini, kiritma konstruktiviyalarini va boshqalarni. Murakkab gap sintaksisining o'rganish doyrasining kengayib borishi grammatik yo'l bilan emas, balki uslubiy yo'l bilan belgilash ayni mudao bo'ladi, chunki murakkab gap sintaksisi predmetining o'z-bu uslub mahsulidir.

Murakkab gap sintaksisining yuqorida keltirilgan predmetlar o'z navbatida ya'na bir qator mayda-mayda guruhlarga bo'linadi. Masalan gapning ajratilgan bo'laklari quyidagi guruhlarga bo'linadi: 1) ega ajratilgan gap bo'lagi funktsiyasida, 2) kesim ajratilgan gap bo'lagi funktsiyasida, 3) to'ldiruvchi ajratilgan gap bo'lagi funktsiyasida; 4) hol ajratilgan gap bo'lagi funktsiyada; 5) aniqlovchi ajratilgan gap bo'lagi funktsiyasida. Bu yerda ta'kidlagan ajratilgan gap bo'laklari ichida aniqlovchili, holli ajratilgan bo'laklar u yoki bu tilda ma'lum darajada o'rganilgan bo'lishi mumkin, biroq u ham to'lig'icha emas.

To'ldiruvchilarning ajratilgan gap bo'laklari funktsiyada ifodalanib kelishi ba'zi bir tilshunos olimlar tomonidan inobatga olinmaydi. (Л. Р. Зиндер., Т. В. Строева. 1957; О. У. Бродович., 1972; Е. С. Скобликова., 1979).

Ega shakilda ifodalanib keluvchi ajratilgan bo'laklar hozirgi kungacha biron-biri ilmiy izlanishning ob'ektiga aylanmagan, vaholanki matnlar doirasida ega shakilda ifodalanib keluvchi ajratilgan komponentlar, huddi aniqlovchili, holli ajratilgan bo'laklardek bir tekisda yoyilgan.

Endi yuqorida keltirilgan fikr-muolazalarning takidlash maqsadida ega shakilda ifodalanib keluvchi ajratilgan bo'laklarning sintaktik, sematik va stilistik funktsiyalarini tahlil qilishga to'xtalamiz.

Ega gapning ajratilgan bo'laklari funktsiyasida:

1) Aber dicht hinter ihr wurden zwei treue Begleiter fast gleichzeitig vom Pfeilen getroffen: Bertrand von Poulegu und Jean von Metz (E. Paul, S. -225).

Ushbu misolda ajratilgan bo'lak funktsiyada keluvchi ega quydagicha funktsiyalarni bajaradi: birinchidan u ega bilan ifodalangan; ajratilgan bo'lak murakkab gap sintaksini tashkil etuvchi gap bo'lagidir; ajratilgan bo'lak sodda gap sintaksisi tarkibidagi eganing boshqa bir shakli yoki turi emas. Ajratilgan ega shaklan sodda gap tarkibidagi egaga o'xshaydi, u faqat yangi sifatga ega. Ajratilgan bo'lak funktsiyada keluvchi egaga xos bo'lgan yangicha sifat quydagicha ifodalanadi; agarda u shu sodda gap tarkibidan olib tashlansa ham, ushbu sodda gap o'zini strukturaviy va mazmunaviy holatini saqlaydi, ya'ni grammatik jixatdan tugallikni ifodalaydi, biroq fikran to'liqlikka ega bo'lmaydi. Ajratilgan bo'lak shaklida keluvchi ega guruh namoyish etilgan misol tarkibida muhim stilistik figuralarga aylanadi. Bunday stilistik figura sifatida u tasvirlanayotgan voqiyaga kitobxonning diqqat e'tiborini tortadi.

Ega shakildagi ajratilgan bo'laklarning sematik funktsiyasi gap tarkibidagi ma'lum komponentga nisbatan qo'shimcha ma'no bildirishdir. Shunga ko'ra yuqorida berilgan misol tarkibida kelgan-**zwei treue Begleiter** ga nisbatan ajratiladigan komponentlar hisoblanmish - Bertrand von Poulengu und Jean von Metz- lar yordamida qo'shimcha ma'no bildiriladi. Natijada Yohannaxonimni kuzatuvchilar kim ekanligi ma'lum bo'ladi. Demak ajratilgan gap bo'laklarining birdan- bir kommunikativ funktsiyasi -bu gap ma'zmunini konkretlashtirish, izohlash, toldirish, kengaytirish va boyitishdir. Ajratilgan gap bo'lagi bilan ma'lum gap bo'lagi

oʻrtasidagi sintaktik aloqa ikki tomonlama ifodalanadi: birinchidan butun gap mazmuni yordamida; ikkinchidan kesimning umumiyligi bilan.

Ega shakilda ifodalanib keluvchi ajratilgan gap boʻlaklarga hos boʻlgan bunday xususyatlarni quydagicha misol tartibda ham kuzatish mumkin:

2. Seit 1421 wollten es zwei Monarchen regieren- der damals geborene Lancaster-König Heinich VI. und der arme Valois-König Karl VII. (E. Paul, S. 312).

№ 2-raqamli misolda namoyish etilgan ega shakildagi ajratilgan boʻlak № 1-paqmli misolda keltirilgan huddi shunday ajratilgan yoʻlakdan quydagi xususyatlari bilan farq qiladi: birinchidan bu farq ega shakildagi ajratilgan boʻlakning strukturaviy kengayeshi bilan xarakterlanadi. Ularning strukturaviy kengayishida kengaytirilgan aniqlovchi ishtirok etadi; ikkinchidan har bir ajratilgan komponentlar alohida-alohida mustaqil holda kelishi ham mumkin, buning uchun ular oʻrtasidagi- **und** bogʻlovchisi imkoniyat yaratadi. Maʼlum gap boʻlaklari bilan ajratilgan gap boʻlaklari orasidagi sintaktik munosabatlar ikki tomonlama oʻrnatildi; birinchidan ular orasidagi mazmuniy aloqa orqali, ikkinchidan ular uchun umumiy boʻlgan **-wollten regieren**-qoʻshma feʼl-kesim orqali. Demak oʻz- oʻzidan malumki, ajratilgan gap boʻlaklari bu oʻz navbatida alohida ifodalanib keluvchi sintaktik birikma boʻlmasdan, balki maʼlum komponentlar bilan ham mazmuniy va ham sintaktik yahtitlikni yuzaga keltiruvchi muhim leksik-grammatik vositadir. Ularning haqiqatan ham xuddi shunday sintaktik va semantik yahtitligi, ular tomonidan bajarilib kelinayotgan sintaktik, semantik va stilistik funksiyalarda oʻz ifodasini topadi.

Ega shakilda ifodalanib kelgan ajratilgan boʻlaklarning tahlily quydagicha hulosalarga olib keladi: 1) Har qanday ajratilgan gap boʻlagi kabi ega shakilda ifodalanib kelgan ajratilgan boʻlaklar gap yoki matn tarkibida muhim sintaktik, semantik va stilistik funksiyalarni bajarib keladi; 2) ular sintaktik nuqtai nazaridan sodda gaplarning strukturasi murakkablashtirishda ishtirok etsa, semantik nuqtai nazaridan esa maʼlum gap boʻlaklariga nisbatan qoʻshimcha maʼno ifodalab keladi; stilistik jihatidan tasvirlangan voqiya-xodisaga kitobxonning diqqat etiborini jalb qiladi, uning muximligini alohida takidlaydi, unga aloxida urgʻu berishga qaratilganini koʻrsatadi; 3) ajratilgan gap boʻlaklari oʻzining mustaqil semantik vazifasiga, intanotsyasiga va toʻxtamiga ega boʻladi.

Ega shakilda ifodalanib kelgan ajratilgan gap boʻlaklarining oʻrganish murakkab gap sintaksisining predmetini boyitishda muxim omil boʻlib xizmat qiladi degan umidimiz.

ADABIYOTLAR

1. Abdurahmonov G'. *O'zbek tili grammatikasi*. – Toshkent: «O'qituvchi», 1996. 248-bet.
2. Адмони В. Г. *Введение в синтаксис современного немецкого языка*. М.: 1955. 391 с.
3. Бродович О. И *Обособление компонентов предложений*. Кн.: *Структурный синтаксис английского языка*. Л.: 1972, с. 65-68.
4. *Der große Duden. Grammatik*. L.: 1962. -702 S.
5. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. *Современный немецкий язык*. М.: 1957. 420 с.
6. Кротевиц Е. В. *Обособление второстепенных членов предложения в современном русском языке*(учебное пособие.) Алма-Ата: 1941. 64 с.
7. Петровская К. Я. *Обособленные второстепенные члены предложения в современном английском языке*. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Л.: 1953. 18 с.
8. Распопов И. П. *К вопросу об обособлении*. Ж. «Рус. яз. в школе». М.: 1967. № 4, с. 103-107.
9. Руднев А. Г. *Обособленные члены предложения в истории русского языка—Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та, том 174*. Л.: 1959. 254 с.
10. Свиблова Т. А. *К вопросу об отграничении обособленного определения от сходных грамматических конструкций*. Ж.: «Филологические науки», № 1. М.: 1962, с. 174-186.
11. Скобликова Е. Е. *Совр. русский язык. Синтаксис простого предложения*. М.: 1979. 136 с.

К ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С НЕСКОЛЬКИМИ СКАЗУЕМЫМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (лингво-методический аспект)

Б. Я. Примов

Предложения с несколькими сказуемыми принято называть слитными. Так, В. Г. Адмони (1955, с. 201) говорит: «Слитным предложением (не в смысле генетическом, а с точки зрения лексико-грамматической) в полном смысле слова являются предложения с несколькими сказуемыми. «

Слитным может быть лишь структурно завершённый ряд сказуемых. Структурно незавершённый ряд, вызывающий незавершённость предложения в целом, слитным не является:

Ich stehe gleich zur Verfügung und will nur (Amenda, 485)

В слитном ряду не могут сочетаться глаголы, имеющие форму императива, относящуюся ко второму лицу, и форму какого-то другого наклонения, потому что указанные формы императива не сочетаются с подлежащим, в то время как для глаголов, стоящих в индикативе при выполнении ими функции сказуемого, сочетание с подлежащим необходимо. Поэтому в предложении типа *Mütterchen, du bringst den Karl mit und nimm einen Leuchter mit (Amenda, 190)* сказуемые не составляют слитного ряда, а входят в состав различных частей сложносочинённого предложения.

Слитный ряд может состоять как из простых глагольных форм, так и из аналитических, например:

Höfel erwachte und erschrak (Apitz, 25)

Jetzt hatte er am Blasebalg hantiert und dabei die Stimmen der Hörner eingeschaltet (Amenda, 533).

В основу предлагаемой наиболее оптимальной классификации, исходящей из собственной формы слитного ряда, должен быть положен способ установления его внутрисконструктурной целостности (А. М. Бушуй, 1979, с. 70). Последняя может создаваться путем органического слияния компонентов слитного ряда, в результате чего появляются общие элементы в его составе, или путем неорганического слияния, т. е. такого слияния, при котором ни один из компонентов слитного ряда не приобретает общего характера. Структурная целостность слитного ряда при неорганическом слиянии создаётся благодаря союзам, особой интонации и определенным закономерностям его морфологического оформления.

Выделяются следующие типы слитных рядов:

I. Слитный ряд, в котором отсутствует органическое слияние его компонентов. В таком слитном ряду наличествует максимальное количество элементов в каждом его компоненте.

Такой слитный ряд может состоять:

а) из простых глагольных форм: *Ein Mann mit weißem Haar ging von hinten an den jungen Mann heran und flüsterte ihm etwas zu (Böll, 55);*

б) из аналитических глагольных форм и конструкций: *Wie ein wütender Wolf hatte der furchtbare Befehl sie angesprungen, hatte sich in sie verbissen (Apitz, 359).*

Dann würde Beethoven davon gewußt haben und hätte ihn nicht so dringend

aufgefordert, nach dem Verbleib des Kindes zu forschen (Apitz, 300).

Вспомогательный глагол повторяется в этом случае независимо от того, является ли он одинаковым или разным для основных частей. Если глагольные формы имеют приглагольную или возвратную частицу, то она повторяется при каждом глаголе, например: Dann wuschen wir uns und zogen uns um (Remarque, 35). Er sprang auf und riß die Fenster auf (Remarque, 35).

II. Слитный ряд с органическим слиянием его компонентов. В таком ряду не все элементы повторяются при каждом сказуемом, в нем наличествуют один или несколько общих элементов. В этом случае наблюдаются следующие разновидности:

1. Слитный ряд с глагольным рядом, который состоит из компонентов, выраженных неспрягаемыми формами глагола – инфинитивом или причастием вторым. Например: ...auf der Bühne wurde hochdeutsch und plattdeutsch, italienisch und französisch gesprochen und gesungen, manchmal auch zu gleicher Zeit (Bredel, 259). Schließlich habe ich als Lagerältester den größten Brocken zu schleppen und dann auch was zu sagen (Apitz, 392).

Общий компонент может быть выражен:

а) вспомогательным глаголом в простой форме: Viele hatten sich schon reisefertig gemacht, eine Schlafdecke zusammengerollt und die wenigen Habseligkeiten verpackt (Apitz, 358);

б) вспомогательным глаголом в сложной форме: Hier war er verblieben und vom Mandrill zum Kalfaktor gemacht worden (Apitz, 227);

в) вспомогательным глаголом и возвратной частицей: Erst werden wir uns waschen und anziehen (Amenda, 54).

2. Слитный ряд с глагольным рядом, состоящим из компонентов, которые выражены глаголами в спрягаемой форме. Общими элементами могут быть:

а) инфинитив: ... und das muß und wird ein Ende haben (Amenda, 283);

б) возвратная частица: Siene Fäuste öffneten und schlossen (Apitz, 283).

в) инфинитив и возвратная частица: Es würde könnte sich ein Menge von Jetzt noch unübersehbaren Komplikationen zugeben (Apitz, 274).

Как слитные классифицируются ряды типа: Er schrie. Warf den Kopf in den Nacken und bewegte ihn konvulsivisch hin und her (Apitz, 274).

Органический или неорганический тип слияния компонентов слитного ряда обуславливает характер связи между ними: второй структурный тип с органическим слиянием компонентов слитного ряда показывает в большинстве случаев союзную связь между ними, первый структурный тип с неорганическим слиянием компонентов слитного ряда делает союзную связь необязательной:

Sie werden umarmt und gedrückt (Apitz, 324).

Sie werden auch ausgehen, ins Kino, werden in die Kneipe gehen (Böll, 44).

Зависит ли выбор структурного типа слитного ряда от формы предложения в целом или функционирование его в слитном предложении носит законономерный, не зависимый от формы предложения характер?

Приведем несколько примеров:

1. Простое предложение:

а) Pippig hatte ihn nicht beschworen, hatte ihn nicht gebeten, tapfer und mutig zu sein (Apitz, 263);

б) Ich habe gelacht und getobt (Amenda, 307);

в) Gezittert und gebebt hat sie (Bredel, 104),

2. ...nachdem der Mandrill die Zelle verlassen und verschlossen hatte (Apitz, 242).

Сравнение предложений первой и второй группы показывает, что слитные ряды с прямым порядком слов могут иметь как общий, так и повторяющийся компонент

(примеры 1а, 1б). Органический характер слияния в этом случае оказывается нерегулярным.

В слитном ряду, входящем в состав сложноподчиненного предложения, самостоятельного предложения с глагольным рядом в начале предложения (пример 2) наблюдается регулярность органического слияния компонентов (разумеется, если возможно наличие общего элемента).

Регулярность органического слияния в слитных рядах указанных типов предложений вызывает тяготение к регулярности слияния в самостоятельном предложении с прямым и обратным порядком слов. Если рассмотреть общую массу примеров слитных предложений, в которых слитный ряд может иметь общий компонент, то соотношение употребления в нем первого и второго структурного типов будет 1 к 10.

В слитном ряду первого структурного типа, как было указано выше, нет органического слияния его компонентов. Но это вовсе не обозначает отсутствие у него структурной организации. Структурная организация слитного ряда второго структурного типа создаётся за счет неорганического слияния его компонентов.

При этом возникают вопросы:

1. Почему мы считаем общий компонент слитного ряда выразителем органического слияния внутри него?

2. Что такое неорганическое слияние в слитном ряду?

Общий компонент слитного ряда, например, вспомогательный глагол или возвратная частица, является составным элементом аналитической формы глагола. Быть элементом аналитической формы – значит находиться в неразрывной связи с ее вторым компонентом, составляя вместе с ним единое неразложимое целое. Возможность употребления одного вспомогательного глагола с несколькими компонентами аналитических глагольных форм свидетельствует о том, что внутри слитного ряда происходит взаимодействие нескольких аналитических форм, причем это взаимодействие органическое, потому что оно требует для себя определенных условий, например одинаковой – грамматической – характеристики компонентов слитного ряда.

При сравнении вспомогательного глагола как выразителя органической целостности слитного ряда, например с союзом, обращает на себя внимание тот факт, что союз не создаёт структурную органичность, поскольку он, во-первых, не является специализированным средством выражения структурной целостности слитного ряда, а выступает как наиболее общее средство сочинения; во-вторых, он не требует никакой однородности в грамматических характеристиках сочетающихся сказуемых слитного ряда.

Следовательно, только тот компонент слитного ряда, который требует однородных грамматических характеристик сочетающихся членов слитного ряда, может являться фактором, обуславливающим органическое их слияние.

При неорганическом слиянии структурная целостность создаётся за счет союзов, интонации, определенных закономерностей морфологического оформления однородных сказуемых. С нашей точки зрения более целесообразно говорить не столько о единообразии, сколько об определенной возможности варьирования в морфологическом оформлении слитного ряда первого структурного типа, вариативный характер которого строго ограничен сочетательными способностями грамматических форм его компонентов. Если, например, морфологические формы лица и числа глагола, служащие для связи однородных сказуемых с общим для них подлежащим, всегда совпадают и поэтому не допускают варьирования в их соотношении, то формы времени, наклонения и залога могут быть различными в зависимости от реальной временной приуроченности действий, обозначенных однородными сказуемыми, от характера их соотношения с

действительностью, от их отношения к предмету, названному подлежащим, например: *Mit steifen Beinen ging Höfel die wenigen Schritte und wurde von den Blockführern über den Bock gezogen* (Apitz, 163). *Ich sehe in seinem Gesicht Güte und Klugheit würde gerne mit ihm sprechen, bringe es aber nicht über mich* (Böll, 160).

Но объединение различных временных форм глагола регламентируется правилами их грамматической сочетаемости (Duden, 1998, S. 617-618): в одном слитном предложении обычно не сочетаются перфект и претеритум, презенс и претеритум, перфект и плюсквамперфект, претеритум и футурум, плюсквамперфект и футурум.

То же самое можно сказать и о сочетательных способностях различных наклонений в слитном ряду: если возможно одновременное употребление в нем индикатива и конъюнктива, то индикатив и императив, конъюнктив и императив сочетаться не могут.

Совпадение однородных сказуемых в формах лица и числа, а также совместное употребление других форм согласно правилам грамматической сочетаемости и обеспечивает внутривидовую целостность слитного ряда при отсутствии органического слияния его компонентов.

Сравним три примера:

1) *Ich habe einfach befohlen und angeordnet* (Apitz, 153).

2) *Hoffmann durfte und konnte nicht helfen* (Schlotterbeck, 91).

3) *Aber eines Tages, früher oder später, wird und muß es dort eine Explosion geben* (Amenda, 89).

В первом предложении слитный ряд состоит из аналитических форм, имеющих общий внутренний компонент – вспомогательный глагол. Идиоматичность аналитических форм требует повторения вспомогательного глагола при каждой основной части, поскольку она ликвидирует самостоятельность лексических и грамматических значений компонентов аналитической формы, предполагая одно отношение между одним вспомогательным и одним основным глаголом.

В слитном ряду с органическим слиянием его компонентов происходит взаимодействие нескольких аналитических форм, в результате которого на уровне слитного предложения происходит некоторое ослабление связи между компонентами каждой аналитической формы, входящей в его состав, что приводит к определенному разрыхлению самой аналитической формы. В слитном ряду с органическим слиянием его компонентов происходит некоторое разложение идиоматичности за счет ликвидации индивидуальности каждой аналитической формы: аналитические формы уже не распадаются на две или несколько семантических форм, они распадаются на глагольный ряд и общий для этого ряда компонент. С другой стороны, о разрыхлении аналитических форм в составе слитного ряда с органическим слиянием его компонентов свидетельствует гораздо большая самостоятельность вспомогательного глагола, который может выполнять одновременно две функции: функцию самостоятельного и вспомогательного глаголов, например: *Ich habe nämlich Hunger und dem Koch befohlen, nach zwei Stunden das Essen bereit zu haben* (Amenda, 417).

Во втором предложении слитный ряд состоит из двух модальных глаголов, входящих в состав свободных синтаксических сочетаний с инфинитивом. Но здесь происходит процесс, обратный вышеуказанному, – при сочетании свободных синтаксических групп в одном слитном ряду происходит их закрепление прежде всего за счёт ликвидации вариативного оформления модальных глаголов: слитный ряд, состоящий из модальных глаголов, имеет строго единообразное морфологическое оформление, заключающееся в абсолютном грамматическом параллелизме форм сказуемых – модальных глаголов. О закреплении свободных синтаксических сочетаний в

слитном ряду свидетельствует и возможность образования глагольного ряда из модального и вспомогательного глаголов (см. пример 3). Вспомогательный глагол в этом случае становится более самостоятельным, приобретая определенную лексическую самостоятельность, а модальный глагол закрепляется аналитической формой, становясь таким же необходимым для инфинитива, как вспомогательный.

Вышеизложенное позволяет сказать, что внутренняя форма слитного ряда связана с действием в ней двух тенденций: одна способствует структурной организации слитного ряда, другая тенденция определяет более свободную организацию слитного ряда. Она проявляется в возможности существования слитных рядов без внутренних объединителей, в возможности отделения одного элемента слитного ряда от другого путем вклинивания между ними других членов предложения. Из этих двух тенденций первая является ведущей, поскольку она связана с более общей (основной) тенденцией немецкого языка, «выражающей самую суть в построении предложения, а именно четкую формальную выраженность структурного единства любого синтаксического образования» (В. Г. Адмони, 1966, с. 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М.: 1955. С. 201.
2. Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. – Л.: 1966. С. 23.
3. Бушуй А. М. Синтаксическое своеобразие поэтического языка Лессинга // Функциональный синтаксис немецкого языка. Вып. 2. – Челябинск: 1979. С. 70-75.
4. Duden. Die Grammatik. Bd 4. – Mannheim e. a. Dudenverlag: 1998. 912 S.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

К. К. Дуйсекова (Казахстан, Алматы, КазУМОиМЯ имени Абылай хана)

На протяжении многовековой истории лингвистической науки на каждом этапе ее развития возникали новые проблемы, и она стремилась к решению разных задач. Последние десятилетия XX и начало XXI века отмечены стремительным ростом исследований различных аспектов познавательной деятельности человека. Взаимодействие человека и окружающего мира, в котором существует человек и в котором осуществляется его теоретическая и практическая деятельность, познание на основе приобретения опыта мира, предстали основными принципами для новых поисков и изысканий.

Симптоматичным является коренной методологический сдвиг, который обозначился в современном языкознании и получил характеристику как «смена базисной проблематики и переход от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать «язык в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью». (9: 8) Другими словами, понятие человеческого фактора занимает свое место в системе отображаемых в познании и языке объектов, но не автономно в системе самой языковой структуры.

Все чаще в современных лингвистических теориях язык рассматривается как источник данных о природе мыслительных способностей человека, о протекании непосредственно не наблюдаемых ментальных процессов, об организации сознания и принципов обработки приходящей к человеку по разным каналам разнообразной информации, о способах ее сосредоточения и хранения.

Подход к языку с таких позиций привел к формированию новой парадигмы в науке о языке, получившей название когнитивной лингвистики.

Когнитивная наука оформилась в самостоятельную область научного знания, главной задачей которой является постижение природы определенных символических процессов, составляющих разумное поведение человека. В центре внимания стоят такие когнитивные способности, как восприятие, усвоение и обработка языка, планирование, решение проблем, рассуждение, а также приобретение, представление, использование и передача знаний. При этом естественная языковая способность человека оказывается первостепенной в том смысле, что без обращения к языку нельзя надеяться понять суть других когнитивных способностей, т. е. язык оказывается важнейшим объектом когнитивной науки, ее эпицентром. Именно в функционировании языка эти способности раскрываются в полной мере.

В процессе общения актуализируется весь потенциал средств языка – его номинативные единицы: обозначающие действительность во всей сложности познанных явлений, непосредственно связанные с отражательной деятельностью познающего субъекта и образующие чрезвычайно разветвленную сеть связей между собой; и его коммуникативная структура, вводящая в речевую деятельность номинативные средства, динамически преобразующая их и обеспечивающая взаимопонимание говорящих. Номинация, осуществляемая фразеологическими средствами, всегда содержательна,

поскольку опосредована отражающим мышлением и как таковая естественным образом включается в процессы знаковой репрезентации объективного мира и его фрагментов. Вместе с тем, нельзя отрывать номинацию от коммуникации точно так же, как нельзя рассматривать номинативную и коммуникативную деятельность человека вне его познавательной деятельности.

Утверждая когнитивную природу языковых явлений и видя в ней непосредственное проявление связей реального мира, познавательной деятельности и языка, ученые стремятся проникнуть в тайны формирования языковых категорий, а тем самым в сущность значения единиц, их называющих.

Вместе с тем, было бы не совсем правомерно противопоставлять новый подход к языку, ориентированный на человека в его отношении к языку и отображаемой в нем действительности, традиционным воззрениям на язык как на самостоятельную знаковую систему, изучение которой ограничивается изучением соответствующих единиц и структур в их отношении к миру.

Принцип не автономности языковой системы, сформулированный еще Аристотелем, но затем на долгое время забытый, сегодня заставляет исследователей искать точки сопряжения между двумя подходами к языку, ибо также, как нельзя сомневаться в том, что язык антропоцентричен и антропоморфен по своей природе, нельзя сомневаться в том, что он по-прежнему продолжает оставаться системой – но не замкнутым автономным образованием, а интегрированной частью среды, в которой живет и действует человек. Поэтому изучение языка с целью понять его устройство и функционирование естественным образом должно иметь эпистемологическую ориентацию(6: 3). Языковые единицы заключают в себе познавательное содержание, обмен которым и составляет сущность языковой коммуникации. Признание за говорящим субъектом познающего субъекта является одной из основных направлений современного исследования.

Вместе с тем, язык – это средство превращения нашего личного опыта в опыт внешний и общественный. В этой связи все больший акцент делается на деятельностной природе языка, когда язык определяется как продукт, возникающий в процессе совместной деятельности, регулируемой не столько каким-то набором задаваемых правил, сколько очень гибкими принципами и стратегиями языкового выбора из широкого и нестабильного круга меняющихся возможностей.

В настоящее время наряду с все возрастающим потоком работ лингвистов, антропологов, психологов, социологов, философов, можно говорить о зарождении когнитивной фразеологии. Попытки применения достижений когнитивной лингвистики к анализу фразеосочетаний оставались долгое время достаточно робкими. Между тем, в системе лингвистических наук именно фразеология предоставляет богатый материал для изучения структур человеческого мышления, раскрытия имеющихся способов упорядочивания информации в памяти носителей того или иного языка. Анализ фразеологического материала позволяет наиболее простой и естественный доступ в когнитивный ненаблюдаемый мир человека, структурам его сознания для обобщения ментального опыта человека.

Сопоставительное исследование фразеологических систем неродственных языков заключалось до недавнего времени в конфронтации форм и категорий. С развитием когнитивной фразеологии становится ясным, что ограничение сравнением лежащих на поверхности фактов, сводящееся к констатации неизбежных различий, исчерпало себя. Все чаще для получения более достоверных результатов и дальнейшего развития сопоставительной фразеологии ученые лингвисты обращаются к его плану содержания. (1-11) Наблюдение за механизмами концептуализации и креативной репродукции идиом

показывают насколько, язык является не чистой имитацией поведения человека, а результатом сложных ментальных операций.

Фразеосочетания как лингвистический знак берут свое начало в познании, которое превосходит чувственный опыт и фактические знания, самоорганизуются соответственно законам концептуального мышления и символического мышления говорящего субъекта. Отказываясь быть чистым воспроизведением реального мира, фразеосочетания демонстрируют парадокс референции.

Ментальные операции, применяемые в создании и воссоздании семантики фразеосочетаний, приводят к семантике, освобожденной от своих онтологических привязанностей и обогащенной способностями познающего субъекта к концептуализации и символизации.

Содержательный подход к изучению когнитивной фразеологии – это предварительное условие адекватного описания языка. Фразеологический фонд должен быть исследован с точки зрения выражения в нем тех или иных единиц мышления, в данном случае понятия. Фразеологические единицы, представляют понятийное содержание, функционирующее в общественном сознании, следовательно, их надо изучать как единиц коммуникации.

Преимущества когнитивного рассмотрения традиционных метафорических переносов во фразеологии заключаются в новом подходе к самому механизму создания метафоры: важен не непременно общий семантический компонент двух сравниваемых объектов, а разнообразные и сложные формы взаимопроникновения концептуальной, языковой и этнической сфер.

В большей мере о фразеологизмах можно говорить, что значение извлекается не конвенционально, а сознательно устанавливается посредством языка. Значения фразеологизмов извлекаются не только из знаков благодаря знанию языка, но и из событий благодаря знанию мира. Ментальные миры, которые человек разыгрывает в своем сознании и воображении, отражая действительный мир, получают параллельное отображение и выражение в знаках. Восстанавливая содержание полученных знаков, получатель выходит далеко за пределы языка и опирается на совокупное значение наивной картины мира, которая сложилась у носителей языка, в котором знание знаковой деятельности составляет только малую часть. Реальный смысл фразеологизмов, отражающий так называемую «фразеологическую картину мира» чрезвычайно разнообразен. Значение фразеологизмов тесно связано с бытом, религиозными отправлениями, материальной и духовной национальной культурой, правилами общежития и обычаями языкового социума. Попытки разгадать значение тех или иных фразеологизмов могут быть успешными, если исходить только из логики познания, логического анализа формирования их значения.

Целостный, глобальный образ мира, создаваемый в сознании человека, формируется им в процессе всестороннего постижения и познания окружающего реального мира. Этот образ мира состоит из закрепленных в виде понятий отраженных фрагментов окружающей человека действительности при участии всех форм сознания и неотвратимо несет черты человеческого мировосприятия и освоения мира. Связь языка с действительностью закрепляется в единицах национального языка в виде гносеологических образов, выделенных, отображенных и обработанных сознанием, но вследствие сложного взаимодействия познающего субъекта и окружающего его мира неизбежно различие гносеологических образов, закрепляемых как в единицах одного и того же языка, как и, тем более, в единицах разных языков.

Однако все это возможно только потому, что сама языковая система содержит механизм, обеспечивающий эту деятельность. Даже поверхностный взгляд на

идиоматику в разных языках позволяет сделать вывод об общности многих «сюжетов» т. е. актов и ситуаций, нашедших свое выражение в фразеологических единицах, и о способности каждого языка найти только свои языковые средства для обозначения этих актов и ситуаций.

Разумеется, не все фразеологические единицы обладают мотивированной внутренней формой и не всякая внутренняя форма позволяет делать выводы об отдельных особенностях материальной или духовной культуры того или иного языкового коллектива. (3, 4) Однако анализ информации, содержащейся как на более абстрактном, так и на конкретном уровне, помогает понять наивное представление о мире народа, говорящего на данном языке, и некоторые черты его национального характера.

Перед исследователями встает задача на материале наиболее широкого круга языков показать, как языковая картина мира отражается в тех или иных чертах языковой структуры, в разных языковых единицах.

Убеждение в том, что именно фразеология должна разрешить эти вопросы привело к формированию когнитивной фразеологии.

Впервые термин когнитивная фразеология разграничивают русские лингвисты (2, 3), находя для этого достаточные общеметодологические и лингвистические основания. Это относительно новое и еще не вполне теоретически оформившееся направление. Необходимость постановки данной проблемы подготовлена всей историей развития лингвистической науки: с одной стороны, разработкой проблем, связанных с использованием базы данных, энциклопедических знаний в процессе накопления и переработки информации с помощью языка; с другой стороны, наличием вторичных, косвенных способов языкового выражения определенного концептуального содержания. Иными словами, обращение к этой проблеме вызвано необходимостью осмысления вторичных явлений в языке с позиции новых научных знаний.

Когнитивная фразеология является частью общего когнитивного подхода к языку. Это когнитивно-ориентированное изучение культурно-специфических форм коммуникации. При когнитивно-ориентированном подходе предметом поиска являются не семантические элементы в структуре языковых единиц или при их синтагматической, коммуникативной реализации, а феномены из области знаний. Она оперирует категориями и понятиями ментального социального, психического, национально-культурного порядка. Основой описания и экспликации специфики природы языковых фактов в когнитивистике служат знания, причем упакованные в человеческой памяти определенным образом структурированном виде, как содержание цельных и целостных сущностей. Тем самым языковая семантика получает в когнитивной лингвистике макро лингвистическое объяснение через так называемые концепты или структуры репрезентаций знаний. (См. работы Добровольского, Бабушкина, Исабекова)

Вторичные языковые явления обусловлены необходимостью передачи неисчерпаемого концептуального содержания. В них проявляется основной закон развития языка и мышления, предполагающий накопление знаний и получение новых знаний на их основе. Все это позволяет говорить о существовании первичной и вторичной репрезентации как двух разных способах представления знаний в языке, а также о проблеме производности в широком смысле этого слова, в основе которой лежат конкретные принципы и механизмы концептуальной деривации. Постановка данной проблемы, в свою очередь, выводит на целый ряд других проблем, требующих нового осмысления. Среди них наиболее важными являются вопросы соотношения языка и мышления и использования языковых средств в их вторичных и производных функциях в плане передачи известного концептуального содержания как основы нового знания.

Когнитивная фразеология исходит из того, что концептуализация ненаблюдаемого проходит через наблюдаемое по правилам метафорического переноса с опорой на знание. Учет образной составляющей создает предпосылки для более последовательной фиксации семантических сходств и различий между отдельными фразеосочетаниями. Образная составляющая помогает не только выявить семантические различия между близкими по значению идиомами в рамках одного поля, но и обнаружить связи между идиомами различных полей.

Следует отметить перспективность идеи изучения в рамках когнитивной фразеологии фразеосочетаний с двойным членением, когда один концепт выражается с помощью различных образов, предполагающего разбиение множества идиом на подмножества как по собственно понятийному, так и по образному основанию. Сопоставление обеих структур может дать нетривиальные результаты в плане исследования универсальных и специфических черт в сфере идиоматики.

В заключение необходимо отметить, что, утверждая когнитивную природу языковых явлений и видя в ней непосредственное проявление связей реального мира, познавательной деятельности и языка, ученые стремятся проникнуть в тайны формирования языковых категорий, а тем самым в сущность значения единиц, их называющих.

В настоящее время, особое значение приобретает изучение проблемы когнитивной фразеологии в сопоставительном плане, где более явственно проступают особенности концептуальной структуры сопоставляемых языков и, как и какие формы накладывает та или иная культура на восприятие окружающей действительности.

В рамках когнитивной фразеологии можно описать национальные фразеоконцепты, сопоставить ментальные пространства носителей казахской и французской культуры, исследовать механизмы преобразования чувственных и мыслительных категорий в языковые структуры, изучить ментальную сущность фразеобразов казахского и французского языков.

Дальнейшее развитие сопоставительной фразеологии французского и казахского языков в когнитивной перспективе позволит выявить и описать совокупность закономерностей, содержащихся во фразеологических средствах, и отражение ими характерных для данного языка способы концептуализации мира.

Изучение потенциальных возможностей и пределов означаемых на примере большего количества и разносистемных языков позволит, на наш взгляд, распознать структуру до лингвистических представлений (понятий). Таким образом, можно было бы выстроить универсалии фразеологической картины мира, что в дальнейшем позволит построить типологическую картину языков в зависимости от картины мира, в нашем случае фразеологической картины мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахметжанова З. К. Валиханова Р. Е., *Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков*, – Алматы: 1999;
2. Бабушкин А. П. *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка*. – ВГУ: 1996;
3. Добровольский Д. О. *Национально-культурная специфика во фразеологии (1)*// ВЯ: 1997, №6, С. 37-49;
4. Добровольский Д. О. *Национально-культурная специфика во фразеологии (2)*// ВЯ: 1998, №6;

5. Исабеков С. Е. Принцип дополнительности в номинативной системе языка, – Алма-Ата: 1992.
6. Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология // Известия АН. Серия литературы и языка, том 60, №5, 2001. С. 3-13;
7. Молчанова Г. Г. Когнитивные подходы к неявной семантике текста: национальный менталитет, язык, стиль//Россия и Запад: диалог культур. – М.: 1998;
8. Молчанова Г. Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности (эволюция метафоры – метафора эволюции?) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №2, 2002. С. 7-12;
9. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: 1988. С. 8-60;
10. Пятницкая Н. Ю. Универсальное и национальное во фразеологии: (семантико-стилистический анализ фразеологических единиц русского и английского языков): АКД. – Саратов: 1987.
11. Филипенко Т. В. Внутренняя форма идиом в когнитивной перспективе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №4, 2001. С. 82-96.

РОЛЬ СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Е. А. Торпакова (КазУМОиМЯ им. Абылай хана, г. Алматы)

Важнейшей целью синтаксиса как раздела грамматики является всестороннее изучение структуры предложения, его грамматической организации как выражения определенного смыслового содержания. В ряде синтаксических исследований последних лет предложение изучалось как синтаксическая единица, которая, по определению Э. Бенвениста, имеет одновременно смысл и референт: смысл, потому что несет смысловую информацию, а референт, потому что оно соотносится с соответствующей ситуацией [1, с. 114].

Распространенной в настоящее время является номинативная (денотативная) концепция семантики предложения, которая наиболее последовательно разработана в трудах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Е. В. Гулыги, С. Д. Кацнельсона, Т. П. Ломтева, О. И. Москальской, И. П. Сусова и др.

В соответствии с номинативной концепцией предложения при выявлении его формально-семантической структуры учитываются не только грамматические свойства, но и способ представления информации об отражаемом в предложении событии. Отношение предложения к объективной действительности очень сложно, так как предложение отражает не только объективную действительность, но и процесс познания ее, и в то же время опирается на исторически закрепленные языковые категории с их формами и содержанием.

Мысль, заключенная в предложении, выражает связи и отношения между предметами и явлениями реальной действительности, эмоциональное и модальное отношение человека к наблюдаемому событию. Качественное своеобразие «содержательной» стороны предложения создают и внутриязыковые факторы: лексико-грамматический состав предложения, интонация, экспрессивно-эмоциональные моменты (В. В. Бабайцева).

Главным конституирующим признаком предложения является предикативность как соотношенность предложения с действительностью. Приняв во внимание то, что для возникновения предикативных отношений в предложении, а, следовательно, и для возникновения самого предложения нужны не подлежащее и сказуемое, а предикативность, можно говорить об обязательном наличии субъекта и предиката предложения. Субъектно-предикатная связь – это, по словам Ю. С. Степанова, нечто цельное, единый «длинный семантический компонент», составляющий основу любого высказывания, воспроизведение «единого референта» высказывания [2, с. 68].

Из многочисленных определений предикативности определение А. А. Потевни, по нашему мнению, наиболее адекватно отражает языковую действительность. А. А. Потевня видел различие между определением и сказуемым в том, что определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его [3, с. 110-111].

Предложение возникает в результате сопряжения субъекта и предиката, предципируемого и предципирующего компонентов [2, с. 248]. При этом предикат

понимается как «пропозициональная функция или высказывательная функция», как «особые семантические сущности языка, которые типизируются в форме «структурных схем предложения»» [4, с. 74].

Отнесенность предложения к действительности происходит через посредство субъекта – субститута реального объекта. Предикат же лишен референтности, так как он обозначает признаки предметов. «Субъект принадлежит миру, а предикат – мышлению о мире, сообщаемое (предикат) относится именно к предмету (соответствующему событию), а не к слову, его называющему» [5, с. 334].

Основанием для структурно-семантической типологии предложений может быть характер предиката (его семантика и валентные свойства), однако при этом необходим и учет взаимоотношений предиката со всеми именами. Неслучайно синтаксистами уделяется основное внимание типам предикатов, поскольку именно на типологии предикатов основана типология базовых моделей предложения.

С опорой на организующую роль предиката в структуре предложения, с учетом его семантики, валентностных свойств, принадлежности к определенной части речи строится рядом исследователей классификация простых предложений (Н. Д. Арутюнова, П. Адамец, Г. В. Колшанский и др.). При этом обращается внимание на то, что типология предложений отражает типологию экстралингвистических ситуаций, поскольку предложение, именуя ситуацию, представляет ее в виде некоторого события и его участников, т. е. в виде предиката и имен предметов (Ю. С. Степанов, В. Г. Гак, Т. П. Ломтев, А. Е. Кибрик и др.).

Сказуемое предопределяет количество и характер членов (актантов) в структуре предложения. Например, сказуемое *светает* предполагает нулевое окружение, т. е. отсутствие субъектного и объектных членов; сказуемое *спит* предопределяет наличие одного члена – субъектного (*Ребенок спит*); сказуемое *читает* при неабсолютивном употреблении требует наличие двух членов – субъектного и объектного (*Мальчик читает книгу*). С этой точки зрения, структура предложения – это только «проявление», раскрытие того, что в имплицитном виде уже содержится в сказуемом, в его грамматической и особенно семантической структуре. Значит, сказуемое представляет собой даже не член предложения (главный, ядерный, конститутивный), а свернутое предложение. В наиболее ярком и законченном виде данная теория представлена у Л. Теньера.

По другой теории, сказуемое детерминирует внутреннюю сущность предложения – предикативность, поскольку последняя оказывается равной грамматическим категориям времени и наклонения, выраженным формами сказуемого. Однако, считается, что предикативность как «единство синтаксического времени и объективной модальности» выражается не только формами глагола-сказуемого, но и другими средствами, в частности «самой структурной схемой предложения» [6, с. 312]. Такой подход к предложению наиболее последовательно представлен в синтаксической концепции «Грамматики современного русского литературного языка».

В форме сказуемого выражено отношение связи предиката с субъектом-лицом. В сказуемом выражена проекция связи предикативного признака с его носителем. Это предполагает и формальную «типичную проекцию» на некоторый структурный элемент, находящийся вне сказуемого [7, с. 37].

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой классификация предикатов должна быть связана «с построением такой типологии описываемых ими «положений дел», в основе которой лежали бы лингвистически существенные признаки, в первую очередь – признаки, соотносимые с семантическими компонентами, обладающими грамматической релевантностью» [8, с. 11].

Классификация простых предложений с учетом конструктивной роли предиката в единстве синтаксических, морфологических, семантических его признаков способствует, на наш взгляд, более глубокому проникновению в суть изучаемых явлений, поскольку: 1) при определении структурно-семантического типа предложения принимается во внимание комплекс свойств предиката – не только его семантика, но и форма, принадлежность к определенной части речи; 2) морфологический и синтаксический признаки предиката определяют его валентные свойства, поэтому эта классификация рассматривает предопределенные предикатом предложения места предметов, а следовательно, формы и функции имен предметов (не только обязательных, но и факультативных); 3) такая классификация учитывает сложные отношения между означаемым и означающим, ибо рядом синонимичных предложений можно обозначить одну и ту же ситуацию действительности; 4) при семантической интерпретации предложения роль предиката зависит от роли субъекта: семантика неоднозначного предиката в конкретном предложении определяется референцией субъекта.

Однако не только предикат, но и субъект предопределяет тип предложения. Форма предложения – цельная единица, для нее в одинаковой мере необходимы субъект и предикат. Они существуют только во взаимной связи и зависимости. Форма субъекта и предиката взаимно обуславливают друг друга, образуя предикативное ядро предложения, поэтому структура предложения определяется взаимодействием двух организующих центров предложения – субъекта и предиката.

На современном этапе развития синтаксиса вопрос о субъектности и субъекте предложений вызывает общий интерес. Субъект предложения определяется как «синтаксически независимый субстанциальный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака», поэтому формы его выражения взаимообусловлено связаны со значением и формой выражения предикативного признака (см. работы Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, С. И. Кокориной, Я. Светлика и др.).

Как известно, особенностью синтаксического строя русского языка является развитая система падежных и предложно-падежных форм, имеющих субъектное значение. До сих пор не решен вопрос о синтаксическом статусе именных форм, имеющих субъектное значение, напр., в предложениях с дательным, родительным, винительным падежом субъекта. В настоящее время нет не только единой классификации семантических типов субъекта, но и полного описания отдельных его значений. К тому же не выяснено, чем обусловлено субъектное значение, которое падежная форма получает в предложении.

Интерес к природе именных форм с субъектным значением сосредоточен на характере синтаксической связи данных форм в предложении, определяемой либо как зависимость «от общего характера предложения, от свойств оборота», либо как аналог связи главных членов двусоставного предложения (Л. А. Булаховский, Н. А. Дурново, Г. А. Золотова, Я. Попела, К. А. Тимофеев). На этой основе некоторые лингвисты рассматривали падежные формы с субъектным и обстоятельственным значением в одном классе слов – распространителей предикативной основы предложения (Н. Ю. Шведова, В. П. Малащенко). Другие называют сочетания, включающие данные формы, «предикативными сочетаниями» или «предложениемобразующими» (Н. А. Дурново, Я. Попела). При этом отдельным косвенным падежам приписывалась функция подлежащего.

Г. А. Золотовой было выдвинуто понятие семантико-синтаксического субъекта. Семантико-синтаксический субъект обнаруживается в сочетании слов, между которыми существуют отношения «предмет и его признак». Подлежащее в плане означаемого – это

носитель признака, в плане означающего – грамматически господствующее по отношению к слову, в котором заключен признак. Субъект ею трактуется в единстве и взаимообусловленности семантического, синтаксического и морфологического признаков.

Иерархическое понимание субъекта последовательно развивается С. Д. Кацнельсоном, С. И. Кокориной, Д. Д. Ворониной и др. С. И. Кокорина при определении субъекта опирается на семантику структурной схемы предложения: «семантический субъект является носителем признака, обозначаемого данным предикатом, а в значении предиката находит отражение грамматическая семантика структурной схемы предложения»:

Лодку унесло бурей (семантический субъект – лодка)

Бурей унесло лодку (семантический субъект – бурей).

Отождествление подлежащего с именем в именительном падеже основывается «на наивном представлении о взаимоднозначном соответствии формы с содержанием в языке». В науке для обозначения субъектного значения, особой позиции и роли форм с субъектным значением используются различные термины: «синтаксическое подлежащее» [М. Гиро-Вебер/], «независимый дательный субъекта» [Е. А. Седельников/], «субъектное подлежащее» [Р. Мразек].

Понимая субъект как компонент – носитель предикативного признака, выраженный различными падежными формами, где он вступает в предложенческие отношения с предикатом, мы присоединяемся к мнению синтаксистов, считающих, что бессубъектность не свойственна русскому предложению вообще. По нашему мнению, субъект, являясь «отправным пунктом предложения» (У. Чейф), предопределяет тот или иной синтаксический тип предложения и является «опорой большей части синтаксических конструкций».

Система типов предложения в целом отражает общую модель языкового видения человеком мира, а в структурно-смысловых типах предложений предстает категориальное расчленение языковым сознанием действительности. Значит, наиболее естественную основу для классификации можно найти в знаменательных частях речи, соединяющих в себе нераздельно форму и категориальное содержание.

Как известно, деление предложений на односоставные и двусоставные имеется во многих синтаксических исследованиях, однако принципы этого деления получают далеко не одинаковое толкование, в результате чего одно и то же предложение порою попадает в разных работах в противоположные разряды. Особый интерес представляют односоставные предложения. Им посвящена обширная литература, однако до сих пор этот вопрос остается открытым. На наш взгляд, подведение предложений под рубрику «односоставные» на основании отсутствия именительного падежа или спрягаемого глагола, как и отнесение предложения к классу «безличных» на основании морфологической дефектности глагола, не информативно для синтаксиса.

А. А. Шахматов, впервые предложивший термин «односоставное предложение», считал возможным рассмотреть структуру односоставного предложения по аналогии с двусоставным предложением и сближать главные члены односоставного предложения то с подлежащим, то со сказуемым. Отсюда и шахматовское деление односоставных предложений на бесподлежащие и бессказуемые. Впоследствии синтаксисты, вслед за А. А. Шахматовым, считали, что главным членом односоставного предложения является либо подлежащее, либо сказуемое (Л. А. Булаховский, Е. М. Галкина-Федорук, А. Г. Руднев и др.).

Несмотря на значительный вклад в изучение односоставных предложений, А. А. Шахматов оставляет открытым вопрос о первичности двусоставных или односоставных

предложений. Существование в языке односоставных предложений он объясняет фактом словесного совпадения в одном члене субъекта и предиката «коммуникации» и, таким образом, находит место и для односоставных, и для двусоставных предложений в общей системе языка как на современном, так и на древнем этапе развития.

Одни ученые объясняют возможность существования односоставных конструкций соотносительностью с одночленными суждениями и в то же время приходят к выводу о существовании одночленных суждений на основе наличия в языке односоставных предложений. Однако одночленные суждения не способны «полярно выражать диалектику единичного и общего, тождества и различия. Если эти суждения одночлены, в их структуре нет места для выявления двух противоположностей (а значит и одной, так как одна противоположность без другой не есть противоположность)» [21, с. 28]. Признание одночленных суждений неправомерно и противоречит самой диалектической сущности суждения, имеющего двучленный характер – субъект и предикат.

На обязательной двучленности мысли настаивает В. Г. Адмони, распространяющий этот тезис и на структуру предложения. Стремясь найти в любом предложении два состава, В. Г. Адмони предлагает ввести понятие синтаксической двусоставности, которая проявляется в отношениях между синтаксическими членами предложения (напр., *Мы трудящиеся; Мы работаем*) и двусоставности морфологической, которая обнаруживается в отношениях между основой и флексией в структуре слова (напр., *Светает; Приду*) [9, с. 149].

Исходя из принципа двусоставности В. Г. Адмони приходит к выводу, что образцовым структурным типом предложения в языке является двусоставное предложение с четко выраженной конструктивной связью между его главными членами. Остальные структурные типы предложений с этой точки зрения по существу оказываются неполноценными, поскольку в них двусоставность «не всегда может получать свое четкое выражение». По его мнению, «даже типологическое отсутствие синтаксической двусоставности в структуре предложения русского языка всегда имеет над собой то или иное обоснование в виде особых форм процесса общения или особенностей мысли, всегда мотивировано этими факторами» [7, с. 152]. Таким образом, в русском языке структура двусоставного предложения оказывается как бы исходной структурой предложения.

Г. А. Золотова пришла к убедительному выводу, что все структурные схемы русского предложения двусоставны, в любой из них есть указание на субъект и предикат мысли. К формам, выражающим субъект мысли, относятся субъектный датив, генитив, инструментатив, локатив и др.

Бесспорно положение о том, что предложение – это синтаксическая единица, изоморфная мысли, имеющей бинарную структуру. Изоморфность мышления и языка предполагает обязательную двучленность всякого предложения. На наш взгляд, двусоставность мысли означает, что предложение, выражающее законченную мысль, представляет собой языковую единицу, которая должна быть в своей основе двусоставной уже в силу своей роли в процессе речевого общения. По словам Н. Д. Арутюновой, «пропозитивная семантика всегда предметно детерминирована, поэтому ее реализация в классическом случае столь же двучленна, как двучленно «образцовое» предложение, к которому оно восходит» [10, с. 163]. Доказательством этого может служить тезис о «принципиальной двусоставности русского предложения», основанный на представлении о реализации в структуре предложения двучленного по природе речемыслительного акта конкретно-типичными способами выражения субстанционального и признакового компонентов, отражающих план связи предложения

с внеязыковой действительностью (Г. А. Золотова, Е. А. Седельников, З. К. Сабитова).

Мы, вслед за Г. А. Золотовой, Е. А. Седельниковым, считаем, что мысль, которую формирует, выражает и сообщает предложение, состоит из двух элементов – субъекта и предиката. В соответствии с этим следует заключить, что поскольку нет одночленных мыслей, то и не существует и односоставных предложений.

Грамматическая структура предложения, как и всякая грамматическая категория, складывается на основе обобщенного характера человеческого мышления, отражающего объективную действительность. В грамматической форме главных членов предложения и их разновидностей, в характере их грамматического связи закрепляются наиболее существенные связи объективной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. *Общая лингвистика: Пер. с франц.* – М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Степанов Ю. С. *Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика.* – М.: Наука, 1981. 360 с.
3. Потебня А. А. *Из записок по русской грамматике.* – М.: Просвещение, 1968. Т. III. 551 с.
4. Седельников Е. А. *Определенность и неопределенность субъекта в простых предложениях древнерусского языка старшей поры // Исследования по истории и диалектологии русского языка.* – Алма-Ата, 1990. – С. 11-20.
5. Арутюнова Н. Д. *Семантическая структура и функции субъекта // Изв. АН СССР. Сер. литер. и языка.* – 1979. – Т. 38, № 4. – С. 323-334.
6. *Грамматика русского языка.* – М., 1960. – Т. II, ч. 1. – 719 с.
7. *Грамматика современного русского литературного языка.* – М., 1970. – 767 с.
8. Попов А. С. *Русские отрицательные предложения с родительным падежом существительного и проблемы подлежащего // Русский синтаксис: Изв. Воронеж. пед. ин-та.* – Воронеж, 1977. – Т. 19. – С. 5-24.
9. Адмони В. Г. *Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения.* – Л., 1973. – 366 с.
10. Арутюнова Н. Д. *Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы.* – М.: Наука, 1976. – 383 с.

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Д. Д. Шайбакова (г. Алматы)

1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Полиэтнический состав населения Казахстана особенно интенсивно формировался в советский период. Гражданская война, индустриализация и коллективизация, урбанизация, политические ссылки во время сталинских репрессий, депортация народов и эвакуация жителей разных регионов России в годы Великой Отечественной войны, освоение целинных и залежных земель – вот те основные события, которые способствовали миграции в Казахстан представителей других национальностей. Мирное сосуществование народов наряду с другими факторами объяснялось одинаково трудными условиями жизни как коренного этноса, так и пришлых народов. Переселенцы с благодарностью вспоминают о том, как казахи помогали им выжить в тяжелейшее время, делясь с ними всем, что имели сами.

Смятение, ожидание и надежды испытали граждане Казахстана разных национальностей в связи с распадом единого государства – СССР. Помимо общих проблем, особое беспокойство вызывала проблема межэтнических отношений в Республике. Рождение нового независимого государства – Республики Казахстан (РК) – знаменует собой и начало новой национально-языковой политики. Казахстан, в котором, по данным переписи населения 1999 года, проживают представители 130 этносов, – одна из немногих постсоветских стран, где удалось избежать открытых столкновений на почве межэтнических конфликтов.

Еще в советском Казахстане в сентябре 1989 года Верховный Совет КазССР принял закон «О языках КазССР». В первой главе этого закона было сказано, что казахский язык объявляется государственным, а русский – языком межнационального общения. Другим языкам на территории республики обеспечивалось свободное функционирование, причем языкам национальных групп в местах их компактного проживания мог быть придан статус местного официального языка (Закон КазССР «О языках КазССР» //Ведомости Верховного Совета КазССР. 1989. №41. Статья 4). Но не стало единого государства. На современную этнолингвистическую ситуацию влияют сам факт суверенизации Казахстана, придание казахскому языку статуса государственного, миграционные процессы, действие законодательных актов.

В становлении национально-языковой политики нового времени в Казахстане выделяют два этапа.

Первый этап (1990-1995 годы) можно рассматривать как поиск форм политической идентификации Казахстана как независимого и суверенного полиэтнического государства. В этот период преобладали взгляды той части казахской политической элиты и интеллигенции, которая признавала необходимость формирования этнически ориентированного государства. В принятой в январе 1993 года первой Конституции независимого Казахстана была сделана попытка совместить процесс самоопределения казахского народа с элементами демократической парламентской республики. На встрече с делегацией Европейского совета в июле 1992 года вице-президент РК Е. М. Асанбаев заявил, что «Казахстан будет строить свое государство на этнических принципах» («Казахстанская правда». 1992. 18 июля). Аргументом послужил тот факт, что Казахстан – единственное в СНГ государство, где коренного населения

меньше, чем русскоязычного. И потому государство должно позаботиться прежде всего о языке и культуре казахского народа. При этом, отметил он, предполагается и учет интересов других этнических групп, проживающих в Казахстане.

Подобная позиция основывается на делении казахстанского общества на две части: коренной этнос и остальные. Большая часть остальных – это «русскоязычные». «Некорректность такого подхода очевидна, поскольку так называемые «русскоязычные» – это не единая общность, а структурно сложное полиэтничное образование» (Теория и практика 2002:66). И в его составе есть также и значительная доля казахов. К тому же, казахский этнос вряд ли может справиться с задачами преобразования государства без участия представителей других национальностей. Анализ трудовых ресурсов Казахстана, этническая принадлежность специалистов разных отраслей исключает такую возможность. Распространено мнение, что провозглашение приоритета казахского этноса одновременно ограничивает функционирование языка и культуры других этнических групп. «За годы независимости страна потеряла 2 миллиона русских, немцев, украинцев и белорусов, хотя и приобрела 200 тысяч оралманов [этнических казахов, приехавших из-за рубежа – Д. Ш.]. ... Казахстан движется к цели, о которой не принято говорить вслух: к мононациональной республике. В начале 90-х была упущена возможность стать по-настоящему полиэтничным государством.

Для этого нужно было немного: провозгласить русский язык вторым государственным языком, ввести институт двойного гражданства и закрепить за русскими хотя бы 25-30% должностей в высших эшелонах власти, но тогда в обществе возобладали другие настроения» (Кириница 2002:18)

Второй этап начался в 1995 году и продолжается по настоящее время. В этот период разработаны документы, определяющие принципы системного, целостного мультикультурализма. Вторая Конституция Казахстана (август 1995г.) содержит концепцию мультикультурализма в стране. На ее основе активизируются адаптационные процессы межэтнических отношений (Теория и практика 2002).

В соответствии с Конституцией принимается ряд законов в стране, обеспечивающих участие различных этносов в социальном развитии РК и развитие их языков.

2. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Языковая политика в Республике Казахстан регламентируется действующими законами. Хронологически она определялась в следующем порядке.

– 1995 год, 30 августа – Конституция Республики Казахстан.

– 1996 год – О концепции языковой политики Республики Казахстан.

Распоряжение Президента Республики Казахстан от 4 ноября 1996 года №3186.

– 1997 год, 1 июля – Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» №151-1.

– 1998 год, 21 апреля – Постановление правительства Республики Казахстан «О государственной терминологической комиссии при правительстве РК» №367

– 1998 год, 21 апреля – Постановление правительства Республики Казахстан «О государственной ономастической комиссии при правительстве РК» №368

– 1998, 14 августа – Постановление правительства Республики Казахстан «О расширении сферы употребления государственного языка в государственных органах» №769.

– 1998 год – Государственная программа функционирования и развития языков, утвержденная указом Президента Республики Казахстан от 5 октября 1998г.

– 1999 год – Положение о порядке контроля за соблюдением законодательства о

языках. Утверждено постановлением Правительства Республики Казахстан от 8 января 1999 года №16.

– 2001 год – Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 7 февраля 2001 года №550.

В Конституции Республики Казахстан 1995 года определен статус языков двух наиболее крупных этносов страны – казахского и русского – и условия для функционирования других языков народов Казахстана. В статье 7 записано:

1. В Республике Казахстан государственным является казахский язык.
2. В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык.
3. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народов Казахстана.

Для всех этносов Казахстана Конституция определяет право пользоваться родным языком и культурой, о чем сказано в статье 19 п. 2: «Каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».

Ныне при министерстве культуры (до 2004 года было объединенное министерство культуры, информации и общественного согласия) работает Департамент по развитию языков, который и занимается проблемами языковой политики.

3. ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Основной тенденцией языковой политики является приоритетное развитие государственного языка. Концепция языковой политики в Казахстане сориентирована на то, чтобы со временем казахский язык стал средством межнационального общения. В целях утверждения казахского языка предусмотрено: «Установить для государственных служащих, а также работников сферы науки, культуры, образования, здравоохранения и обслуживания населения требования в части владения государственным языком» (О концепции языковой политики Республики Казахстан//Основные законодательные акты о языках 2003:15).

Принятый в 1997 г. Закон «О языках в Республике Казахстан» излагает меры по расширению функционирования государственного языка. В Законе говорится о «поэтапном переходе делопроизводства на казахский язык», о том, что устанавливается перечень профессий, специальностей и должностей, для которых необходимо знание казахского языка. Кроме того, сказано: «в целях создания необходимой языковой среды и полноценного функционирования государственного языка объем передач по телерадиовещательным каналам, независимо от форм их собственности, на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках» (Основные законодательные акты о языках 2003:8).

Для развития и укрепления госязыка разработана конкретная государственная программа (Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы, утверждена указом Президента РК от 7 февраля 2001 года №550) и представлен механизм ее внедрения. И если в предыдущие годы можно было наблюдать вялотекущую реализацию языковой политики, то в последние годы этот механизм заработал особенно активно. При министерстве культуры, информации и общественного согласия (сейчас два министерства – министерство культуры и министерство информации) был открыт центр по ускоренному обучению государственных служащих казахскому языку. В работе центра особое внимание уделяют тому, чтобы пробудить интерес к познанию языка. Потому обязательным условием признается хорошее качество

преподавания казахского языка. Как показывают социологические исследования, число желающих освоить госязык растет с каждым годом. По данным существовавшего тогда министерства культуры, информации и общественного согласия, в 2002 году в различных организациях и учреждениях страны, включая и негосударственные, создано более двух с половиной тысяч курсов казахского языка. Но очень часто таковые существуют лишь на бумаге.

Задачи государства по отношению к государственному и другим языкам различны. В документах по языковой политике сказано, что государство обязуется обеспечить условия для бесплатного обучения казахскому языку. В официально-деловой сфере должно стать нормой использование казахского языка. Причем в практику необходимо ввести составление документов на казахском языке, а не только перевод с русскоязычного оригинала. Пространство казахского языка необходимо расширить. Позиции русского языка достаточно прочны, он используется повсеместно, а казахский язык нуждается в поддержке, считают некоторые политологи (Байдельдинов 2001: 30). Для этого необходимо коренное преобразование лингвистической ситуации, сопряженное с социокультурными и этнодемографическими изменениями. А иные патриоты будущее Казахстана связывают с такой демографической ситуацией, когда казахов в стране будет 75% (Аимбетов 2002:2).

Однако темпы реализации программы развития казахского языка все еще не отвечают ожиданиям. Проблемы, связанные с реализацией Закона о языках, – низкое качество преподавания госязыка в учебных заведениях, острый дефицит высококвалифицированных педагогов, учебно-методических пособий, словарей, проявляющаяся путаница в значениях терминов, особенно относящихся к сфере новых технологий. Не решил этой проблемы и новый 31-томный терминологический словарь казахского языка. Тем не менее оптимисты считают, что казахский язык может стать средством межнационального общения. «К его услугам в межличностных и групповых контактах могут прибегнуть казахи, татары, узбеки, уйгуры, кыргызы и представители других этносов, имеющих тюркскую языковую основу. Суммарно они составляют 60% населения Казахстана... Видимая этнодемографическая ситуация такова, что в Казахстане неуклонно увеличивается пропорция тюркоязычного массива населения. И эта тенденция может стать этнолексической основой расширения ареала использования казахского языка и постепенного превращения его в язык межличностных и групповых контактов населения страны с последующим превращением в нациообразующий фактор» (Байдельдинов 2001:30). Адепты проводимой языковой политики говорят в ее оправдание, что только так можно спасти КЯ. «Все, что делается для поддержания и развития казахского языка, это ведь не мероприятие против кого-то или чего-то. Оно направлено на спасение казахского языка от исторического забвения, куда его загнала судьба, а также на защиту от нападков «господ-гуманитариев» слева и медвежьих услуг «мырза-пустословов» справа» (Жунусбек 2002:19).

В решении задач укрепления позиций казахского языка существенную роль сыграли два постановления правительства РК: «О государственной терминологической комиссии при правительстве РК» №367; «О государственной ономастической комиссии при правительстве РК» №368.

Одной из задач ономастической комиссии признается выработка предложений по восстановлению ранее утраченных исторических топонимов. Однако в работе этой комиссии собственно лингвистический аспект не представлен достаточно выпукло, о чем можно судить по формулировке другой задачи: «поддержка ономастики как географической и историко-культурной дисциплины».

Результатом деятельности этой комиссии явилось то, что к 2001 году (более

поздних данных у нас нет) новые названия получили 64 района, 8 городов, 420 аулов и поселков, 680 организаций образования системы образования, культуры, здравоохранения и других объектов (Государственная программа 2001:21).

Как дело государственной важности рассматривается совершенствование терминологии казахского языка. Постановлением правительства Республики Казахстан от 21.04.1998 №367 в стране создана государственная терминологическая комиссия при правительстве Республики Казахстан. «Комиссия в своей деятельности руководствуется принципами:

- максимального использования запаса слов исконно казахской лексики (профессиональная лексика, устаревшая лексика, образцы устной речи и др.);
- применения интернациональных терминов, необходимых для осуществления экономических, культурных, научно-технических связей между народами. Данный принцип реализуется путем подчинения терминов законам казахской орфографии;
- координации применения генетически родственных по семантике или форме терминов в отраслевых сферах науки, техники, а также сохранения естественного баланса национальных и интернациональных терминов».

Государственной терминологической комиссией утверждено 610 новых терминов, ранее уже говорилось, что впервые осуществлено издание серии отраслевых терминологических словарей, состоящей из 31 тома (Государственная программа 2001:21).

Большинство граждан полагают, что программа внедрения государственного языка не должна ориентироваться на ударные сроки. Следует дифференцированно подходить к условиям и срокам обучения государственному языку, учитывать возрастной фактор для некоторых категорий лиц. Долг специалистов и чиновников – позаботиться о подготовке и издании учебно-методической литературы, качественных словарей, переквалификации учителей. Должна совершенствоваться методика преподавания казахского языка как неродного. Становится понятно, что только законы и призывы не обеспечивают ожидаемого результата. В первые годы суверенитета наиболее оптимистично настроенные аналитики говорили, что утверждение казахского языка завершится не позднее, чем через 7-10 лет. Пессимисты же, напротив, уверяли, что переход делопроизводства на госязык – дело далекого будущего. Были и те, кто выступал за решение проблемы радикальным путем – принятием законодательных актов, обязывающих каждого казахстанца знать государственный язык. Но более реалистичный путь – поэтапное внедрение казахского языка. Усилий только госструктур недостаточно. Следовало бы более активно приобщать гражданские и общественные институты, интеллигенцию, студенческий актив, всех, кому небезразлична судьба казахского языка (Кенжалин 2002:77).

Недостаточная функциональная развитость казахского языка, отсутствие социальных перспектив для лиц, использующих только КЯ, также называют причинами медленных темпов реализации Программы. Языком науки преимущественно является РЯ. В национальной библиотеке только 6% научной литературы на государственном языке. И только 25% казахов владеют литературной формой казахского языка, следовательно, остальные отдают предпочтение русскому языку в большинстве сфер общения, прежде всего, в сферах публичного и делового общения, высшего образования и науки, СМИ, коммуникации с ближним зарубежьем. Между тем наметилась тенденция к расширению использования КЯ в сфере школьного образования.

Наблюдается некоторое увеличение числа защищенных на государственном языке кандидатских и докторских диссертаций – 14% от всех защищенных на 1999 год [Государственная программа 2001:21]. Казахский язык активнее используется сейчас и в официально-деловой сфере.

В казахстанских СМИ пишут о том, что КЯ еще не готов к глобальному полифункциональному употреблению. Однако неверно говорить о его неразвитости. По своему лексическому составу КЯ, имеющий фундаментальную тюркоязычную основу и включающий в себя арабские, персидские, монгольские, русские и другие заимствования, достаточно богат. В нем имеется до семи исходных (инфинитивных) форм глагола, которые позволяют передавать сложнейшие нюансы глагольного значения, есть герундий. Существительное имеет семь падежей, что создает гибкую систему словоизменения. Богатое словообразование от одного корня существительных исключает двоякое понимание смысла того или иного из производных. Но в эпоху развивающихся международных контактов и научных связей избежать заимствований невозможно. И казахский язык, прежде всего его словарь, открыт для проникновения иноязычных элементов.

Основными путями пополнения лексики КЯ служат:

1. использование внутренних ресурсов языка (аффиксальное словообразование, словосложение);
2. введение диалектной лексики;
3. калькирование иноязычных слов;
4. прямое заимствование новых слов из арабского, из русского языка или через его посредство из других языков;
5. в последние годы – заимствования из английского языка.

Причинами заимствований являются:

4. отсутствие эквивалентов слов или понятий в КЯ, например: аспирант, студент, автомат и пр.;
5. тенденция к замене сочетаний слов одним словом: кателерді тузетуші адам – корректор;
6. экспрессия иноязычных слов;
7. тенденция к устранению полисемии;
8. стилистическая окраска слова;
9. принадлежность к интернациональной лексике.

В большей степени открыты для притока чужих слов терминологические подсистемы. Однако при освоении заимствований происходит их адаптация к системе КЯ. Это выражается в графическом и фонетическом приспособлении, соотнесении с грамматическими категориями КЯ (кафе – кафесі); дифференциации значений казахских и заимствованных лексем; стилистической дифференциации (Молдабеков 1989).

Вследствие заимствований происходят изменения в фонетической системе КЯ. В заимствованных словах сохраняется ударение языка-донора, в казахских словах ударение фиксированное – на последнем слоге. Под влиянием орфографии наблюдается дисгармонизация лабиализованных гласных: комок, томен, тугел, турмыс (как известно, в казахском языке действует закон сингармонизма).

Отношение к новейшему словопроизводству КЯ неоднозначно. Так, доктор философских наук профессор Л. Байдельдинов пишет: «пытаясь развивать научную лексику казахского языка, некоторые лингвисты заменяют современные термины-понятия, вытаскивая на свет арабско-персидские заимствования, ставшие для нас архаизмами, или находят аналог в бытовом языке. Все это искажает научное восприятие реальности» (Байдельдинов 2001:32).

В казахстанских СМИ множество публикаций, в которых утверждается, что казахский язык не способен функционировать в ряде сфер. Основанием для подобных утверждений служат частые ошибки в казахскоязычных текстах. Известный в Казахстане

журналист Ахас Тажутов приводит в качестве примера казахский текст вывески над входом в аэропорту Астаны, извещающий о том, что через эти ворота могут проходить «граждане Республики Казахстан и государства таможенного союза» (Тажутов 24.01.2002:19). В другой статье этот же автор пишет, что КЯ не может полноценно функционировать в сфере законотворчества. Так, из-за нечеткого толкования закона «О миграции» на казахском языке его жертвами оказались оралманы (этнические казахи, вернувшиеся на историческую родину из-за рубежа), т. к. в законе оказалось много спорных положений. «Получается, что законодательство, призванное заниматься оралманами, стало жертвой псевдопатриотизма и фиктивного лингвистического положения» (Тажутов 7.02.02:8). Чтобы развивать казахский язык и расширять сферы его применения, необходимо составить грамотное описание этого языка. Существующее описание основано на схеме индоевропеистики, тогда как более подходит схема, например, японского языка, считает А. Тажутов (Тажутов 24.01.2002:19).

Итак, основные усилия в области языкового планирования направлены на расширение функций казахского языка, его дальнейшую кодификацию, разработку терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Закон КазССР «О языках КазССР» //Ведомости Верховного Совета КазССР. 1989. №41. Теория и практика, 2002 – Малинин Г. В., Дунаев В. Ю., Курганская В. Д., Нысанбаев А. Н. Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. Алматы, 2002.*
- Конституция Республики Казахстан. Алматы, 2002.*
- Государственная программа 2001 – Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы, утверждена указом президента РК от 7 февраля 2001 года №550) //Основные законодательные акты о языках в Республике Казахстан. Алматы, 2003.*
- Основные законодательные акты о языках 2003 – Основные законодательные акты о языках в Республике Казахстан. Алматы, 2003.*
- Кириница Ю. 2002 – Кириница Ю.. Куда ты и с кем ты? // Мегполис. 7.02.02.*
- Байдельдинов 2001 – Байдельдинов Л. . Об этнолингвистической ситуации в нашей стране //Саясат. 2001. №10-11.*
- Аимбетов 2002 – Аимбетов Алдан. Даешь казахское государство! //Казахская правда. №9(90). 2002.*
- Жунусбек 2002 – Алимхан Жунусбек. Лингвотеракт //Мегполис. 7.02.2002.*
- Кенжалин 2002 – Кенжалин Ж. . Язык – душа нации //Мысль. 2002. №7. с. 77).*
- Тажутов 24.01.2002– Тажутов А. . Время работает на М. Сытника //Мегполис. 24.01.2002.*
- Тажутов 7.02.2002 – Тажутов А. Хотели же как лучше!. Законотворчество как слабейшее звено казахской общественной мысли // Мегполис. 7.02.2002.*
- Гладышева 1973 – Гладышева Е. Н. О взаимовлиянии миграции и национального состава населения (на материалах Казахстана) //Статистика миграции населения. М., 1973.*

QADIMGI VA O'RTA YUQORI NEMIS TILIDA SO'Z TARTIBI XUSUSIDA (Matn va she'riy matnlar na'munasida)

C. X. Oblakulova

Hozirgi zamon nemis yozma badiiy tilida yaratilgan matnlari asosida so'z tartibini o'rganar ekanmiz, ayrim hollarda diqqat e'tiborimizni nemis tilining tarixiy davrlariga xos bo'lgan so'z tartibiga qaratishimizni lozim topmoqda. Har bir narsaning boshlanishi o'z tarixiga ega bo'lganidek, nemis tili so'z tartibi ham o'z tarixiga egadir. Demak nemis tili so'z tartibining tarixi deb qadim-qadimlarda yaratilgan yozma yodigorliklarni tushunamiz. Bunday yozma yodigorliklarning muallifi ham yo yozuvchi, yo shoir bo'lishi mumkin. So'z tartibi-bu yozuvchi uslubining mahsulidir, shu sababli ham so'z tartibining o'zgaruvchanligi yoki harakatchanligi yozuvchi asarining sintaktik shaklidir. Ana shu sintaktik shaklning har-xil bo'lishi asosida biz bu erda so'z yuritmoqchimiz. Sintaktik shakllar birinchi navbatda so'z tartibi doirasida namoyon bo'lganligi uchun, qadimgi va o'rta yuqori nemis tilida yaratilgan matnlarda uchraydigan sintaktik shakllarga xos bo'lgan ayrim xususiyatlari to'g'risida fikr yuritamiz. Eng avvalo qadimgi yuqori nemis tiliga xos bo'lgan so'z tartibining sintaktik shakliga nigoh tashlaylik. Qadimgi yuqori nemis tiliga xos bo'lgan so'z tartibini izohlab berish maqsadida «**Tatian**» va «**Ludwigslied**» kabi asarlardan olingan matnlarga murojat qilaylik. Masalan «**Tatian**» asaridan turli dialiktlarda keltirilgan yagona bir sodda gap tarkibidagi so'z tartibiga e'tiborini qarataylik:

1. Sharqiy frank dialiktida: Fater unser, thu thar bist in himile (hozirgi zamon nemis tilida quydagi tartibda berilishi lozim: **Unser Vater, du bist in Himmel**).

2. Frank dialiktida: **Fater unser, thu in himilom bist.**

3. Alleman dialiktida: **Fater unser, thu pist in himile.**

4. Bavar dialiktida: **Fater unser, du pist in himilum.**

To'rtta dialikt asosida keltirilgan gaplarda so'z tartibi bir xil emas. Jumladan-**Fater unser** so'z birikmasi to'rtala dialiktida ham bir xil takrorlanmoqda, eng qizig'i shuki, to'rtala holatda ham aniqlovchi aniqlanmishdan keyin turmoqda, demak qadimgi yuqori nemis tilida aniqlovchilar matnlar doirasida doimo aniqlanmishdan oldin turmasdan, keyin ham turishi, aniqlovchining nihoyatda erkinlik darajasini taqoza etmoqda. Endi shu sodda gapning ikkinchi qismidagi so'z tartibiga e'tibor beraylik, bu yerda ham har -xillik mavjud: masalan, sharqiy frank, aleman, bavar dialiktida kesimning o'zgargan komponenti hisoblanmish «sein» fe'li bir xil vaziyatda tursa, reyn-frank dialiktida uning tutgan o'rni qolgan dialiktlardan keskin farq qiladi, xuddi sodda gap ergashgan qo'shma gapning ergash gapiga o'xshab ketadi. Uning shunday ekanligi sodda gap tarkibidagi «sein» ko'makchi fe'lining gapning oxirgi o'rinlarda kelishi bilan xarakterlanadi. Qadimgi yuqori nemis tilida so'z tartibiga xos bo'lgan bunday hollarni boshqa misollar tarkibida ham kuzatish mumkin. Fikrimizni isboti sifatida diqqat e'tiborni «**Ludwigslied**» she'riy matnidan keltirilgan ushbu misolga qarataylik.

M.:4. **Einan kuning uuweiz ih, Heizsit her Hluduig, Hluduig,kuning min** (hozirgi zamon nemis tilida ushbu she'r quydagicha variantga ega bo'ladi) **ich weiß einen König,er heißt Ludwig, Ludwig,mein König**).

Qadimgi yuqori nemis tilida uchraydigan matnlarda, ayniqsa aniqlovchi funktsiyalarida keluvchi egalik olmoshlar qo'p hollarda aniqlanmishdan keyin turishi xuddi oddiy holatlarga o'xshab ko'rinadi. Uning shunday ekanligini o'rta yuqori nemis tiliga xos bo'lgan matnlarda ham

uchratish mumkin. Fikrimizning isboti sifatida o'рта yuqori nemis tili davrida ijod etgan Avstriyalik shoir **Kyurenbergning** (1150- yil) she'riy matnidan keltirilgan quyidagi misolga diqqat e'tiborini qarataylik:

M.:5. Der tunkele sterne, sich der birget sich.

Als tuo du, frouwe schône, so du sehest mich(R. Sinder,T. W. Str-Oewa, 1977, s. 114).

Ushbu she'riy matndan –**als tuo du, frouwe schône**- gapini olib tahlil qilsak, u holda, aniqlovchilar funktsiyasida keluvchi boshqa so'z turkumlarini ham aniqlanmishdan keyin turishiga guvoh bo'lamiz. Haqiqatdan ham, aniqlovchi funktsiyasida keluvchi **-schône** sifati, aniqlanmish funktsiyasida ifodalanib keluvchi **-frouwe** otiga nisbatan keyin turmoqda. Demak, aniqlovchilarning aniqlanmishdan keyin turishi bu yerda odat tusiga kirib bormoqda. Shu sabab ham aniqlovchili birikmalar to'g'risida aytilgan quyidagi tezisga qisman o'zgartrishlar kiritishga asos bo'lmoqda. Masalan. V. G. Admoni nemis tilida ikkinchi darajali bo'laklar o'rtasidagi sintaktik munosabatlarni o'rganib,ularga quyidagicha izoh beradi: **«Besonders fest und «eng» sind die attributiven Beziehungen, ziemlich frei die adverbialen Beziehungen, die sich durch eine große Beweglichkeit der abhängigen Glieder auszeichnen. Die Objektbeziehungen nehmen in dieser Hinsicht eine Mittelstellung ein** (W. G. Admoni, 1966,S. 220).

Ushbu tezis bo'yicha aniqlovchilar bilan aniqlanmish o'rtasidagi sintaktik munosabatlar holli so'z birikmalari o'rtasidagi sintaktik munosabatlarga nisbatan mustahkamroq, zichroqdir, shu sababli ham aniqlovchilar doimo aniqlanmishning oldida turadi, undan keyin turishi mumkin emas. Holli so'z birikmalari o'rtasidagi sintaktik munosabatlarga esa aniqlovchilar bilan aniqlanmish o'rtasidagi sintaktik munosabatlarga nisbatan erkinroq, zaifroqdir. To'ldiruvchili so'z brikmalari o'rtasidagi sintaktik munosabatlar holli va aniqlovchili so'z birikmalariga nisbatan o'рта holatli, ya'ni na mustahkam va na zaifdir. Biroq qadimgi va o'рта yuqori nemis tili davrida yaratilgan matnlar ustida olib borgan kuzatishlarimiz so'z birikmalari o'rtasidagi sintaktik munosabatlarni sintaktik yo'l bilan emas, balki stilistik yo'l bilan hal etishni taqoza etmoqda. Ayniqsa, qadimgi va o'рта yuqori nemis tili davrida yaratilgan matnlarda aniqlovchilarning aniqlanmishdan keyin turishi odatdagi holatlardan biri bo'lib qolganday, chunki aniqlovchilar aniqlanmishdan so'ng tez-tez uchrab turadi.

So'z tartibiga xos bo'lgan bunday o'zgaruvchanlik va mobilliklar qadimgi va o'рта yuqori nemis tili davrida yaratilgan matnlarning ko'rsatishicha, bu an'anaviy harakterga ega bo'lib, ularning elementlari hozirgi zamon nemis adabiy tilida ham uchrab turadi. Ular oddiygina takrorlanib qolmasdan, balki yangi-yangi ko'rinishga ega bo'lib, sodir bo'layotgan voqialarni konkretlashtrishda, boyitishda, shuningdek so'z tartibi to'g'risida yangi-yangi hulosalarning yuzaga kelishida asosiy omil bo'lib qoladi.

O'ylaymizki, qadimgi va o'рта yuqori nemis tilining so'z tartibiga xos bo'lgan xususyatlarini hozirgi zamon nemis adabiy tilidagi so'z tarkibiga qiyos qilib o'rganish, shu soha bo'yicha ko'pgina yangi-yangi izlanish mavzularini keltirib chiqarishga va nemis tili so'z tartibi to'g'risida ma'lum darajasida to'laroq ma'lumot olishga asos bo'ladi.

ADABIYOTLAR

1. Admoni W. G. *Der deutsche Srachbau* –L. 1966, 284 s.
2. Sinder L. R., Stroewa T. *V Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte*. L, 1977. -303 s.

О ФУНКЦИЯХ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

О. Б. Турсунов

Как нам известно, порядок слов в предложениях (как в простом, так и в сложном) выполняют следующие функции: формально-структурную, синтаксическую, семантическую, стилистическую, коммуникативную и пр.

Формально-структурная функция порядка слов заключается в организации целостности и завершенности предложения, и в придании предложению четкой членимости. Осуществляя подобную формально-синтаксическую функцию, порядок слов, как правило, выполняет две задачи: во-первых, он определяет предложение по целовой установке высказывания как повествовательное, вопросительное, повелительное; во-вторых, порядок слов определяет маркированность членов предложения, реализует формы их выражения. При этом он помогает, в частности, выявить субъективную, объектную, атрибутивную и обстоятельственную роли тех или тех иных членов предложения.

Целостность и завершенность предложения зависит, в первую очередь от их составляющих компонентов. Например, в современном английском языке, для нераспространенного повествовательного предложения характерен порядок слов: подлежащие сказуемое. А распространенном повествовательном предложении порядок слов по мнению М. В. Лазаркевича носит иной характер. Как утверждает автор, что в современном английском языке встречаются два типа распространенных повествовательных предложений (М. В. Лазаркевич, 1956, с. 15). Автор под вторым типом распространенных повествовательных предложений имеет, в виду, предложения следующего типа «**On the counter next the cheese, sat a quiet Looking cat**» (М. В. Лазаркевич, 1956, с. 15-16). Однако, предложенный автором этот структурный тип в других работах, посвященных изучению порядка слов в современном английском языке конкретизируется и уточняется.

Например, О. И. Мусаев изучая порядок слов в сравнительно- сопоставительном плане, относит также к второму структурному типу распространенного повествовательные предложения начинающиеся со словом **there** (О. И. Мусаев, 1961, с. 11). Все это позволяет нам делить распространенные повествовательные предложения на две группы: в первую группу входят предложения с порядком слов – подлежащее+сказуемое+второстепенные члены; а во вторую группу – вводное слово – **there** сказуемое подлежащее второстепенные члены предложения.

Каждая синтаксическая структура имеет доминирующую структуру и один или несколько позиционных вариантов. При выявлении доминирующей структуры мы придерживаемся точки зрения Е. И. Шендельс о том, что «доминирующая структура определяется по частотности употребления, а также по тому, что она наиболее четко передает существенные признаки модели» (Е. И. Шендельс, 1962, с. 17). Синтаксические структуры порядка слов могут содержать не только необходимые, но и факультативные элементы. При таких ситуациях образуются более расширяющие варианты структуры.

Синтаксическая функция порядка слов заключается в выявлении путем местоположения синтаксического значения слова или группы слов как члены предложения. Синтаксическая функция порядка слов способствует дифференциации членов предложения разных уровней. Так, например, при помощи порядка слов, дифференцируются дополнения, обстоятельство (члены предложения первого порядка) а определение (член предложения второго порядка). Среди выделяемых дополнений и обстоятельств, определений могут быть дифференцированы в свою очередь члены предложения первого и второго по-

рядка. Синтаксическая функция порядка слов проявляется также при дифференциации членов предложения третьего порядка. Под членами предложения третьего порядка понимаются обычно те члены предложения, которые непосредственно относятся к тем же дополнениям, обстоятельствам и определениям, как их конкретизирующие элементы. Относятся к дополнению, обстоятельству или же определению.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПОРЯДКА СЛОВ

Обычно под семантик-синтаксической функцией порядка слов имеются в виду те случаи, когда с перестановкой подлежащего и дополнения меняются и общая семантика предложения и синтаксические функции слов, выражающих подлежащее и дополнение, не отличающиеся по морфологическим признакам. Например: **Tom knew Brown. Brown kned Tom.**

Стилистическая функция порядка слов, в которой словорасположение является стилистическим средством для выражения разных смысловых оттенков предложения, или при функционировании словосочетания в предложении, где происходит изменение в местоположении компонентов или частей компонентов словосочетания в целях актуализации отдельных слов, словари или же целых синтаксических конструкций;

Под целыми синтаксическими конструкциями нами понимаются здесь такие присоединительные конструкция в современном английском языке, в составе которых порядок слов не изучен или не находится в стадии изучения:

«And more» Agustin said . «That one above» he pointel toward Primitivo, «is a derpendable value. The Pilar is vuch, vuch vore tvan thou canst imagine. The old man Anselmo, also. Andres also. Eladio also. Very guit, buta derendable element. And Ferndo (E. Hemingway, Por whom the Be.) Il tolis, 321 p

1. If I cared about those girls it would be different. But I don't care about those girls (E. Hemingway, To have and have not, 196 p.)

Коммуникативная функция порядка слов проявляется в актуальном членении предложения. Актуальное членение представляет собой в первую очередь членение предложение на тему и рему. Коммуникативная нагрузка предложения осуществляется при помощи различных лексико-грамматических средств: фонетических (интонация, логическое ударение); грамматических (порядок слов, артикль, залоговые конструкция, отрицания); лексических (повтор, усилительные наречие и частицы). Кроме перечисленных лексико-грамматических средств, и имеются и другие средства, к которым относится, в первую очередь, стилистические средства. Под стилистическим средством мы понимаем различие синтаксических конструкций, таких как эллипсис, обособление, присоединение, которые используются в художественных текстах с определенной стилистической целью.

Выделенные нами здесь различия друнжи порядка слов в наших дальнейших исследованиях будет пополняться, конкретизироваться и дополняться на основе конкретных примеров, заимствованных из художественных краезет современных американских и английских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазаревич М. В. *Порядок слов в современном английском языке. Иностраннне языке в школе, 1956, №2. с 5-21.*

МАТН – ТИЛНИНГ НУТҚҚА КЎЧИРИЛИШИДА АСОСИЙ ОБЪЕКТ

Н. Турниёзов

Тилшунослик фани тараққиётининг ҳозирги даврида тилнинг нутққа кўчирилиши масаласига ғоят муҳим аҳамият берилмоқда. Бунинг асосий сабаби, биринчидан, тилнинг мураккаб системаси амалда қўлланилиши билан боғлиқ бўлса, иккинчидан, «тил ва нутқ» дихотомиясининг иккинчи қиррасига тегишли муаммолар талқини анча кеч бошланганлигидадир.

Тил билан нутқни фарқлаб ўрганиш масаласини дастлаб Ф. де Соссюр кун тартибига қўйган ва уни илмий асослаб берган эди. Бу ҳақда у қуйидагиларни эслатади: «Тил билан нутқ ўзаро боғлиқдир. Тил бир пайтнинг ўзида нутқнинг асосий воситаси ва материали ҳисобланади. Лекин мазкур ҳолат, тил билан нутқнинг бир-биридан фарқ қилувчи икки хил тушунча эканлигини инкор эта олмайди»(1,57).

Ф. де Соссюр таълимотида нутқ лингвистикаси масаласи бобида ҳам, қисқача бўлса-да, мулоҳаза юритилади ва уни тил лингвистикаси билан тенглаштириб бўлмаслиги айтилади(1,58).

Дарҳақиқат, нутқ лингвистикаси тил лингвистикасидан фарқ қилади, зотан, у тил лингвистикаси учун аҳамият касб этувчи қонун-қоидалар билан яшай олмайди. Бошқача айтганда, тил лингвистикасининг энг юқори текширув объекти гап ҳисобланади. Маълумки, гап таҳлилида эга, кесим, тўлдирувчи, ҳол, аниқловчи каби бўлақлар фаол қўлланилади. Нутқ лингвистикасининг эса асосий текширув объекти матн саналади. Матн учун, ўз навбатида, гап таҳлилида қўлланадиган қоидалар яроқсиздир. Бу ва шу каби масалалар умумий муаммонинг бир томонини тақозо этади. Унинг иккинчи томони эса янада жумбоқли масалалар билан боғлиқ эканлигини кўрамай. Фикр исботи учун қуйидагиларга эътибор қаратайлик:

1. Маълумки, гап нутқда шаклланади ва шу боис у нутқ бирлиги саналади.
2. Матн ҳам нутқда шаклланади ва унинг энг катта бирлиги ҳисобланади.

Агар шундай бўладиган бўлса, нега гап билан матн таҳлили бир хил қоидаларга бўйсунмайди? Нутқ лингвистикаси ҳали тўлиқ асосланмаган экан, гапнинг одатдаги синтактик таҳлили қоидалари хусусида нима дейиш мумкин?

Кўринадикки, тилшунослигимиз олдида ҳали обдан ўрганилиши лозим бўлган масалалар анчагина ва уларнинг аксарияти тилнинг нутққа кўчирилиши муаммолри билан узвий боғланади.

Тилнинг нутққа кўчирилиши жараёнида тил системаси белгилари синтагматик қатордан ўрин олади ва натижада нутқ бирликлари шаклланади. Бундай бирликлар жумласига гап, мураккаб синтактик қурилмалар, абзац, боб, макроматн кабиларни киритиш мумкин. Мазкур бирликлар ичида, албатта, макроматн устувор аҳамият касб этади, зотан, у ўздан кичик барча бирликлар учун қўлланиш объекти ҳисобланади.

Юқоридагилар билан бир қаторда шуни ҳам алоҳида таъкидлаш керакки, «система» тушунчаси «тил ва нутқ» дихотомиясининг ҳар икки мучасига ҳам тааллуқлидир. Бошқача айтганда, система фақат парадигматик қатор учун эмас, балки синтагматик қатор учун ҳам катта мавқега эгадир. Бироқ, шундай бўлишига қарамай, баъзи тилшунослар тадқиқотларида масала моҳияти нотўғри талқин этилиши ҳолатларини ҳам кузатамиз. Масалан, А. П. Евдошенко матнни синтагматик таҳлилга, системани эса парадигматик таҳлилга бўйсунувчи ҳодисалар эканлигини таъкидлайди

(2,61).

Бизнингча, бу мулоҳаза билан қўшилиб бўлмайди. Чунки матн микросистемалардан ташкил топувчи макросистема ҳисобланади. Агар матн бир сўз билан ифодаланган бўлса, у фонематик бирликлар ўзаро муносабати системасини, гап билан ифодаланган матн морфологик бирликлар системасини, мураккаб синтактик қурилма билан ифодаланган матн мустақил гаплар муносабати системасини, абзац эса гап ва мураккаб синтактик қурилмалар системасини ва ҳ, к. тақозо этади. Равшанки, бу жараёнда макросистемалар микросистемаларни ўз тасарруфига олади ва шу боис ҳар бир система ўзидан кичиги учун қўлланиш объекти- макросистемани ташкил этади. Бу, ўз навбатида, «система» тушунчаси тилга ҳам, нутққа ҳам бевосита тааллуқли эканлигини кўрсатади ва бир пайтнинг ўзида система поғонали (иерархик) ҳодиса эканлигини ҳам далиллайди.

Матн тилнинг нутққа қўчирилишида устувор аҳамият касб этади ва шунинг учун у мазкур жараёнда асосий объект саналади. Бу эса, ўз навбатида, ҳозиргача амал қилиниб келинаётган ва тилнинг реал қўлланишида асосий объект саналувчи гапнинг имкониятларини чеклаб қўяди. Чунки гап ҳам том маънода матн компоненти ҳисобланади. Ана шу сабабдан ҳозирги тилшуносликда тилнинг реал қўлланишида асосий бирлик матн эканлиги эътироф этилмоқда. Бу ҳақда инглиз тилшуноси Хэллде қуйидагиларни ёзади: «Тилнинг қўлланилишида сўз ҳам, гап ҳам асосий бирлик бўла олмайди. Бунда матн асосий бирлик саналади» (3,145).

Мазкур фикрга тўлиқ қўшилиш мумкин деб ўйлаймиз, зотан, гап ҳам, мураккаб синтактик қурилмалар ҳам, абзац, боб кабилар ҳам матн компонентлари вазифасида келади. Аммо бу билан биз уларни мустақил ҳолда матн мавқеига эса бўла олмайди демоқчи эмасмиз, албатта. Уларнинг ҳар бири нутқий муҳит ва коммуникатив вазифалари тақозосига кўра матн сифатида қўллана олади. Масалан, газета материалнинг сарлавҳаси тарзида берилган «Қишлоққа газ келди», «Ғолиблар аниқланди», «Бу йил ҳам ҳосил мўл бўлади» каби гапларнинг матн мақоми мавжудлигини инкор эта олмаймиз. Айни пайтда мазкур гаплар маънолари ва синтактик структураларига кўра тўлиқ мустақилдир. Лекин гап матн таркибида унинг компоненти сифатида қўлланганда ўз мустақиллигини йўқотади ва боғланишли нутқ махсулотига айланади. Бу жараёнда гапга ҳам, мураккаб синтактик қурилмаларга ҳам қўшимча тарзда семантик-грамматик вазифалар юклатилади (4,66).

Шуни ҳам таъкидлаш лозимки, матн таркибида қўлланилган унинг ҳар бир компоненти (гап, мураккаб синтактик қурилма ва ҳ, к. лар) ёпиқ структурали бўлади, чунки уларни матндан ажратиб олганимиздагина мустақил микроматн сифатида очиқ структурали ҳолатга кириши мумкин. Масалан, боғловчили мураккаб синтактик қурилмаларни матн сатҳининг ташқарисида исталганча кенгайтирилса бўлади. Худди ана шу тахлит матннинг (макротатннинг) ўзи ҳам очиқ структуралидир.

Бироқ матн структурасининг очиқлигини унинг яхлит фикр ифодасини бериши билан қиёсламаслик лозим, зотан, структуранинг очиқлиги ва яхлит *тугаланган* фикрнинг ифода қилиниши бошқа – бошқа ҳодисаларни тақозо этади. Фикр исботи учун қуйидаги матнга мурожаат этайлик:

«Кампир мижжаларида титраб турган ёш томчиларини сидириб ташлаб, дардли қўзларини ўғлига тикди. Сочлари оппоқ оқарган, юзларини қат-қат ажин босган бу муштдеккина кампирнинг нигоҳи чексиз меҳрга, унсиз бир изтиробга тўла эди» (О. Ёқубов).

Келтирилган матнда фикр ифодасининг яхлит ва тугаллиги шубҳасиздир. Шу боис у матн мақомига тўлиқ мос келади. Лекин унинг синтактик структурасини ёпиқ деб бўлмайди. Чунки асар муаллифининг хоҳиши билан уни исталган даражада кенгайтириш

мумкин эди.

Кўринадики, тилнинг нутққа кўчирилиши билан бутун бир матннинг шаклланиши бевосита боғлиқ бўлиб, у натижада тил унсурларининг нутқий фаоллик олиши ҳамда тилнинг барча бирликларининг кесишиш объекти бўлиб қолади.

Бироқ шуни ҳам айтиш керакки, тил унсурларининг нутққа кўчирилиши механик тарзда рўй бермайди. Бу жараёнда тил системаси механизми ҳам, прагматик омиллар ҳам, шу жумладан сўзловчи ҳам фаол иштирок этади.

АДАБИЁТЛАР

1. Соссюр Ф. де. – *Труды по языкознанию.* -М., 1977.
2. Евдошенко А. П. – *Проблема структуры языка.* – Кишинёв, 1967.
3. Halliday M. A. K. *Language structure and language function // New horizons in linguistics.* – London. 1971.
4. Адмони В. Г. – *Грамматика и текст // Вопросы языкознания – № 1, 1985.*

ERGASH GAPLI QO‘SHMA GAP SHAKLIDAGI NEMIS MAQOLLARI VA ULARNING O‘ZBEK TILIDAGI MUQOBILLARI BORASIDA

P. J. Nazarov

Ma'lumki, ergash gapli qo'shma gaplar hokim-tobe munosabatida o'zaro aloqaga kirishgan ikki yoki undan ortiq sodda gaplardan tashkil topadi. Har bir tilda ergash gapli qo'shma gaplarning struktural ifodalanishi turlicha ko'rinish kasb etganligi sabab, bunday tipdagi gaplarni tushunib yetish birmuncha qiyin kechadi. Jumladan, nemis tilida ergash gaplar bosh gapdan oldin kelsa, bosh gap o'z kesimidan boshlanadi. Biroq, nemis tilida to'siqsiz ergash gap bosh gapdan oldin kelsa, bunday hollarda bosh gapning so'z tartibi o'zgarmasligi qoidadan mustasnodir. Masalan:

Obwohl ich vor dem Herrn Buck natuerlich die grosste Hochachtung habe, er ist doch so angesehen.

O'zbek tilida ergash gaplarning so'z tartibi alohida ko'rinish kasb etmasa-da, bunday ergash gaplarning bosh gapga bog'lanishi odatda bog'lovchi vositalar (ergashtiruvchi bog'lovchilar, bo'lovchi o'rnida kelgan so'zlar, ayrim yuklamalar) yordamida amalga oshiriladi. Ayrim o'zbek maqollaridagina ergash gaplar bosh gapga to'g'ridan-to'g'ri bog'lanishini kuzatish mumkin. Masalan:

Yurting tinch – sen tinch (Yurting tinch bo'lsa, sen ham tinch bo'lasan – shart ergash gapli qo'shma gap)....

Umuman olganda, maqollarning ergash gapli qo'shma gaplar bilan berilishi va ularning boshqa tillardagi muqobillarini tanlashda tanlangan maqolning struktural tuzilishi emas, balki semantik ma'nosi, o'z tili va o'rganilayotgan tilning milliy va lingvomamlakatshunoslikka oid qirralari muhim ahamiyat kasb etishini ta'kidlab o'tishimiz joiz. Tarkibi ergash gapli qo'shma gapdan tuzilgan ko'pchilik nemis maqollari o'zbek tiliga yoki sodda gap tarzida, yoki bog'langan qo'shma gap shaklida beriladi: Quyidagi misollar fikrimizning yaqqol dalilidir.

Ein Geiger zerreiBt viel Saiten, eh' er Meister wird (Payt ergash gapli qo'shma gap) = Wer die Landarbeit nicht kennt, weiB nicht, was man Arbeit nennt (Ketma-ket ergashishli ergashgan qo'shma gap). O'zbekcha muqobili: Musofir bo'lmaguncha musulmon bo'lmas (Sodda yoyiq gap).

Yoki: Was wahr ist, muB wahr bleiben (Ega ergash gapli qo'shma gap). O'zbekcha muqobili: Haqiqat egiladi, ammo sinmaydi (Sodda yoyiq gap).

Wer das Kleine nicht ehrt, ist das Grossen nicht wert (Ega ergash gapli qo'shma gap). O'zbekcha muqobili: Kattaga hurmatda bo'l, kichikka izzatda (Bog'langan qo'shma gap).

Shuni ta'kidlab o'tish lozimki, ayrim paytlarda nemis tilidagi ergash gapli qo'shma gaplar o'zbek tiliga ham ergash gapli qo'shma gaplar sifatida berilishini kuzatsa bo'ladi. Biroq bunday ergash gapli qo'shma gaplarning muqobilini tanlashda ko'pincha struktural o'zgarishlar kuzatiladi. Jumladan:

Wer andern eine Grube grabt fallt selbst hinein (ega ergash gapli qo'shma gap);

Birovga cho' qazisang, o'zing yiqilasan (shart ergash gapli qo'shma gap).

Yoki: Wie die Saat, so die Ernte (o'xshatish ergash gapli qo'shma gap);

Nima eksang, shuni urasan (To'ldiruvchi ergash gapli qo'shma gap)....

Ergash gapli qo'shma gaplarning maqollarda talqin etilishida talabalar gapning bosh bo'laklari va asosiy mazmuni nimada ekanligini tez tushunib olishi mumkin.

Was geschehen soll, das geschieht = Was sein soll, schikt sich wohl (soʻzma-soʻz tarjimai: Nima sodir boʻlishi lozim boʻlsa, u sodir boʻladi) – Ushbu ega ergash gapli qoʻshma gapni oʻzbek tiliga «Taqdirdan qochib boʻlmaydi» (shaxsi topilmas gap) sifatida tarjima qila olamiz.

Wer da sucht, da findet (Soʻzma-soʻz tarjimai: Kim izlasa, oʻsha topadi). Bu maqolni oʻzbek tiliga „Izlagan topadi» (faqat ega va kesimdan iborat sodda yigʻiq gap) yoki „Intilganga tole yor» (sodda yoyiq gap) tarzida bersa boʻladi.

Demak, nemis tilidagi ergash gapli qoʻshma gaplarni oʻzbek tiliga tarjima qilishda talabalarining nutqiy vaziyatlarni toʻgʻri tafakkur etishlarida ijodiy fikrlashlari yuksak darajada boʻlishi hamda nafaqat oʻz xalqining, balki tili oʻrganilayotgan mamlakatning milliy-madaniy qadriyatlaridan maʼlum bir darajada xabardor boʻlishlari talab etiladi.

«KURASH» ATAMASI YORDAMIDA HOSIL BO‘LUVCHI SINTAKTIK BIRIKMALAR XUSUSIDA.

R. I. Ibragimov.

Hozirgi zamon sintaksis fani o‘zining dolzarb tadqiqot ob‘yektlariga keng ko‘lamda ega bo‘lishligi bilan tavsiflanadi. Sintaktik mavzularning nihoyatda ko‘p qirrali va xilma-xil bo‘lishiga ko‘pgina omillar ta‘sir qilishi mumkin. Aynan ana shunday omillardan biri-bu matndir. Matn jarayonida hozirgi kungacha biron –bir izlanish ob‘yektiga aylanmagan turli xil so‘z birikmalari, sintaktik konstruksiyalar, qurilmalar paydo bo‘lmoqda. Yuzaga kelayotgan bunday sintaktik birliklar gap strukturasi ichki va tashqi tomonidan kengayishga, ularning kommunikativ solmog‘ini oshishiga xizmat qiladi.

Gap strukturasi kengayishida, shuningdek murakkab- lashuvda ishtirok etuvchi bunday komponentlar gap tarkibida bir-biriga nisbatan turli xil grammatik funksiyalarni bajarib keladi: grammatik subekt, grammatik predikat va ikkinchi darajali bo‘laklar funksiyasini. Shu bilan bir qatorda hosil bo‘luvchi so‘z birikmalari, sintaktik konstruksiyalar va qurilmalar so‘z tarkibiga ham ma‘lum darajada ta‘sir ko‘rsatishdadi. Bunday holatlarda so‘z tartibi u yoki bu gapni tashkil etishda ishtirok etuvchi komponentlar orasida sintaktik aloqa vositalarini va sintaktik munosabatlarni o‘rnatishda muhim rol o‘ynaydi. So‘z tartibiga xos bo‘lgan bunday xususiyatlarni «kurash» atamasi bilan hosil bo‘luvchi so‘z birikmalari tarkibida kuzatish mumkin. «Kurash» atamasi bilan hosil bo‘luvchi so‘z birikmalari to‘g‘risida gap borganida, biz eng avvalo o‘zbek tilida uchraydigan «kurash» atamasi yordamida ingliz tilida paydo bo‘luvchi so‘z birikmalarini nazarda tutamiz.

Mustaqillik o‘zbek tiliga nafaqat davlat maqomini ato edi, balki o‘zbek tilida uchraydigan ba‘zi bir so‘zlarni dunyo xalqlari tillari darajasiga ko‘taradi. Natijada o‘zbek so‘zlari yordamida jaxon tillarida, aniqrog‘i ingliz tilida yangi, ya‘ni lug‘atlarda bu kungacha o‘z ifodasiga ega bo‘lmagan, soz birikmalarini yuzaga keltiriladi. Ana shunday so‘z birikmalardan biri –bu «kurash» atamasi yordamida hosil bo‘lgan so‘z birikmalardir.

Endi «kurash» atamasi yordamida hosil bo‘luvchi so‘z birikmalarini sintaktik va semantic xususiyatlari to‘g‘risida bu yerda ba‘zi bir fikr muloxazalarni keltiraylik. Fikrimizni quydagi matn tarkibida keluvchi so‘z birikmasining taxlili bilan boshlashni ayni mudoa deb bilamiz.

I F not to be afraid of loud words one can say that kurash, having showed itself to the world on the 1st Cup of the President of the Republic of Usbekistan and the 1st World Championship, continues its march on countries and cantinents, gains its new fans. The most comprehensive and operative messages about it come to the Headquarters **of the International Kurash Association (I KA) (Kurash, 2000,1-2, 4p.).**

Ushbu matn tarkibida namoyish etilgan va «kurash» atamasi yordamida hosil bo‘lgan «of the International kurash Association» so‘z birikmasiga diqqat e‘tiborni qarataylik. Bu yerda uch komponentli so‘z birikmasi hosil bo‘lib, ular o‘rtasidagi sintaktik munosabat of-ko‘makchisi orqali ifodalanadi. Ushbu so‘z birikmasi tarkibida «kurash» atamasi pozistiyasida kelib, o‘zi bevosita bog‘liq bo‘lgan komponentlarga nisbatan teng munosabatda bo‘ladi. Eng qizigi shundaki, ushbu so‘z birikmasi o‘zining qisqartilgan shakliga ham ega. «Kurash» atamasi yordamida hosil bo‘layotgan bunday so‘z birikmalari o‘zbek kurashini halqaro maydonga olib

chiqishi bilan bir qatorda «kurash» atamasini sport atamasi bilan teng mavqiyini taminlamoqda. «Kurash» atamasi bilan hosil bo'lgan yana bir so'z birikmasiga diqqatni qarataylik.

2. This is not all list of pleasant news. Thus, the upward flight of kurash is going on (Kurash, 2000, 1-2, 5p).

Bu erda so'z birikmasi- **flight of kurash is going on** kurashning parvozi. O'z-o'zidan ma'lum, «kurash» atamasi yordamida hosil bo'layotgan soz birikmalari ko'pincha u yoki bu ko'makchilarning yordamida hosil bo'ladi. Bunday birikmalarning hosil bo'lishida-of-ko'makchisidan tashqari boshqa ko'makchilar ham ishtirok etishi mumkin, jumladan- **in** ko'makchisi. Masalan:

3. The President of National Judo Federation, a staunch **supporter of kurash**, Miatilde K. Maube informs us that in her country women are very **interested in kurash** and she wanders what is the attitude **of the IKA** administration to **women's kurash** (Kurash, 2000, 1 1-2, Sp).

O'zbek kurashi shunday ommaviy tus oldiki u yordamida hosil bo'luvchi so'z birikmalari ham sintaktik va ham semantik jixatdan turli shakllarga ega bo'lmoqda. N- 3. raqamli misolda, bir vaqtning o'zida «kurash» atamasi yordamida yuzaga kelgan to'rtta so'z birikmasiga duch kelamiz: ular; **supporter of kurash**; **interested in kurash**; **the attitude of the IKA**; **women's kurash**. Agarda biz bu yerda namoyish etilgan so'z birikmalarini bir –biriga qiyos qilsak, u holda shunday bir xulosaga kelish mumkin: «kurash» atamasi bilan yangi so'z birikmalarining paydo bo'lishida ko'makchilar ishtirok etishi va etmasliklari mumkin ekan, xuddi shunday holatni **women's kurash** so'z birikmasi tarkibida kuzatish mumkin. «Kurash» atamasi yordamida hosil bo'luvchi bunday so'z birikmalari orasida doimo sintaktik aloqalar mavjud. Ular orasida mavjud bo'lgan sintaktik aloqa vositalari ko'pincha boshqaruv, moslashuv va bitishuv kabi konstruktiv sintaktik aloqalarga asoslanadi.

«Kurash» atamasi yordamida hosil bo'luvchi so'z birikmalari struktural jihatdan ikki, uch va undan ortiq komponentlardan tashkil topishi mumkin. «Kurash» atamasi bilan hosil bo'luvchi so'z birikmalari ma'no tomonidan emotsiyonal va ekspressiv ta'sirchanlikka ega, chunki u shu vaqtgacha biron bir tilda so'z birikmalarini tashkil qilishda ishtirok etmagan, lekin shunga qaramasdan qisqa davr ichida sport atamasiga o'xshash keng ommaviy halqaro tus olmoqda.

Ushbu maqola doirasida biz «kurash» atamasi yordamida hosil bo'luvchi ba'zi bir so'z birikmalarining sintaktik xususyatlarini izoxlab berishga harakat qildik holos. O'ylaymizki, ular ustida muntazam ravishda ishlash, yangi-yangi hulosalarni keltirib chiqarishi mumkin.

ADABIYOTLAR

1. *Ибрагимов Р. И. Использование терминологии «Кураш» в мировом лексиконе. Самарқанд Davlat Chet tillar instituting 10 yillik yubileyiga bag'ishlab o'tkazilgan halqaro ilmiy-nazariy konferensiyasi materiallari (Samarqand Shahri, 2004 yil 26- 27 noyabr). - Samarqand: SamDChTI, 2004, 87-88 betlar.*
2. *Kurash. Halqaro jurnal. -Toshkent, 2000, 1-2 –32 bet.*

ПОВТОР КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ТЕКСТА

А. Мансурова

Ознакомление лингвистической литературы свидетельствует о том, что повтор как лингвистическое явление был предметом многочисленных лингвистических исследований (М. И. Адилов, 1968; А. Т. Тениушос, 1969). В этих работах доются таких структурные разновидности повторов, как: фонетические, лексические, синтаксические, семантические, словообразовательные, стилистико-поэтические. Все эти структурные разновидности повторов в той или же иной степени взаимосвязаны и взаимнообусловлены. Прежде чем перейти к рассмотрению структурных разновидностей повторов на материале современного английского языка, нам необходимо, хотя бы вкратце, дать определение самому термину «повтора», которое приводится в ряде исследований. Например, С. Г. Николаев изучая двойные контактные повторы на материале современного русского языка дает следующее определение: «под термином повтора» («редупликация», «удвоение») понимается неоднократное намеренное употребление в рамках определенного речевого отрезка языковой единицы одного и того же лингвистического уровня с определенной словообразовательной, грамматической, семантической заданностью» (С. Г. Николаев, 1986. с. 3). Как мы здесь видим, чисто в приведенном определении автора почти все структурные типы повторов не только находят свое отражение, но и еще дает повод к делению в данном определении автора о повторе, не только находят свое отражение все структурные типы повторов, но и дает нам право об их делении еще на две большие группы по месторасположению: контактные и дистантные повторы. Как показывают наши наблюдения, контактные и дистантные повторы довольно часто встречаются в художественных текстах. Иногда они параллельно употребляются в рамках одного текста. Свидетельством этому служит ниже анализируемый текст.

1. Got knows what will happen to Sordo today if they pickend ur the trail of those horses in the snow. That was tough; the snow stopping that way. But it meltin tolay will even thingc ur. But not fon Sordo. I'm afraid it's too late to even it ur for Sordo (E. Hemingway. For whom the Bell talis, 303p).

В данном тексте наблюдаются как контактные, так и дистантные повторы. Например, контактными повторяемым компонентами здесь являются –in the snow uthe snow, так как они находятся ближе друг-другу, но по выполняемой синтаксической функции они отличаются друг от друга. А повторяемый пол nonenm-for Sordo имеет здесь двойной характер: он по отношению к –to Sordo находятся в дистантном расположении, а по отношению к второму-for Sordo в контактном расположении. Как мы здесь видим один и тот же повторяемый компонент может одновременно находится по отношению к другому компоненту как контактно, так дистантно. Таким образом, повторяемые компоненты в подобных в текстах выполняют не только синтаксическую, но и стилистическую функцию. Этому способствует, во-первых их месторасположение друг-друга, а во-вторых выполняемый или синтаксическую функцию по отношению друг-друга.

Иногда наблюдаются случаи, когда начало и конец текста оформляется синтаксические повторяемыми компонентами. В функции синтаксически повторяемого компонента могут употребляются всевозможные типы предложения.

2. If we can last through today and not have to fight we can swing the whole show tomorrow with what we have. I know we can. Not well, maybe. Not as it should be, to be foolproof, not as we would have done; but using everybody we can swing it. If we don't have to fight today (E. Hemingway. For whom the Bell tolls, 303p).

Как нам представляется, этот текст строится по принципу как лексического, так и синтаксического повторов. Здесь наблюдается повтор всевозможных словоформ, словосочетаний и предложений. Среди этих синтаксических повторов, нас, в первую очередь, интересует повторяемый компонент, представленный в виде условного придаточного предложения в форме: -If we don't have to fight today. Если мы уберём из состава первого придаточного предложения так называемые интерпозиционные элементы – *just through and*, тогда синтаксически повторяемое условное предложение – *if we don't have to fight today* – полностью дублирует первое предложение. Таким образом, этот синтаксически повтор завершает представленный здесь текст как в синтаксическом, так и в смысловом отношении, потому что, смысловое содержание этого текста подчинено именно повторяемому предложению, которое оформляет в виде условного придаточного предложения.

Значительная распространенность подобных синтаксических повторов в художественных текстах современного английского языка и их неадекватность другим типам повторов говорит о правомерности их выделения в качестве самостоятельного объекта исследования и позволяет считать, что их всестороннее изучение в рамках лингвостилистики представляет научный интерес и является актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адилов М. И. *Стилистическая роль повторов в языке произведений Джалила Мамедкулизе.* – Ученые записки Азу-Баку, 1966 № 4, с. 36-43.
2. Адилов М. И. *Повторы с предложениями.* Ученые записки Азу-Баку, 1968 № 1, с. 11-17.
3. Николаев С. Т. *Двойные контактные повторы с асемантизированными сегментами.* Автореф дисс. На соиск. Учен степ. Канд. Филол наук – Ростов-на-Дону, 1986. 25 с.
4. Тениушас А. Т. *Роль повтора в трагедиях Шекспира.* Автор дисс. На соиск учен степ канд филол наук. -Рига, 1969. - 26с.

ПРИСОЕДИНЯЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ КАК ЗАМЫКАЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

В. Уматова (Нук ГПИ)

При изучении структурной типологии присоединительных конструкций необходимо учитывать месторасположение присоединяемых элементов в составе диалогического единства как особой структурной разновидности синсемантического сложного синтаксического целого.

Специфика возникновения всевозможных типов присоединительных конструкций во многом более наглядно раскрывается при анализе структуральных типов присоединяемых элементов в рамках диалогического единства. Как известно, диалогическая речь характерна для устной, живой разговорной речи.

Для диалогической речи показательным, в первую очередь, является отсутствие заранее продуманной речевой организации. Это приводит к известной неполноте ее языкового выражения, что, как правило, компенсируется всей ситуацией (а также другими средствами, например, мимикой, жестом и проч.).

Изучение особенностей использования присоединительных конструкций в языке художественной литературы было бы немыслимо без выявления места присоединяемых элементов в структуре диалогического единства как основной единицы диалогической формы речи. Как известно, в языке художественной литературы диалогическая форма (наряду с монологической) выступает в особой эстетической функции: «писатель организует монолог и диалог, исходя из основной задачи художественного произведения – эстетического воздействия на читателя». (С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, 1977, с. 150).

В лингвистической литературе имеется достаточно большое количество работ (Б. Т. Турсунов, С. Х. Олокулова, 1982, 1987), где присоединяемые элементы различной структурной типологии изучаются именно в структуре диалогического единства. Это связано с тем, явление присоединительной конструкции прежде всего обнаруживается в диалогической речи, поэтому ряд исследователей характеризует ее как синтаксическую особенность устного языка.

Рассмотрим некоторые структурно семантические особенности присоединительной конструкции диалогического единства, где во всех его структурных разновидностях в качестве ответной выступают присоединяемые элементы. Место следования присоединяемых элементов диалогического единства в какой-то степени напоминает о месторасположении присоединяемых элементов с дистанционным расположением. Ср., Например:

1. Where did I find you?

You found us sitting on the couch. In the dark (E. Hemingway. To have and have not, 141 p). Where have you been? At the Bradleys.

Структура проиллюстрированного диалогического единства состоит из трех реплик, где в качестве ответной реплики выступает присоединяемый элемент- *in the dark*. Данный присоединяемый элемент, употребляясь в функции ответной реплики, образует диалогическое единство с первой и второй репликами, и синтаксически продолжает их, выражаясь обстоятельством места. Специфика присоединяемого элемента в ответной реплике состоит в том, что независимо от синтаксической функции, выполняемой им в

указанном диалогическом единстве, он всегда сообщает что-то новое устанавливает с остальными репликами синтаксическую и семантическую связь функционируя в качестве ответной реплики, он уточняет, конкретизирует мысль, выраженную предыдущими репликами.

Иногда структура рассматриваемого диалогического единства усложняется. Усложнение структуры диалогического единства происходит за счет увеличения количества присоединяемых элементов, подключаемых в качестве ответной реплики. Ср., например:

What you want for the boat, bid bay? the deepvoiced Cuban called Roberto asked Harry.

-Depends on what you want to do with her, Harry said.

-Take the four of us to Cuba.

-Cabanas. Close to Cabanas.

Down the coast from Mariel(E. Hemingway. To have and have not,83p.)

В данном примере представляется сложный структурный тип диалогического единства. Структурная усложненность обуславливается, как правило, увеличением количества присоединяемых элементов. Данное диалогическое единство состоит из пяти реплик. В качестве ответной реплике функционируют присоединяемые элементы. Хотя присоединяемые элементы относятся к предпоследней реплике, но они с ней вместе образуют так называемое сложное синтаксическое целое диалогического характера. Присоединяемые элементы подключаются по отношению к своему основному высказыванию параллельно. Параллельное подключение означает что каждый из демонстрируемых здесь присоединяемых элементов, независимо друг от друга прямо относятся к одному и тому же основному высказыванию, роль которого выполняет- Where in Cuba? Во всех структурных типах диалогического единства, присоединяемые элементы как структурно- простого, так и структурно- сложного типа, выступают как заключительные аккорды всего сложного синтаксического комплекса.

Изучение присоединяемого элемента как завершающий компонент диалогического единства, способствует, во- первых расширению структурной типологии присоединительных конструкций, и во- вторых и становится объектом самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.,1977-191с.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ОНО- МАСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ (на материале современного английского языка)

Г. Х. Обруева

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом –«имя собственное» (ИС) в современном английском языке составляют довольно обширную группу, насчитывающую свыше 500 единиц, например, наиболее наглядные образцы (по англо-русскому фразеологическому словарю А. В. Кунина – 1984): grin like a Cheshire cat – «ухмыляться, улыбаться во весь рот» (выражение приобрело особую популярность благодаря книге Л. Керолла «Алиса в стране чудес»); Fortunatus's (или wishing) cap – «шапка Фортуната» (шапка, выполняющая все желания владельца [Fortunatus-сказочный персонаж]); Teddy boy – «стиляга» [Teddy уменьшительно ласкательное от Edward: по имени английского короля Эдуарда VI, отличавшегося своеобразной манерой одеваться]; talk billingsgate – «ругаться как базарная торговка» [billingsgat-название большого рыбного рынка в лондоне] и др. функционально-семантическое и прагматическое своеобразие ономастического компонента в свободном употреблении преопределяет необходимость:

- 1) изучения механизма качественного преобразования ИС в составе ФЕ;
- 2) выявления факторов, способствующих этому процессу;
- 3) систематизации способов семантико-образного переосмысления.

Последовательное рассмотрение этих вопросов представляет несомненный интерес как в теоретическом, так и в практическом планах, ибо служит основой разработки комплексного фразеологического анализа.

Как известно, единого и общепризнанного истолкования сущности ИС до сих пор ещё не существует. По этому вопросу высказывались и высказываются самые разноречивые суждения (Е. М. Галкина-Федорчук, 1956; Л. П. Ступин, 1969)

Наиболее адекватный трактовкой содержательной стороны ИС является, на наш взгляд, концепция, согласно которой его семантика представляет собой единство общего (категориального) и единичного (индивидуального значений (В. М. Богусловский, 1957; В. П. Проничев, 1968; Л. М. Щетин, 1961).

В основе общего значения ИС лежит понятие соответствующее классу денотатов, обслуживаемых определённым разрядом имён (все мужские имена, например, соответствую понятию «имя лица мужского пола»). Ср., к примеру, в контексте ФЕ различных семантически-структурных разрядов: honest (или old) Abe – «честный (или старый) Эйб (прозвище президента Авраама Линкольна) [A. Lincoln, 1809-1965]: Let Georg do it – «пусть кто-нибудь другой это сделает», «мне что за дело, пусть несёт ответственность другой»: a (или one's) King Charles's hed – «навязчивая идея» [в романе Ч. Дикенса «Давид Копперфилд» полоумный мистер Дик увлекается Карлом I]: Jack (или a Jack) of all trades «мастер на все руки»: a cool-oil Johnny – «мот», «транжира».

Единичное значение ИС представляет собой результат обобщения наиболее существенных черт (признаков) конкретного денотата. Его основу составляет особая форма мышления – единичное понятие (В. Ф. Асмус, 1947; П. И. Визгалов, 1959). Ср., например, ИС в составе следующих ФЕ: laugh like little Augrey – «смеяться, как

мальчишка Одри», т. е. «от души смеяться (особенно находясь в тяжёлом положении)» [по имени действующего лица в комедии Шекспира «как вам это понравится?»]: Aunt Edna – «тётушка Эдна», «театралка с консервативными вкусами [выражение создано английским драматургом Т. Раммигеном]: Cordelia's gift – «тихий, нежный женский голос» (подобный голосу Карделии – героини трагедии Шекспира «Король Лир»); all shall be well, Jack shall have Jill- «всё будет хорошо, и Джилл достанется Джеку» (говорится о счастливом конце книги, пьесы и т. д. и т. п.) [выражение популяризировано Шекспиром]: Every Jack has his Gill (или Jill) – «для всякого Джека найдётся своя Джилл» (ср. рус. «у всякого голубка своя горлица»)

Имена собственные возникли и существуют как средство выделения индивидуального из массового, единичного из общего. Эта специфическая функция и определяет качественное своеобразие ИС, их лингвистическую и социальную значимость. Однако автономность ИС как особого разряда языковых единиц не следует преувеличивать, ибо в системе языка все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Так несмотря на различия функционально-семантического характера, у имён собственных имён нарицательных (ИН) обнаруживаются и точки соприкосновения.

Одним из таких общих моментов является «предметный характер семантики тех и других. Именно это свойство по мнению В. В. Виноградова, обеспечивает возможность перехода имени собственного в нарицательное:» Значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщённое значение целого класса однородных вещей или выражение отвлечённого понятия» (В. В. Виноградов, 1947, с. 48).

Обратный процесс, т. е. переход имени нарицательного в имя собственное, также возможен вследствие предметного характера исходного и результируемого имен.

Вопросы транспозиции (ИС-ИА) изучаются исследователями различных языков. Одни из них рассматривают переход собственных имён в нарицательное (Т. Н. Кондратьева, 1961 год, Л. Н. Щетинин, 1961), другие – переход нарицательных в собственные, третьи ведут исследования в обоих направлениях.

Наибольшие интерес для нас представляют работы, посвященные изучению процесса преобразования имени собственного в имя нарицательное (ИС-ИН) следует отметить, что предметом исследований большинства из них являются однословные образования (Переосмыслённые ИС) лишь немногие языковеды (Т. Н. Кондратьева,) посвящают свои работы изучению механизма преобразования ИС в составе устойчивого сочетания слов. Так в результате тщательного этимологического анализа Т. Н. Кондратьева выявляет такие способы, переосмысления ИС в их составе как метафора, метонимия, синекдоха эпитет. Здесь делается попытка осмысления механизма фразеологизации устойчивых оборотов с проприальным компонентом (т. е. с СИ) сущность данного процесса заключается в переходе (СИ) во «вторичное состояние» имени-символа.

Пути семантического преобразования ИС в составе ФЕ исследуемого нами структурного типа очень разнообразны как нам представляется, при определении способа переосмысления необходимо прежде всего учитывать характер генезиса ФЕ. Фразеологизмы в составе которых компонент ИС генетически восходит к определённому (утраченному или существующему денотату), мы называем детерминированными. К их числу можно отнести такие обороты, как

The real Simon pure-нечто настоящее неподдельное (по имени персонажа С. Сентливер (S. Centlivre, 1667-1723) A Bold Stroke for a wife»). [Этимология исследуемых в работе ФЕ приводится по англо-русскому фразеологическому словарю, А. В. Кунина-1967 г.]

Jack the Ripper – «Джек Потрошитель» (прозвище убийцы женщин совершавшего зверские преступления в Лондоне 1888-1889 г. г.)

Фразеологизмы, обнаруживающие отсутствие первичного денотата, именуется нами ин детерминированными. Примерами таковых могут служить следующие обороты не имеющие прототипов ИС: tin Lizzie – «дешёвый автомобиль», Big John – «новобранец».

Необходимо отметить, что ФЕ могут быть детерминированными или ин детерминированными не только с точки зрения наличия или отсутствия прототипа ИС (как в вышеупомянутых оборотах). Детерминированный или ин детерминированный характер оборота обусловлен во многих случаях наличием или отсутствием (в генетическом плане) реальной исходной ситуации (денотат в широком смысле слова), положившей начало существованию ФЕ. Ср., например, meet one's Waterloo – «быть разгромленным, понести окончательное поражение» (англо-голландские и прусские войска Веллингтона и Блюхера нанесли Наполеону сокрушительный удар в битве при Ватерлоо в 1815г.) и

Set the Thames on fire – (шутл.) – 1) сделать что-либо необычное, из ряда вон выходящее; 2) быть чрезвычайно сдержанным.

Ин детерминированный характер первого фразеологизма обусловлен достоверностью исторического факта, лежащего в его основе. Отсутствие реальной возможности совершения действия выраженного вторым оборотом, даёт основание для отнесения его к числу ин детерминированных, несмотря на существование денотаты ИС в реальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В. Ф. *Логика*. – М: Госполитиздат, 1947.
2. Богуславский В. М. *Слово и понятие // Мышление и язык Под ред. Горского Д. П.* – М.: Госполитиздат. 1957.
3. Визгалов П. И. *Соотношении имен собственных и единичных понятий // Учёные записки Елабужского пединститута, т. 4, 1959*
4. Винаградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учения о слове*. – М- Л.: Учпедгиз, 1947.
5. Галина – Федорух Е. М. *Слова и понятие*. – М.: Учпедгиз, 1956
6. Кондратьева Т. Н. *Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и загадка русского народа XIX – начала XX вв. // Учёные записки Казанского ун-та (Памяти Богородицкого), т. 119, кн. 5. – Казань, 1961*
7. Проничев В. П. *Обращение и понятие // Вестник ЛГУ – Л., 1968. – № 20*
8. Ступин Л. П. *О лексическом значении имен собственных // Вопросы теории и истории языки. – Л.: ЛГУ, 1969*
9. Щетинин Л. М. *Переход Собственных имён в нарицательные как способ расширения словарного состава языка: Автореф. Дисс. ...канд. Филол. Наук. – М.: МГУ, 1961*
10. Щетинин Л. М. *К вопросу о переходе собственных имён в нарицательные // Исследования по английской лексикологии. – Учёные записки МГПИ. №166. М., 1961*

МАТН ЛИНГВИСТИКАСИ ҲАҚИДА АЙРИМ ҚАЙДЛАР

Ш. Турниёзова

Тилшунослик фани тараққиётининг ҳозирги давригача тилнинг мураккаб системани ташкил этиши ва у билан боғлиқ бўлган муаммолар атрофлича ўрганилди. Хусусан, тил системаси белгиларининг ифодаловчи ва ифодаланувчи томонлари (означающее и означаемое) жиддий ва изчил талқин этилди. Буни умумий тилшунослик доирасида ҳам, ўзбек тилшунослигида ҳам кузата оламиз. Бироқ машҳур тилшунос Фердинанд де Соссюр томонидан илмий асослаб берилган «тил ва нутқ» дихотомиясининг иккинчи қирраси, яъни нутқ муаммолари меъёр даражасида ўрганилмади. Бошқача айтганда, ҳозиргача тилшунослик фанининг асосий текширув объекти тил лингвистикаси масалалари бўлиб келди, нутқ лингвистикаси муаммолари эса том маънода ўрганилмади. Ана шу боис бугунги тилшуносликда мазкур масала талқинига жиддий эътибор берилмоқда.

Равшанки, нутқ тил системаси унсурларининг амалда реал қўлланилишини тақозо этади. Бу эса, ўз навбатида, муайян қонун-қоидалар билан узвий боғлиқ бўлади. Шунинг учун тил билан нутқни муштарак ҳодисалар деб бўлмайди. Уларнинг ҳар бири ўзига хос жиҳатлари билан иккинчисидан фарқ қилади. Акс ҳолда «тил ва нутқ» дихотомияси ҳам амалда ўз кучини йўқотган бўларди.

Тил системаси унсурлари нутққа икки хил шаклда, яъни оғзаки ва ёзма шаклларда кўчирилиши мумкин. Нутқнинг ёзма шакли бугунги кунда «Матн лингвистикаси» деб номланаётган тадқиқот объектига асос бўлмоқда, оғзаки шакли эса диалог ва унинг лингвистик талқини учун асосий материал бўлиб хизмат қилмоқда. Бироқ матн лингвистикаси талқини ҳам ҳали ўзининг бошланғич даврини бошдан кечирмоқда. Бу соҳаларда ҳали нафақат ўзбек тилшунослигида, балки жаҳон тилшунослигида ҳам том маънодаги тадқиқот ишлари эндигина бошланмоқда. Мавжуд ишларда нутқ лингвистикасининг глобал муаммолари кун тартибига қўйилгани йўқлигини кўрамиз. Бироқ, юқоридагилар билан бир қаторда шуни ҳам айтиш лозимки, тилшунослик фанининг ҳозирги тараққиёти давригача тилнинг ҳар бир сатҳига, шу жумладан, фонетик сатҳига ҳам тегишли бўлган кўплаб муаммолар ҳал қилинди. Бу ишларнинг барчаси жаҳон тилшунослигининг қўлга киритган ўлкан ютуқлари бўлиб қолиши шубҳасиздир. Биз таъкидлаётган ўрганилиши лозим бўлган муаммолар, жумладан, матн лингвистикаси муаммолари тилшунослар олдида турган галдаги вазифаларни тақозо этади.

Матн лингвистикасининг муаммолари тил системасининг нутққа кўчирилиши, унинг амалда реал қўлланилиши билан узвий боғлиқдир. Бу масала талқини ҳозирги жаҳон тилшунослигида ўта долзарб бўлиб, ғоят муҳим аҳамият касб этмоқда. Эҳтимол, XXI аср тилшунослик фани учун тилнинг амалда қўлланилиши муаммоларини ўрганиш асри бўлиб қолар. Шундай экан, тилнинг нутққа кўчирилиши, бошқача айтганда, нутқ лингвистикаси масалалари талқини кун тартибимиздаги асосий тадқиқот объектларидан бири бўлиб қолиши табиийдир. Аммо бу билан тил системаси талқинига тааллуқли масалалар меъёр даражасида ўрганилган ва бу соҳада изоҳталаб масалалар йўқ демоқчи эмасмиз, албатта. Бу жабҳада ҳам ўрганилиши лозим бўлган ва шу билан бирга, фан тараққиётига мос ҳолда қайтадан кўриб чиқилиши даркор бўлган масалалар ҳам анчагина кўринади. Бундай масалаларни тилнинг фонетик сатҳида ҳам лексик-морфологик ва синтактик сатҳларида ҳам кузатиш мумкин. Масалан, синтаксисга оид гап

бўлаклари, микро- ва макросистемалар муносабати, тил унсурларининг иерархик алоқаси, синтактик парадигматика, функционал синтаксис, семантик синтаксис кабиларга тегишли кўплаб масалалар ўз ечимини кутмоқда.

Айни пайтда шуни ҳам айтиш керакки, синтаксиснинг текширув объекти ҳам кенгайиб бормоқда. Бунинг далили сифатида матн лингвистикасининг илмий асосланаётганлигини кўрсатиш мумкин.

Албатта, матн таҳлили одатдаги синтактик таҳлил доирасига сифмайди. С. Д. Кацнельсон бу ҳақда куйидагиларни таъкидлайди: «Яхлит матннинг лингвистик структурасини ҳали ўрганилмаган дейиш мумкин. Гапдаги сўзларнинг ўзаро муносабатини ўрганувчи «кичик синтаксис»дан ташқари, гапларнинг ва улардан катта синтактик қурилмаларининг ўзаро муносабатларини ўрганувчи «катта синтаксис»га ҳам эҳтиёж туғилмоқда»¹.

Матн лингвистикаси масалаларининг кун тартибига кўйилиши, ўз навбатида, «катта синтаксис» тушунчасининг ҳам истеъмолга киритилишини талаб қилиши шубҳасиздир. Чунки амалдаги гап таҳлили учун қўлланиладиган қоидалар матн таҳлили учун яроқсиздир. Бошқача айтганда, гап сўзларнинг ўзаро муносабатини тақозо этса, матнда гапларнинг, мураккаб синтактик қурилмаларнинг, абзац ва бобларнинг ўзаро муносабатини ўрганишга тўғри келади. Бундан ташқари, матн талқинида микро- ва макросистема, микро- ва макроструктуралар хусусидаги, уларнинг ўзаро иерархик муносабатлари ҳақидаги илмий маълумотларга таяниш лозим кўринади. Ваҳолонки, бундай илмий маълумотлар матн доирасида ҳалича муваффақиятли қўлланилаётгани йўқ.

А. Т. Кривоносовнинг тўғри таъкидлашича, «Матн лингвистикаси» аксарият ҳолларда обзор характерга эга бўлган фактларга асосланмоқда ва бунинг натижасида эмперик материалдан узилиш рўй бермоқда. Натижада эса одатдаги гап таҳлилидан нари ўтиб бўлмаяпти.²

Кўринадикки, матн лингвистикасининг илмий асосларини белгилаб берувчи мукамал қоидаларга ҳозирча том маънода эга эмасмиз. Бунинг учун, албатта, вақт талаб этилади. Немис тилшуноси Р. Харвег ўз даврида матн лингвистикасини тўлиқ илмий асослаш ва тадқиқ қилиш учун камида юз йил кераклигини таъкидлаган эди.³

Бироқ юқорида айтилган фикр ва мулоҳазалардан матн лингвистикаси бобида тилшунослигимизда қилинаётган тадқиқот ишлари қониқарсиз экан, деган хулоса бормаслик керак. Бугунги кунда жаҳон тилшунослигининг бу соҳада эришган ютуқлари анчагина. Бунда рус, инглиз, чех, немис, поляк тилшуносларининг самарали меҳнати ва изланишларини алоҳида таъкидламоқ даркор, зотан, улар бу йўналишда нафақат илмий мақолалар, балки йирик ҳажмдаги монографик тадқиқотларнинг вужудга келишига ҳам эришдилар. Лекин, шундай бўлишига қарамай, бунда қилиниши лозим бўлган глобал масалалар тадқиқи ҳали тилшуносларимиздан кўп куч ва ғайрат талаб қилиши шубҳасиздир.

Фойдаланилган адабиётлар

1. Кацнельсон С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. -Л., 1972. – С. 119.
2. Кривоносов А. Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // *Вопросы языкознания*, 1986, № 6. –С. 29.
3. Harweg R. *Textlinguistik*. –Yn: *Prospektiken der Linguistik*, Bd. 2. – Stuttgart, 1974.

¹ Кацнельсон С. Д. *Типология языка и речевое мышление*. -Л., 1972. – С. 119.

² Қаранг: Кривоносов А. Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // *Вопросы языкознания*, 1986, № 6. –С. 29.

³ Қаранг: Harweg R. *Textlinguistik*. –Yn: *Prospektiken der Linguistik*, Bd. 2. – Stuttgart, 1974.

О НУМЕРАЦИИ В ОДНОМ ПЕРСИДСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ

3. И. Ходжиев

Стихотворение это находится в трактате «Деление наследства с комментарием», посвященном математическим вопросам раздела наследства, микрофильмом рукописи которого мы воспользовались при нашей работе. Оригинал рукописи хранится в фонде восточных рукописей ИВ АН Республики Таджикистан (г. Душанбе) под инв. №2535, лл. 1-61б, объем всей рукописи 151 лист, размеры 19,5смх26,3см, написан в 1317 г. х. (1898 г.) в Самарканде на персидском языке. В трактате, наряду со многими математическими стихотворениями, имеется и стихотворение (л. 25а), посвященное подробному описанию и объяснению названий чисел и их разрядов. Ниже приводим это стихотворение на языке оригинала с его переводом на русский язык и соответствующим комментарием, которое даётся в виде таблицы.

Перевод:

Зи а дад джам -и хисаб-и джахан
Бувад ан че мигуйамат, ай джаван!
Аввал – **йак**, дуввум – **дах**, саввум –
сад бигуй,
Чахарум **хазар**-у зи шаш **лак** биджуй
Ке хаштум **курур** аст, дахум **ариб**,
Ду зам кун бар у, гуй у-ра **кариб**.
Чахардах-и у-ра хамидан ту **мил**,
Дихад шанздахумаш хабар хал-и **фил**.
Бидан хаждахум **рух**, бистум **бахар**,
Бувад бист-у дуввум **мухит**, ай писар!
Ке бист-у чахарум хамидан ту **шур**,
Самак бист-у шашум, бидан ин умур!
Расад бист-у хаштум, **анасир** бигуй,
Бе си аии, **афак**-ра з-у биджуй.
Гар амад си-йу ду хамидан **самак**,
Маназил си-йу чар, ай сидкпак.
Си-йу шаш, ке **бурдж**, **фалак** хашт-у си

Хиравиш бувад чихил, бидан, ай ахи!
Чихил-ра ду зам кун, бигу **арш** ин,
Чихил-у чахарум **укаб**, ай амин!
Чихил-у шаш-и у бисази хисаб,
Ке айад бурун з-ин хисабат **хиджаб**.
Агар йак фаза-йи ту ба' д аз чахар,

Шавад хане-йи панджумаш дах хазар.
Бувад та ахир-и шумарат чунан,
Йак-и дигар афза-ву дах-дах бихван.
Шавад лутф, фахмидан-и чиз кун,
Бе вакт-и ду а йад-и аджиз кун!

Все дела житейские в этом мире,
Сводятся к числам, скажу тебе, о юноша!
Сперва – **единица**, затем – **десять**, а после –
скажи **сто**,
В четвертом – **тысяча**, в шестом – ищи **ляк**.
Восьмой есть **курур**, а десятый **ариб**,
Добавь к этому два, скажи его **кариб**.
Четырнадцатого от этих познаёшь ты – **мил**,
Шестнадцатый же дает весть о **филе**
Восемнадцатый, знай – **рух**, двадцатый **бахар**,
Двадцать второй будет **мухит**, о сынок!
Двадцать четвертый знай ты **шур**
Самак двадцать шестой, знай это!
Доберешься до двадцать восьмого, скажи **анасир**
Придешь к тридцатому – ищи с него **афака**
Настал тридцать второй, знай ты – **самак**,
Маназил тридцать четвертый, о честный!
Тридцать шестой – **бурдж**, **фалак** – восемь да
тридцать,
Хиравиш будет сороковой, знай, о брат мой!
Сороку прибавь два, скажи это **арш**,
Сорок четвертый **укаб**, о верный!
Сорок шестого от этих, если хочешь узнать,
В твоих вычислениях сиять будет **хиджаб**,
...Если увеличишь на единицу четвертый
(разряд),
*Будет пятый разряд **десять тысяч**.*
До конца вычислений твоих так и будет,
Увеличивая по единице, называй десять-десять...
Да будет тебе милость Божья, и если поймешь это,
Не поминай лихом в молитвах своих этого
грешного!

В этом стихотворении речь идет о разрядах чисел от $1 = 10^0$ до 10^{46}

Ниже приведем таблицу сравнений терминов из стихотворения с современными их эквивалентами:

№ n/n	Наименование разряда из стихотворения	Обозначение в виде 10^k	Соответствующее название в современной математике
1	йак	10^0	один
2	дах	10^1	десять
3	сад	10^2	сто
4	хазар	10^3	тысяча
5	дах хазар	10^4	десять тысяч
6	лак	10^5	сто тысяч
7	дах лак	10^6	миллион
8	курур	10^7	десять миллионов
9	дах курур	10^8	сто миллионов
10	ариб	10^9	миллиард
11	дах ариб	10^{10}	десять миллиардов
12	кариб	10^{11}	сто миллиардов
13	дах кариб	10^{12}	триллион
14	мил	10^{13}	десять триллионов
15	дах мил	10^{14}	сто триллионов
16	фил	10^{15}	квадрильон
17	дах фил	10^{16}	десять квадрильонов
18	рух	10^{17}	сто квадрильонов
19	дах рух	10^{18}	квинтильон
20	бахр	10^{19}	десять квинтильонов
21	дах бахр	10^{20}	сто квинтильонов
22	мухит	10^{21}	секстильон
23	дах мухит	10^{22}	десять секстильонов
24	шур	10^{23}	сто секстильонов
25	дах шур	10^{24}	септильон
26	самак	10^{25}	десять септильонов
27	дах самак	10^{26}	сто септильонов
28	анасир	10^{27}	октильон
29	дах анасир	10^{28}	десять октильонов
30	афак	10^{29}	сто октильонов
31	дах афак	10^{30}	нонильон
32	самак	10^{31}	десять нонильонов
33	дах самак	10^{32}	сто нонильонов
34	маназил	10^{33}	децильон
35	дах маназил	10^{34}	десять децильонов
36	бурдж	10^{35}	сто децильонов
37	дах бурдж	10^{36}	додeciльон
38	фалак	10^{37}	десять додецильонов
39	дах фалак	10^{38}	сто додецильонов
40	хиравиш	10^{39}	
41	дах хиравиш	10^{40}	
42	арш	10^{41}	
43	дах арш	10^{42}	
44	укаб	10^{43}	
45	дах укаб	10^{44}	
46	хиджаб	10^{45}	
47	дах хиджаб	10^{46}	

Следует отметить, что в современной математике разрядам чисел, следующим после класса додецильонов, не приданы особые названия, естественно, в силу отсутствия серьёзной необходимости в этом. Большие числа в основном изображаются и используются в том виде, в каком мы их привели в третьем столбце вышеприведённой таблицы. Если взять в общем случае, то это изображение имеет вид $n \cdot 10^k$, например, $9\ 000\ 000\ 000\ 000 = 9 \cdot 10^{12}$ и др.

АЛГЕБРАИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ МУХАММАДА НАДЖМ АД-ДИН-ХАНА

И. Ходжиев

Мухаммад Наджм ад-Дин-хан, по прозвищу «Глава судей», поэт и математик XVI-XVII вв., один из талантливых учеников известного учёного энциклопедиста того времени Баха ад-Дина Амули (1547-1622).

Он в совершенстве знал знаменитые «Начала» Евклида, «Сущность арифметики» Баха ад-Дина Амули, математические труды Мухаммада ал-Харезми и другие сочинения своих великих предшественников.

Рукопись трактата Наджм ад-Дин-хана «Рисале дар джабр-у мукабале» («Трактат о действиях восстановления и противопоставления», иначе «Трактат по алгебре») хранится в фонде восточных рукописей ИВ АН Республики Таджикистан под инв. №4449/10 (лл. 4196-4266, на персидском языке, на страницах по 17 строк). Другой экземпляр этого трактата хранится в Лейденской библиотеке под инв. № Cod. or. 552.

В нём изложены математические вопросы шести алгебраических уравнений с объяснением их на конкретных задачах. Изложение ведется преимущественно в стихотворениях. Дата переписки 1299 г. х. (1881 г.), переписчик Дамулла Рузи. Трактат полностью исследован и опубликован на автором этих строк.

В этом трактате впервые средневековая алгебраическая наука нашла свое полное отражение в персоязычной поэзии.

Следует отметить, что рассмотренные здесь алгебраические уравнения были исследованы и классифицированы ещё Мухаммадом ал-Харезми – великим математиком, основоположником науки об алгебре уравнений на средневековом Востоке – в его «Краткой книге о науке по исчислению алгебры и ал-мукабалы». Свой большой вклад в это дело внесли и последующие средневековые восточные математики, в особенности гениальный математик Умар Хайям. Отличительной особенностью их работ является то, что постановка и решение задач в них осуществляется алгебраическим (чисто словесно) и геометрическим (словесно и геометрическими чертежами) способами. В алгебре Мухаммада Наджм ад-Дин-хана вопросы этой науки изложены и решены поэтически и только лишь конкретные задачи, демонстрирующие основные теоретические положения трактата, приведены в прозе; геометрический способ в рассматриваемом трактате Мухаммада Наджм ад-Дин-хана отсутствует.

В нём, наряду с определениями других математических терминов, приведены определения двух основных алгебраических операций: восстановления (джабр) и противопоставления (мукабале).

Мухаммад Наджм ад-Дин-хан в своем трактате доказал очень важную теорему, известную в современной математике как «Теорема Виета».

Трактат Мухаммада Наджм ад-Дин-хана является одним из тех малочисленных математических трактатов, где изложен способ извлечения кубических корней из целых чисел, который, как верно подчеркивает сам автор, является одной из трудных задач вычислительной арифметики.

Поэзия и проза в алгебраическом трактате Мухаммада Наджм ад-Дин-хана гармонично дополняют друг друга. Это оживляет приём математической информации и помогает читателю составить полное представление о том или ином конкретном алгебраическом вопросе или задаче, рассматриваемом в трактате, глубже его понять.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ РОДА В КАРАКАЛПАКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (на основе биологического подхода)

М. А. Абдуллаев (ККГУ)

При сравнительно-сопоставительном изучении грамматической категории рода в каракалпакском и английском языках, представляется целесообразным подходить к этому языковому материалу со стороны плана содержания, принимая за исходное некоторое понятие или на понятийную категорию. Такой подход особенно характерен при сравнении языковых систем не родственных языков, какими являются каракалпакский и английский. По мнению большинства лингвистов подобный подход имеет существенные преимущества как для теоретической лингвистики, так и для практики.

В данной статье поставлена задача изучить особенности выражения грамматической категории рода каракалпакского и английского языков и определить семантические и другие признаки которые лежат на основу определения грамматической категории рода в сопоставляемых языкам.

Как нам известно, что в языках, а в частности, в каракалпакском языке, отсутствует грамматическая категория рода. Подобную критику можно наблюдать в и английском языке. По отношению к этим языкам можно говорить лишь об известной семантической классификации слов, основанной на делении обозначаемых этими словами предметов подразделением одушевленных соответственно полу. На этом базисе проводится вторичная классификация, основанная на культурно-исторической традиции.

Действительно без учета анализа семантической классификации слов и словоформ в частности, отделение в них лексического признака от грамматического, будет идеалистическим, а без учета внутриязыковых соотношений такой анализ будет нелингвистическим, что в конце концов также приведет к идеализму, по сколько мышления по рассуждению А. И. Смирницкого, окажется оторванным от его языковой «природной материи» (А. И. Смирницкий, 1959, с. 142). Учитывая оба указанных положений, внутриязыковые соотношения и отношения между языковыми единицами и фактами действительности следует также иметь в виду, что оба эти положения находятся в известной внутренней связи друг с другом. По этому семантическая характеристика той или другой языковой единицы с точки зрения и соотношения с другими единицами языка может расходиться с тем, как она семантически определяется ее отношением к действительности.

Именно взгляд к реальной действительности означает, что распределение слов, аналогичное распределению по родам, основано в сопоставляемых языках не на грамматических, а на реально-семантических признаках.

Рассмотрим этот случай, на основе анализа примеров, заимствованных из научных текстов. Например. Н. А. Баскаков в своей монографии «Каракалпакский язык» приводит список имен собственных как мужского, так и женского рода. При классификации имен собственных по полу учитывается, в первую очередь их семантический признак, а во-вторых культурно- исторической традиции каракалпакского народа. К именам собственным мужского рода относятся:

Абаз, Абджак, Аvez, Алла Берген, Атамурат, Атшабар, Амет, Балтабай, Бекберген,

Давлет, Досберген, Джюсют, Еримбет, Исмет, Манбет, Мусай, Омар, Оспан, Сабур, Серзан, Тилек, Турсун, Турумбет, Хьалмурат, Шератай, Юсюп; а к именам собственным женского рода относятся:

Айнагюл, Арзигюл, Датегюл, Кюласал, Мысхьал-пери, Балсылув, Гюлсанам, Таджигюл, Тазагюл, Ырысгюл и многие другие.

Отнесение вышеперечисленных имен собственных к мужскому, или же к женскому роду закрепляется не только семантическим признакам или же культурно-исторической традицией, но и более существенными факторами. К таким факторам принадлежит так называемые дифференцирующий форманты которые употребляются в составе имен собствонных женского рада,. Дифференцирующие формантами являются здесь такие компоненты, как «гюл», «äal», «пери» «сылув.» Благодаря этим и другим формантам, имена собственные женского рода резко размечаются от имен собственных мужского рода.

Значение подобных формантов имен собственных женского рода в каракалпакском языке, почти полностью совпадает с значением таких имен существительных в современном английском языке, которые, как правило, соотносятся с местоимениями третьего лица единственного числа: -he, -she, -it. Выбор же местоимение, с которым может быть соотнесено то или иное существительное, определяется семантикой последнего: слава обозначающие неодушевленные предметы, соотносятся с местоимением – it,

То есть принадлежат среднему роду, а слова, обозначающие живые существа, соотносятся, в зависимости от пола (подчеркнуто мною – М. А. Абдуллаев), с местоимениями – he, и – she, и принадлежат, соответственно к мужскому или же к женскому роду. Однако закрепление местоимений – he, -she, -it за каким либо существительным невозможно потому что закрепление это основано на каких-либо языковых фактах, а на культурно-исторической традиции. Это еще раз подтверждает мысль о том, что выражение грамматической категории в сопоставляемых языках, относится не к грамматике а к лексике. Иначе говоря, грамматический род имен существительных в каракалпакском и английском языках окажется не грамматическими признаками, а лексическими признаками. Это положение можно интерпретировать с помощью слов «actor» и «actress». Слова «actor» и «actress» были зарисованы нами из работы А. И. Смирницкого (А. И. Смирницкий, 1959, с. 147). Слово actor мужского рода, а actress -женского рода, по этому все это соответствует реальным фактам. Слово actress по сравнению со словам actor обозначает реальное существо, а именно существо женского пола, и соотношение слов actor и actress является по существу таким же, как соотношение слов father – ата, и mother – ене.

Все изложенное свидетельствует о том, что сравнительно-сопоставительное изучение грамматического рода представляет определенный интерес как для каракалпакского, так и для английского языков. Дальнейшее сопоставительное изучение грамматического рода в рамках большого количества практического материала, заимствованного из художественных текстов, безусловно способствует выявлению и других признаков определение с помощью которых грамматический род.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. I. Материалы по диалектологии. М., 1951. – 409 с.
2. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959. – 490 с.
3. Турсунов Б. Т., Облакулова С. Х. Библиографический указатель сложного синтаксического целого, присоединение, парцеллирования. – Самарканд Сам. ГУ, 1982. – 76 с.
4. Турсунов Б. Т., Облокулова С. Х. Вопросы присоединения, парцеллирования и сложного синтаксического целого. – Самарканд: СамГУ. 1987. -44 с.

ТУЛДИРУВЧИ АЖРАТАЙЛГАН БУЛУКЛАРНИНГ СТИЛИСТИК ФУНКЦИЯСИ

О. Мамбетниёзова (КафКДУ)

Хозирги замон немис адабий тилида ажратилган гап булаклари узларига хос хусусятлари билан оддий гап булакларидан фаркланади. Бу хусусятлар маънони буртириб, ажратиб ифодалашда бирор булакни изохлаш ажратилган оханг билан талаффуз этилишда куринади. Бундан ташкари ажратилган гап булаклари икки томонлама маъно муносабатига киришади. Авволо улар гап таркибидаги маълум булакни изохлайди, кейинчалик эса гапнинг куесми оркали бутун гап маъзмуни билан маъно муносабатига киришади. Натижада ажратилган булакларда икки хил маъно муносабати пайдо булиб, улардан бири асосий булиб, иккинчиси эса кушимча мазмундир. Кушимча маъно ажратилган булаклар томонидан маълум булакка ёки бутун гапнинг мазмунига нисбатан билдирилпди. Ажратилган булакларнинг бундай кушимча маъно хусусятлар турли хил комуникатив функцияни бажаради: конкретлаштириш, тулдириш, изоҳдаш бойитиш. Ажратилган булакларга хос булган хусусятлардан яна бири, унда придикативлик мазмунининг булиш, аникроги ярим придикативликнинг намоён булиши.

Энди тулдирувчили ажратилган булакларга хос булган бундай хусусятлар ёрдамида улар томонидан гап терминлари турли хил стилистик функцияларни бажариб келишини кузатамиз.

Тулдирувчи ажратилган булакларга хос булган стилистик функциялар куйдаги аспектларда уз ифодасини тула топиши мумкин: сода гапнинг структурасининг мураккаблашувида; маълум булакларга нисбатан турли позицияларда туришида; маълум булакларга нисбатан эркинрок холатларда булишида, улар ёрдамида тасвирланаётган воқеа-ходисаларнинг эмационлигини ва эксирессвлигини оширишда; икки хил маъно муносабатларида булишингизда ва бошқа холатларда. Тулдирувчили ажратилган булакларга хос булган бундай стилистик функцияларини куйдаги мисоллар комунасида изоҳлаб беришга утамыз.

М.: 1. Mädchen und den Knaben Meinhard (L. Fenchtwanget. Margarefe Maulfasch, S 151).

Ушбу мисол таркибида ажратилган гап булагига функциясида- *zwei Mädchen und den Knaben Meinhard*- воситасиз тулдирувчи ифодаланиб келмокда. Тулдирувчили ажратилган булак, шу гапнинг структурасини мураккаблаштириш билан бирга, ундаги мазмунни аниқлаб, конкретлаштириб келмокда, бунга сабаб шуки у логик уругга эга, алоҳида оханг билан талаффуз килинади. Тулдирувчили ажратилган булак маълум булакни, аникроги –*drei Kinder*- компонентини конкретлаштириб келади, яъни унинг учта фарқи борлиги, улардан иккита киз ва бири угил. Жумладан- Кнавен компоненти олдида- аниқ артикл- *den* нинг келиши, бу *Meinhard* – билан боглик, агарда-*Meinhard*- бу ерда келмаганда эди, у холда- *einen Knaben*-кулланилган булур эди. Унинг олдида- *den*- аниқ артиклнинг келиши, ажратилган булакнинг стилистик функцияси жуда хам муҳимлиги алоҳида таъкидланади. Бунга сабаб- ёзувчи томонидан тасвирланаётган воқеа-ходисага тингловчининг, яъни китобхоннинг диққат эътиборини алоҳида тортиш,

яъни унинг таъсирчанлигини ошириш. Ноаник арткил урнига аниқ артиклини кесиши билан тасвирланаётган вакеанинг ута муҳимлиги курсатилади.

Ажратилган булақлар ҳар қандай ҳолатларда ҳам маълум булаққа нисбатан эркинрок, гап таркибидан олиб ташланса ҳам, гап узининг грамматик тугаллигини ифодалаб келаверади, факатгина фикрдан тугаллик йуқолади. Демак ажратилган булақларнинг яна бир муҳим стилистик функцияси яъни чапга мазмунан туликлигини беришдир.

Бази ҳолларда ажратилган булақлар функциясида уюшган гап булақлари ҳам келиши мумкин. Ушбу ҳолатни куйдаги мисол намунасида кузатиш унча кийинчилик тугрдирмайди.

М.:2. Käthes Vater, Yandgerichtsrat Severin, hat ihn, Paul, seinen Stifshn, den Kalbjuden, nicht aussehen können (L. Feuchtwanger. Die Bnuder Yauteusack, S- 93- 94).

№ 2-ракамли мисолида ажратилган булақ суперстилистик функция бажариб келаябди, яъни унинг таркибида бир неча стилистик ходиса шақилланмоқда: жумладан- ihn-нинг эквивалентлари сифатида- Paul, seinen Stiefsohn, den Hulbjuden- каби компонентларнинг кулланиши- бу Э Ризел таъбрига «Nachtrfgskonstruktion» (E. Riesel, 1954, S. 287) нинг узгинасидир. Демак олмошнинг от билан алмашиниши бу муҳим стилистик ходисадир. Бу ерда маълум компонент хисобланмиш- ihn-га нисбатан паралел равишда урта компонент ажратилган булақ функциясида келмоқда. Улар бир-бирларини конкретлаштиради, изохлайди, тулдиради, яъни-ihn- Paul оркали, Paul-эса -sein Stifsohn оркали, sein Stiefsohn –эса- den Halbjunden оркали конкретлаштирамоқда. Ажратилган булақларнинг бундай тартибда паралел ёки кетма- кет келиши, уларнинг ниҳоятда муҳим стилистик ходиса сифатида таҳлил қилишга асос булмоқда.

Ҳақиқатан ҳам ажратилган гап булақлари аниқроғи тулдирувчили ажратилган гап булақлари содда гаплар тартибида муҳим стилистик фигуралар сифатида шақилланиб келади. Уларга хос булган бундай хусуятларни урганиш мураккаб гап синтаксиси тугрисида, ёки Е. В. Туличахамде томонидан киритилган «терминалогик» тушунчалар тугрисида аниқроғ маълумотга эга буламиз деган умиддамиз.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Riesel E. *Abris der deutschen Stilistik*. М., 1954. – 402 S.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ В НЕКОТОРЫХ СОЧЕТАНИЯХ

Р. Н. Хасанова

В речи, преимущественно разговорной, а также литературно –художественной, простые (сравнительно простые) по семантике глаголы могут использоваться в окружениях, присущих соответствующим специальным глаголам: 1) префиксальным, связанным с первыми по линии словообразования (сеять поле, сеять – засевать: толкать с обрыва, толкать – сталкивать), либо 2) бес префиксным, возникшим в процессе чисто семантической деривации (брать товар, брать -покупать).

Значимая единица, употребляемая в условиях, типичных для другой единицы, приобретает ее семантические свойства. Этот известный тезис, а также то, что сочетания, представляющие данный тип употребления глаголов, обозначают те же специфические ситуации, что и соответствующие специальные сочетания. Выясняется, что сдвиги в значениях глаголов имеют место лишь в некоторой части сочетаний, где они занимают позиции своих префиксальных коррелятов (сеять поле, а также, например, бить (вместо забивать) колышки, бить (пробивать) дыру и др. Что же касается остальных сочетаний типа 1) толкать с обрыва и др. и всех сочетаний типа 2) брать товар и др., то здесь действуют факторы, обуславливающие сохранение у глаголов значений, в которых они выступают в своих обычных сочетаниях (ср.: толкать вперед (к обрыву); брать камень (монету)).

Факты сохранения глаголами своих обычных значений могут устанавливаться экспериментально. Для нужд эксперимента возможно построение такого типа фраз: «Когда охота бывала особенно удачной, мы брали у них мясо по дешевизне, а то и вовсе задаром». Второй из выделенных компонентов допустим лишь при глаголе брать. Очевидно поэтому, что если бы данный глагол в сочетании с компонентом по дешевизне распространителем глагола покупать – переосмысливался по типу этого последнего, параллельное присоединение к нему указанного второго компонента вряд ли бы осуществилось (1). Возможность (или, наоборот, невозможность) такого параллельного присоединения в принципе позволяет выявить всю совокупность незначимых для глаголов сочетаний. Однако подобный прием (в различных его выражениях) вскрывает явление лишь с внешних сторон. Глаголы, несмотря на один и тот же во всех случаях статус распространителей, в основной их части не утрачивают простоту значений.

Согласно изложенной в некоторых работах трактовке сочетаний типа 1) толкать с обрыва и под. и типа 2) брать товар и под. (2), они являются вариантами утвержденных в норме речи специальных сочетаний (сталкивать с обрыва, покупать товар), явно избыточных в силу семантической согласованности компонентов по семам конкретного характера и потому не вполне удобных в речевом обиходе. Полученные из вторых путем замены специального глагола соотносительным с ним более простым, они не только утрачивают избыточность, но и сохраняют описательную эквивалентность. Причем последняя обуславливается фактором в виде присущих соответствующим ситуациям устойчивых предметных отношений (3).

Как видно из такой трактовки, смысловой модификации глаголов не происходит потому, что их содержательная ущербность по отношению к ситуациям компенсируется за счет проявления указанных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Более подробно см. об этом Горбенко В. Н. Явление семантической экономии в сочетаемости глаголов // Русский язык в национальной школе, 1986, №12.
2. Горбенко В. Н. Некоторые необычные способы речевого использования беспрефиксных глагольных форм – членов словообразовательных гнезд глаголов пространственного перемещения // Актуальные проблемы русского словообразования [Ташкент, 1985.
3. Речь идет об отношениях, при которых специфические черты ситуации, выделенной посредством специального глагола, связаны с природой объекта или обстоятельства. Сущность этих отношений, как и их способность обеспечивать одинаковую референтную соотнесенность вариантов сочетаний, впервые вскрыта В. Г. Гаком (См. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики – 1971 // М.:Наука, 1972, с. . 378 и след.)

MURAKKABLASHGAN QO‘SHMA GAPLAR

I. Ilyosov

Murakkablashgan qo‘shma gaplar to‘g‘risida fikr yuritganimizda uchta sintaksisning o‘zaro bog‘liqlik munosabatlari namayon bo‘ladi, ya‘ni bular: sodda gap sintaksisi, qo‘shma gap sintaksisi va murakkab gap sintaksisi. Murakkab gap sintaksisi, bizga ma‘lum bo‘lgan nemis tili grammatik darsliklarida alohida mustaqil bob yoki qism sifatida ajratilmagan va maxsus o‘rganilmagan. Biroq murakkab gap sintaksisining ba‘zi bir elementlari to‘g‘risida fikr yuritilgan xolos. Jumladan misol tariqasida V. G. Admoning, «Введение в синтаксис современного немецкого языка» nomli monografik asarni keltirish mumkin. Muallif o‘zining ushbu asarining 82-93- saxifalarida murakkab gap sintaksisining predmetlaridan biri bo‘lmish ajratilgan gap bo‘laklari to‘g‘risida quydagicha mulohaza yuritadi: «Kesimning tuslanadigan, ya‘ni o‘zgaradigan qismidan tashqari barcha gap bo‘laklari gapning ajratilgan bo‘laklari funksiyasida kelaolishlari mumkin. Biroq bosh bo‘laklar ikkinchi darajali bo‘laklarga nisbatan kamroq darajada ajratilishi mumkin» (V. G. Admoni, 1955, s82-83). Demak gapning ajratilgan bo‘laklari o‘z tabiatlariga ko‘ra sodda yoki qo‘shma gaplar tarkibida kelib, ularning strukturaviy tuzilishini murakkablashtiradi. Ularni strukturaviy tuzilishini murakkablashtirishda ishtirok etuvchi ajratilgan gap bo‘laklari grammatik jihatdan turli shakllarda ifodalanib keladi. Boshqacharoq qilib aytganda, ajratilgan gap bo‘laklari funksiyada bosh bo‘laklar va ikkinchi darajali bo‘laklar kelishi mumkin.

Endi qo‘shma gaplarning, aniqrog‘i, ergashgan qo‘shma gaplarning strukturaviy tuzilishini murakkablashtiruvchi ajratilgan gap bo‘laklari to‘g‘risida fikr yuritamiz. Fikrimizni bu yerda keltirilgan ushbu misollar tahlili bilan boshlaymiz:

M.:1 **Es ist ein ganzes Haus, in dem sie leben, diese zum Tode Verurteilten, Dutzende, vielleicht Hunderte, Zelle an Zelle** (Hans Fallada, S. 482).

Agarda biz berilgan misol tarkibidan ergashgan qo‘shma gapni ajratib olsak u holda, u quydagicha strukturaviy shakilga ega bo‘ladi: **es ist ein ganzes Haus, in dem sie leben**-bu aniqlovchi ergash gapdir. Biroq bizni qiziqtiradigan narsa bu yerda ana shu aniqlovchi ergash gapning biror-bir qismini murakkablashtirishda ishtirok etuvchi leksik grammatik vositalardir. Demak ushbu qo‘shma gapning ergash gapi o‘z grammatik sub‘ektiga ega bo‘lsa ham, biroq bu sub‘ekt qandaydir holatda noma‘lum bo‘lib qolganday. Gap bu yerda qamoq honada yashovchilar to‘g‘risida bormoqda, bu hashamatli binoda kimlar yashayotgan ekanligini aniqlash maqsadida yozuvchi uslubiy vositalarga murojat qiladi: Kitobxonning diqqat e‘tiborini ana shu -**sie-** komponentiga ya‘ni **ularni** aniqlashga harakat qiladi. Ana shu harakat tufayli ega shaklidagi ajratilgan gap bo‘lagi yuzaga keladi. Ega shaklida ifodalanib kelgan ajratilgan bo‘lak oddiygina shakillanib qolmasdan, balki boshqa leksik-grammatik vositalar yordamida kengaytiriladi. Ega shakldagi ajratilgan bo‘lak bo‘lmish **diese Verurteilten** –komponenti kengaytirilgan aniqlovchi shaklida ifodalangan bo‘lib, u bir tomondan ergash gap tarkibidagi **sie-** ning mazmunini konkretlashtirsa, ikkinchi tomondan esa u butun shu ergashgan qo‘shma gapning mazmunini to‘ldirib keladi. Natijada kitobxon tasvirlanayotgan voqea-hodisalar to‘g‘risida to‘laroq ma‘lumotga ega boladi. Demak qo‘shma gap tarkibida ajratiladigan gap bo‘lagi funksiyasida keluvchi bunday komponentlar bir vaqtning o‘zida ham sintaktik, ham semantik, ham stilistik va ham kommunikativ vazifani bajaradi.

Endi ajratiladigan gap bo‘lagining sintaktik xususiyatiga to‘xtaylik: ergash gap tarkibida sub‘ekt funksiyasida keluvchi **sie-** ni konkretlashtirish maqsadida –**diese Verurteilten-** komponenti unga nisbatdan ajratilgan bo‘lak funksiyasida keladi. Biroq uning o‘zi ham uyushiq gap

bo'laklari, yuklamalar, ko'makchili birikmalar yordamida kengaytiriladi, natijada tahlil ostiga olingan aniqlovchi ergash gapning strukturaviy tuzilishi ikki tomonlama murakkablashtiriladi: birinchidan ajratilgan gap bo'lagi funktsiyasida keluvchi – **diese Verurteilen** komponenti orqali, ikkinchidan esa ana shu ajratilgan bo'lakni kengaytirishda ishtirok etuvchi **-Dutzende, Hunderte** kabi uyushiq bo'laklar, **vielleicht** kabi modal yuklamasi va **Zelle an Zelle** kabi ko'makchili so'z birikmalari yordamida. O'z-o'zidan ma'lumki, bunday strukturaviy kengayish ularning mazmuniy kengayishiga ham olib keladi. Natijada ajratilgan gap bo'lagi tomomidan ma'lum komponent hisoblanmish **-sie** ga nisbatan bildirilayotgan qo'shimcha ma'no ham kengayadi. Bu esa ular o'rtasida mavjud bo'lgan kommunikativ funktsiyani ham kengaytiradi.

Ergashgan qo'shma gapning strukturasi murakkablashtirishda ishtirok etuvchi ajratilgan gap bo'laklari o'zlarining grammatik ifadalanishiga ko'ra turli shakllarga ega bo'lishi ham mumkin. Ushbu holatni quyidagi misol tarkibida kuzatish mumkin:

M.: **2. Auch ist er, wie die meisten Anwesenden, fest davon überzeugt, daß sie lügt, daß es vielleicht nur zwei oder drei Liebhaber waren, womöglich sogar keiner** (H. Fellada, S. 466).

Ushbu ergashgan qo'shma gapning tarkibidan, transformatsion metod yordamida ajratilgan gap bo'laklari funktsiyasida keluvchi- **wie die meisten Anwesenden, – womöglich sogar keiner** kabi komponentlarni ajratib olsak, u holda yuqorida namoyish etilgan ergashgan qo'shma gap quyidagicha variantga ega bo'ladi: **Auch ist er fest davon überzeugt, daß sie lügt, das es vielleicht nur zwei oder drei Liebhaber waren.** Ushbu struktura orqali biz sof uch komponentli to'ldiruvchili ergashgan qo'shma gapga ega bo'lamiz. Demak bunday holatlarda namoish etilgan gaplarni to'laqonlik bilan ergashgan qo'shma gaplar sifatida tahlil qilsa bo'ladi. Biroq, biz faqat sof ergashgan qo'shma gaplar to'g'risida fikr yuritib, ularni murakkablashtiruvchi leksik-grammatik vositalarni tahlil darajasidan chetga chiqarib yuborsak, u holda nemis tilining sintaksisi, stilistikasi, semantikasi, hatto grammatikasidan ancha uzoqlashgan bo'lamiz, ulardan behabar qolamiz nemis tilida ham murakkab gap sintaksisi mavjudligini esdan chiqaramiz. Shuni alohida ta'kidlash lozimki, murakkab gap sintaksisi biz o'ylagandek faqat ergashgan qo'shma gaplarnigina emas, balki bog'langan qo'shma gaplarni ham, shuningdek eng avvalo sodda gaplarni ham qamrab oladi. Oddiy so'z bilan aytganda, murakkab gap sintaksisi sodda gap sintaksisi bilan qo'shma gap sintaksisi oralig'ida «ko'priq» xizmatini o'taydi. Uni tahlil qilish yangi-yangi tadqiqot mavzularini keltirib chiqarishga asosiy omil bo'ladi degan umiddamiz.

ADABIYOTLAR

1. *Abdurahmonov G'. Murakkab gap sintaksisi. O'zbek tili grammatikasi. Toshkent: «O'qtuvchi» 1996. 41-122 betlar.*
2. *Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. –М. 1955. –391 с.*
3. *Турсунов Б. Т. Обособление и присоединение. – Журнал: «Илmiy tadqiqotlar axborotnomasi». -Samarqand: SamDU, 2004, N-2 son, 57-59 betlar.*

HOLLI AJRATILGAN GAP BO‘LAKLARI

U. I. Ilyosov

Matn ustida olib borgan kuzatuvlarimiz shuni ko‘rsatdiki, holli ajratilgan gap bo‘laklari ham, xuddi bosh bo‘lakli, aniqlovchili va to‘ldiruvchili ajratilgan gap bo‘laklari singari ko‘p yoyilgan bo‘lib, o‘zlariga xos xususiyatlarga ega. Holli ajratiladigan gap bo‘laklari o‘ziga xos xususiyatlari bilan oddiy gap bo‘laklaridan qisman farqlanadi. Ularning

oddiy gap bo‘laklaridan farqi shundaki, ular sodda gaplar tarkibida ma‘lum bo‘lak sifatida emas, balki yangicha sifatga ega bo‘lgan ajratilgan gap bo‘lagi sifatida ifodalanadi. Holli ajratilgan bo‘lakka xos bo‘lgan yangicha xususiyatlar bu ma‘noni bo‘rttirib, ajratib ifodalashda; biron bir gap bo‘lagini izohlashda, shuningdek ajratilgan ohang bilan talaffuz etilishida ko‘rinadi. Shu bilan bir qatorda ajratilgan holli gap bo‘laklari o‘zi ishtirok etib kelgan gaplar tarkibida ikki tomonlama ma‘no munosabitiga kirishadi. Avvalo holli ajratilgan gap bo‘laklar ma‘lum bo‘lakni aniqlaydi, konkretlashtiradi, izohlaydi. Keyinchalik esa, holli ajratilgan bo‘lak gapning kesim orqali butun gap mazmuni bilan o‘zaro sintaktik munosabatga kirishadi.

Endi ana shu holli ajratilgan bo‘laklarga xos bo‘lgan bunday va boshqa xususiyatlarni konkret misollar namunasida izohlashga o‘taylik. Yuqorida t‘kidlaganimizdek holli ajratilgan bo‘laklar badiiy matnlar doirasida keng yoyilgan bo‘lishi bilan bir qatorda, turli xil struktural shakllarga ham ega bo‘lib, xilma-xil sintaktik, semantik, stilistik, va kommunikativ funktsiyalarni bajarib keladi. Ularga xos bo‘lgan bunday xususiyatlarni quydagi misollar tahlilida izohlab berishga harakat qilamiz:

Ravish holi- ajratilgan gap bo‘lagi funktsiyasida:

M.: 1. Ilse setzt sich auf ihren Platz, **rot und verlegen** (J. Harder. Die Frau vom Ziegelhof, S. 322).

M.:2. Gestern habe ich zufällig Frau Klose getroffen-**ganz in Schwarz** (K. Grünberg. Cloria Victoria, S. 89).

№ 1-,2-. raqami misollarda ko‘rsatilganidek holli ajratilgan bo‘laklar o‘zlarining struktural shakllanishiga, o‘ziga xos semantik funktsiyasiga ega. Ularga xos bo‘lgan semantik funktsiya shundan iboratki, ajratish orqali ma‘lum bo‘laklarning ma‘nosi alohida bo‘rttirib ko‘rsatiladi. Bunday mantiqiy ajratish intonasiyada ham o‘z ifodasini topadi, ya‘ni ma‘lum bo‘laklardan farq qiluvchi ohangda talaffuz etiladi. Ajratilgan bo‘laklar hisoblanish-**rot und verlegen**, va- **ganz in Schwarz**-o‘zlarining qo‘shimcha ma‘nosiga ega, ya‘ni ular o‘zlariga xos bo‘lgan qo‘shimcha ma‘nolari yordamida ma‘lum bo‘lakning yoki butun gap mazmunini konkretlashtirish, to‘ldirish, izohlash, rivojlantirish va boyitish uchun hizmat qiladi. Jumladan № 1-raqamli misolda ajratilgan gap bo‘lagi funktsiyasida keluvchi- **rot und verlegen** so‘z birikmasi orqali **Ilzaning o‘z joyiga qizarib hayron bo‘lib** o‘tirganini ko‘rsak, № 2-raqamli misoldagi- **ganz in Schwarz** ajratilgan holli birikma yordamida Klozehonimning motam holatida ekanligini ko‘rish mumkin. Demak yozuvchi, kitobhonaga tasvirlanayotgan voqiyani aniq etkazish va uning tasvirlanayotgan voqeyaga diqqat e‘tiborini tortish maqsadida turli xil stilistik figuralarga murojat qiladi. Holli ajratilgan bo‘laklar ham matn tarkibida doimo ana shunday stilistik figuralardan biri sifatida ifodalanib keladi.

Holli ajratilgan bo‘laklar o‘zlariga xos sintaktik funktsiyalarni ham bajaradi: birinchidan holli ajratilgan bo‘laklar sodda gap strukturasini murakkablashtiradi; ikkinchidan esa ajratilgan

holli gap bo'laklari bilan ma'lum gap bo'laklari o'rtasida ikki tomonlama sintaktik aloqa o'rnatiladi: kesimning umuiyligi va butun gapning mazmuni bilan. Holli ajratilgan bo'laklar ham, xuddi boshqa shunday ajratilgan bo'laklar kabi o'zining mustaqil mantiqiy urg'usi ega, ular gap bo'laklaridan maxsus to'xtam bilan ajralib turadi. Ajratilgan bo'laklardan oldin yoki keyin vergul yoki tire qo'yiladi (ba'zi xollarda ikki nuqta ham qo'yilishi mumkin). Ajratilgan gap bo'laklaridan oldin, keyin yoki ikki tomonlama vergul yoki boshqa tinish belgilarining qo'yilishi, ajratilgan bo'laklarning ma'lum bo'laklarga nisbatan tutgan pozitsiyalari bilan belgilanadi. Uning shunday ekanligini quydagi misollar tahlili yordamida izohlab beramiz.

2. Payt holi- ajratilgan gap bo'lagi funktsiyasida:

M.: 3. Kufalt, **erst zwei Wochen im Städtchen**, wußte alles über diese Differenzen (H. Fallada. S. 327).

M.: 4. Fünf Tage später, **an einem regenkalten Abend**, steht er wieder gestieft und gespornt auf dem Bahnhof Friedrichstrasse (K. Grünberg. Gloria Victoria, S. 171).

Masalan, agarda biz №3, 4-raqamli misollarda keltirilgan sodda gaplar tarkibidan ularga yot bo'lgan unsurlarni, ya'ni aniqrogi holli ajratilgan gap bo'laklarini transformation metoddan foydalanib ajratib olsak, u holda yuqoridagi misollarda namoyish etilgan sodda gaplar quyidagicha ko'rinishga ega bo'ladi:

a). Fünf Tage später steht er wieder gestieft und gespornt auf dem Bahnhof Friedrichstrasse.

b) Kufalt wusste alles über diese Diferenzen.

Demak, sodda yoyiq gaplar holli ajratilgan gap bo'laklaridan ozod qilingandan keyin ham, ular grammatik jihatdan mustaqil gap bo'lib qolaveradi. Biroq grammatik jihatdan mustaqil bo'lgan gaplar fikran mustaqil bo'lmasligi mumkin. Ana shu fikran mustaqillikni ta'minlash maqsadida qo'shimcha ravishda ko'p hollarda leksik-grammatik vositalar kiritiladi. Qo'shimcha ravishda kiritiladigan leksik-grammatik vositalar bir tomondan ma'lum komponentga nisbatan grammatik parallellikni ifodalab kelsa, ikkinchi tomondan esa sinonimlik harakteriga ega bo'ladi. Bunday sinonimlar ko'pincha sintaktik tabiatlidir. Ushbu Grammatik parallelik va sintaktik sinonimlikni № 4 raqamli misolda namoyish etilgan holli ajratilgan bo'lak yordamida izohlashga o'tamiz. Jumladan № 4 raqamli misoldagi **-fünf Tage spatter-** ma'lum komponentga nisbatan, **-an einem regenkalten Abend-** shaklidagi holli ajratilgan bo'lak qo'llaniladi. Ushbu holli ajratilgan bo'lak ma'no tomonidan ma'lum bo'lakka nisbatan sinonim hisoblanadi, chunki ikkala komponent yordamida vaqt, ya'ni payt ma'nosi ifodalanadi. Agarda ma'lum komponent tomonidan bildirilayotgan payt ma'nosi umumiy xususiyatga ega bo'lsa, holli ajratilgan gap bo'lagi tomonidan ifodalanib kelayotgan ma'no esa konkret harakterga ega bo'ladi, ya'ni **«sovuq yomg'irli kechalardan birida.»**

Umuman olganda, soda gaplar tarkibida uning strukturasi murakkablashtirishda ishtirok etuvchi holli ajratilgan gap bo'laklari o'z tabiatiga ko'ra ko'p qirrali sintaktik, stilistik, semantik va kommunikativ funktsiyalarni bajarib keladi. Holli ajratilgan gap bo'lagilariga xos bo'lgan sintaktik funktsiyalari to'risida gap borganida, ularning ma'lum bo'laklari bilan sintaktik aloqalari, turli -xil pozitsiyalarda turishi, shuningdek yakka tartibda, yoki kengaytirilgan holatlarda kelishi tushiniladi. Agarda ajratilgan bo'laklarning semantik funktsiyasi to'g'risida gap borsa, u holda ular tomonidan ma'lum bo'lakning ma'nosini alohida bo'rttirib ko'rsatilishi tushiniladi.

Holli ajratilgan gap bo'laklari ham, xuddi boshqa shunday gap bo'laklari kabi turli xil kommunikativ vazifani bajaradi, ya'ni ular butun gap mazmuni, yoki uning ma'lum komponentning mazmunini konkretlashtiriladi, izohlaydi, to'ldiriladi, boyitadi. Ajratilgan gap

bo‘laklarining stilistik funksiyasi – ularning turli –xil pozitsiyalarda kelishi, yakka yoki kengaytirilgan holatida bo‘lishi, shuningdek emotsiyonal- ekspressiv ma’nolarga ega bo‘lishi bilan ifodalanadi.

Holli ajratilgan gap bo‘laklari struktural jihatdan turli shakilga ega bo‘lishi bilan birga, o‘ziga xos ko‘pgina xususiyatlarga xam boy. Ular to‘g‘risida kelajakda bajarilishi rejalashtirilayotgan ilmiy ishlarimizda aloxida fikr – mulohozalar yuritimiz degan umiddamiz.

ADABIYOTLAR

1. *Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современный немецкий язык. М., 1957. 420с.*
2. *Кротевич Е. В. Обособление второстепенных членов предложения в современном русском языке. -Алма-Ата, 1946. 72с.*
3. *Медведкина В. М. Обособленное несогласованное определение. Автореф. дис...канд. филол. наук. -Воронеж, 1965. 19 с .*
4. *Турсунов Б. Т. Обособление и присоединение. – Журнал: «Илмий тадқиқотлар ахборотномаси». -Самарканд: СамДУ, 2004. 57-60 бетлар.*

MUNDARIJA

<i>B. T. Tursunov.</i> EGA STILISTIK FIGURA FUNKTSIYASIDA.....	3
<i>A. M. Бушуй.</i> ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК В НОМИНАТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ И ТЕКСТОВОМ РАКУРСЕ	6
<i>T. A. Бушуй.</i> ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА.....	12
<i>B. T. Tursunov.</i> EGANING YANGICHA SINTAKTIK TAVIATI XUSUSDA.....	21
<i>Б. Я. Примов.</i> К ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С НЕСКОЛЬКИМИ СКАЗУЕМЫМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (лингво-методический аспект).....	24
<i>К. К. Дуйсекова.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.....	29
<i>Е. А. Торпакова.</i> РОЛЬ СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	35
<i>Д. Д. Шайбакова.</i> О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ.....	41
<i>С. X. Oblakulova.</i> QADIMG'I VA O'RTA YUQORI NEMIS TILIDA SO'Z TARTIBI XUSUSIDA (Matn va she'riy matnlar na'munasida)	48
<i>О. Б. Турсунов.</i> О ФУНКЦИЯХ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ	50
<i>Н. Турниёзов.</i> МАТН-ТИЛНИНГ НУТҚҚА КЎЧИРИЛИШИДА АСОСИЙ ОБЪЕКТ.....	52
<i>P. J. Nazarov.</i> ERGASH GAPLI QO'SHMA GAP SHAKLIDAGI NEMIS MAQOLLARI VA ULARNING O'ZBEK TILIDAGI MUQOBILLARI BORASIDA	55
<i>R. I. Ibragimov.</i> «KURASH» ATAMASI YORDAMIDA HOSIL BO'LUVCHI SINTAKTIK BIRIKMALAR XUSUSIDA.	57
<i>A. Мансурова.</i> ПОВТОР КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ТЕКСТА	59
<i>В. Уматова.</i> ПРИСОЕДИНЯЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ КАК ЗАМЫКАЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА	61
<i>Г. X. Обруева.</i> К ВПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ (на материале современного английского языка).....	63
<i>Ш. Турниёзова.</i> МАТН ЛИНГВИСТИКАСИ ҲАҚИДА АЙРИМ ҚАЙДЛАР.....	66
<i>З. И. Ходжиев.</i> О НУМЕРАЦИИ В ОДНОМ ПЕРСИДСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ.....	68
<i>И. Ходжиев.</i> АЛГЕБРАИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ МУХАММАДА НАДЖМ АД-ДИН-ХАНА	70
<i>М. А. Абдуллаев.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ РОДА В КАРАКАЛПАКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (на основе биологического подхода).....	72
<i>О. Мамбетниёзова.</i> ТУЛДИРУВЧИ АЖРАТАЙЛГАН БУЛУКЛАРНИНГ СТИЛИСТИК ФУНКЦИЯСИ.....	74
<i>Р. Н. Хасанова.</i> ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ В НЕКОТОРЫХ СОЧЕТАНИЯХ	76
<i>I. Piyosov.</i> MURAKKABLASHGAN QO'SHMA GAPLAR	78
<i>U. I. Piyosov.</i> HOLLI AJRATILGAN GAP BO'LAKLARI.....	80

Matn lingvistikasi. Nemis tili nazariy fanlar kafedrasining ilmiy to'plami. I.
Samarqand: SamDChTI, 2005 yil.

Tahrir-nashriyot bo'limi

Texnik muhariri – E. Tsoy
Matn muhariri – M. Suvonova

SamDChTI nashriyot-matbaa markazi
Samarqand sh., Oxunboboev ko'chasi, 93.

Bosishga ruxsat etilgan: _____
Adadi _____ nusxa. Qog'oz bichimi A4.
Buyurtma No. _____ « _____ » _____ 2005 yil.
Times garniturasini.

«Selbis» firmasi dastgohida bosib chiqarilgan.
Samarqand sh., Sh. Rashidov ko'chasi, 68.